

Анна Дашевская

Лицо под маской

Я погладила ладонью шелковые обои и усмехнулась: мессере Джованни Дандоло сумел создать нечто непреходящее из временных материалов. Мрамор ведь тоже не вечен, «ржавеет золото, и истлевает сталь...»

Джованни выстроил свой дворец на острове посреди лагуны, дабы никто не смог войти в его дом незванным. Все пятьсот шестнадцать лет своей жизни мессере Дандоло, маг воды, один из десяти соправителей Серениссимы, до смерти пугал врагов и был, говорят, невероятно милостив к друзьям и просто к слабым. Недаром на его личном гербе рычал золотой лев, защищающий детеныша.

Странный, вообще говоря, набор качеств для венецианского патриция.

Жаль, что я на двести лет опоздала со своим рождением, думаю, я бы стала его горячей поклонницей.

Увы, единственный сын великого мага погиб совсем молодым при загадочных обстоятельствах, а внук обладал весьма слабыми способностями к магии. В дедовом палаццо Руджеро Дандоло предпочел устроить отель, передал управление им наемному персоналу, а сам переехал в империю Новый Свет.

Комната, в которой я разместилась, была когда-то малой гостиной супруги мессере Джованни, Франчески; с тех времен сохранились высокие, слегка облупившиеся зеркала между стрельчатыми окнами, зеленые шелковые обои, золоченые обводы дверей, фреска на потолке и десюдепорт, изображавшие модных когда-то пастушек и пастушков. С того же времени остался и мраморный камин, растопленный сегодня по случаю холодного февральского ветра со стороны лагуны.

Камин доедал последние страницы моей статьи, которую я уже не стану отправлять в «Вестник магической косметологии и пластической хирургии».

Глава 1. Bauta Casanova

Возвращаясь в свой номер после завтрака, я рассеянно кивнула человеку на ресепшене и сделала шаг в сторону лестницы, когда портье окликнул меня:

– Синьора! Простите, ваша почта!

– Почта? – удивилась я. – Странно, я вроде бы не жду никаких известий...

– О, синьора, это местная почта. Из Ка'Градениго.

Еще более странно. Я очень удивилась бы, получив известия из клиники или из дому, поскольку просто сбежала из Бостона, не оставив координат. Но письмо от кого-то в Серениссиме, городе, где я впервые?

Я взяла конверт. Плотная рельефная бумага, в правом верхнем углу вытиснен зеленым и золотом герб: грифон, держащий в клюве оливковую ветвь. Под грифоном девиз: «Post tenebras lux». Четким почерком на всеобщем адрес: «Отель “Палаццо Дандоло”, синьоре Хемилтон-Дайер». Надо же, даже имя не переврали.

Портье протянул мне резной костяной нож для бумаг.

– Спасибо, – улыбнулась я и вскрыла конверт.

Письмо было написано (да-да, написано, а не напечатано!) тем же четким почерком на бумаге с тем же гербом и приглашало синьору Хемилтон-Дайер, то есть меня, посетить Chiocollata Danzante завтра вечером, после десяти, во дворце Градениго. Приглашение было на двоих.

– Очень странно, – я посмотрела на портье. – А что такое Chiocollata Danzante? Впрочем, нетрудно догадаться, шоколад и танцы, не так ли?

– Вы совершенно правы, синьора, – вновь поклонился портье.

– И что мне с этим делать?

– Подбирать костюм и маску, синьора. Вам удобно будет посетить ателье Флавиа сегодня в полдень? Тогда при необходимости останется еще время, чтобы подогнать платье.

– Ну... пожалуй, да, благодарю вас. Но подождите, ведь приглашение на два лица. Получается, я не могу идти на бал без спутника, а здесь, в Венеции, у меня нет знакомых!

– Это не проблема, синьора. Вас будет сопровождать accompagnatore temporaneo, в плаще и бауте разумеется.

Сопровождающий на один раз, перевела я для себя. Почему бы нет?

Начать новую жизнь с бала-маскарада, это, по крайней мере, оригинально. Я направилась было к лестнице, но портье продолжил говорить:

– Если позволите, синьора, я рекомендовал бы вам на три-четыре дня воспользоваться услугами consigliere... советчика, если можно так выразиться. Вы ведь не просто туристка, которая завтра упорхнет куда-нибудь в Галлию или Дойчланд. Вы здесь задержитесь, а значит, вам нужно знать, что стоит, а что не стоит делать там, – он кивнул в сторону лагуны, за которой высился Дворец дождей, – в Городе.

– Вот как... – я медленно вернулась к стойке рецепции. – И это будет тот же самый человек, который должен сопровождать меня на вечер с шоколадом?

Если он скажет «да», я немедленно уеду из этого отеля, поняла я. Но портье был искренне возмущен таким предположением:

– Ну что вы, синьора! Как можно! Встретьтесь с consigliere, это ни к чему не обязывает ни вас, ни, кстати говоря, его самого. Синьор Лаварди не со всеми соглашается работать.

– Хорошо, – я кивнула. – Давайте попробуем.

– Благодарю вас, синьора! Думаю, через час-полтора он приедет.

– Скажите мне еще вот что, синьор... – я поискала на лацкане его форменного пиджака табличку с именем, но ее не было.

– Меня зовут Антонио, синьора.

– Синьор Антонио, а почему никого нет? Мы с вами беседуем уже полчаса, и за это время никто не выходил сюда, в лобби.

Портье позволил себе снисходительную ухмылку.

– Дело в том, синьора Хемилтон-Дайер, что все эти люди, – он очертил рукой круг, захватывающий, кажется, всю территорию отеля, – все эти *tedesci* и другие туристы отправились на Сан-Марко смотреть полет голубки. Пфф! Церемония для плебса! Вы увидите совсем иную Серениссиму.

Вернувшись в номер, я перечитала приглашение и снова удивилась красоте почерка. Значит, бал-маскарад... Говорят, костюмы и маски в венецианских ателье стоят целое состояние, а самые большие энтузиасты заказывают их за год. Вот просто в последний день карнавала приходят в ателье и придумывают то, в чем будут танцевать через год.

Цена будущего наряда меня не особо волновала, благодарение богам, денег у меня больше, чем нужно одинокой женщине, не ведущей светской жизни. Я унаследовала неплохое состояние от отца и получила еще одно после смерти мужа. Впрочем, даже если бы они ничего мне не оставили, я могла заработать своими руками и головой сколько угодно: пластические хирурги, владеющие еще и медицинской магией, бедными не бывают.

Наверное, я задремала в кресле у окна с видом на город, иначе почему от резкого звонка внутренней связи сердце мое заколотилось, как заячий хвост?

– Синьора Хемилтон-Дайер, вас ожидают в баре нашего отеля, – сообщил мягкий женский голос.

И что я так всполошилась?

В конце концов, если мне не понравится этот синьор... как его? Лаварди, я всегда могу мило улыбнуться и сообщить, что у меня изменились планы. Мои планы могут измениться даже так сильно, что я закрою чемодан, отправлюсь на станцию и сяду в первый попавшийся поезд.

Я ополоснула лицо холодной водой и взглянула в зеркало. Увиденное мне не понравилось.

Синьор Лаварди был похож на любимого дядюшку. Ну, у меня лично был именно такой любимый дядюшка, двоюродный брат отца. Дядю Руфуса в семье никто и никогда не принимал всерьез. Вот он точно так же осыпал сигарным пеплом лацканы пиджака, и цветной шелковый платок в нагрудном кармане, и морщинки у уголков глаз у него были похожие.

Consigliere встал, здороваясь, и оказался высоким и худым, словно складной метр.

– Итак, синьор Лаварди? – спросила я самым деловым тоном.

– Итак, синьора, – передразнил меня собеседник и неожиданно засмеялся. – Я весь в вашем распоряжении. Как мне сообщил наш дорогой Антонио, у вас завтра *Chiocollata Danzante* в Ка'Градениго и для начала вам нужно подобрать наряд?

Ателье Флавиа сверкало витриной на *calle de le Becarie*, однако гондола подвезла нас к водному подъезду, со стороны *sotoportego de ca'Dorso*. Я уже знала, что вход с воды

считается здесь более почетным. За двадцать минут в гондоле от причала «Палаццо Дандоло» до этого sotoportego синьор Лаварди успел рассказать мне о некоторых тонкостях жизни в городе; пожалуй, возникло ощущение, что информация меня уже переполняет.

Хозяйка ателье, синьора Паола Флавиа, смотрела на меня без особой приязни, постукивая указательным пальцем по выпяченной нижней губе. Потом повернулась к моему сопровождающему, и пальцы ее быстро замелькали в воздухе, ведя разговор на тайном языке жестов. Я не удивлялась: два моих старших кузена освоили подобный язык во время службы в армейской разведке и кое-каким жестам даже научили меня. Синьор Лаварди отвечал редко и коротко, но, по-видимому, был убедителен, так что через короткое время дама вновь посмотрела на меня и сказала вслух:

– Ну, хорошо. Значит, Chiocollata Danzante, и будет это завтра.

– В Ка'Градениго, Паола, – многозначительно сказал мой consigliere.

Обойдя меня, будто колонну, она задумчиво постучала себя пальцем по подбородку.

– Серые глаза, светлая шатенка, кожа чуть смуглая... Вы, наверное, носите голубое и синее, синьора?

В ее голосе мне послышалось слегка прикрытая снисходительность, я разозлилась и ответила резко:

– В основном я ношу зеленое! Хирургическую робу. А в свободное время, которого немного, надеваю джинсы и то, что попадет под руку.

– Понятно, – откликнулась синьора Флавиа, нисколько не обидевшись. – Черное и белое, вот так мы попробуем. Джованна! Принеси «герцогиню Сфорца» и все, что положено!

Я хотела упереться: что такое, вокруг полно дивных платьев всех цветов радуги – малиновые, золотые, бирюзовые, – а меня, словно монахиню, упикивают в ахроматическую гамму. Но потом мне стало любопытно, что ж за платье названо именем знаменитой герцогини?

Черный шелк, шитый серебром. Белое кружево манжет и широкого стоячего воротника, сверкающее серебром и мелкими стразами. Черный плащ с объемным капюшоном и треуголка, отделанная серебряным галуном.

И корсет, мамочки!

– А неплохо, – с одобрением сказала синьора Флавиа, осматривая меня со всех сторон. – Весьма неплохо. Осталось подобрать маску.

– Возможно, у госпожи Хемилтон-Дайер есть какие-то предпочтения? – вежливо поинтересовался синьор Лаварди, одновременно продолжая выплетать пальцами кружево тайной речи.

– Джованна! Принеси второй и третий наборы! – закричала хозяйка ателье, и еще прежде, чем эхо ее голоса затерялось в складках платьев, немолодая помощница внесла две подставки с масками.

Я затаила дыхание. До меня вдруг дошло, что с завтрашнего дня в этом городе можно не снимать маску вообще. Быть без лица. Без имени. Без биографии, анкетных данных, перечня научных достижений, списка использованной литературы. Медленно я протянула руку к белой маске, полностью закрывающей лицо. Нижняя часть ее была выдвинута вперед длинным и довольно уродливым клином.

– Это баута, синьора, – мягко проговорил Лаварди. – Отличный выбор, именно то, что нужно к trisogno. Только, позволю себе заметить, белую бауту носят летом, зимой же полагается черная. Вот, например, такая.

И он протянул мне черную маску, украшенную алыми ограненными кристаллами.

Я приложила маску к лицу и повернулась к зеркалу. Там отражалась совершенно не знакомая мне дама, лицо которой искажал и немало уродовал клин, клюв, выпяченный подбородок. Мой глаз хирурга, специалиста по красоте, это резало ужасно.

– Синьор Лаварди, а почему эта... баута имеет такую странную форму? – спросила я, пока госпожа Флавия завязывала на затылке ленты маски, закрывала мои волосы шелком и кружевами и водружала треуголку поверх платка.

– Это очень просто, синьора. Благодаря этой детали, кажущейся вам столь странной, вы сможете есть и пить, не снимая маски. Кроме того, она изменит ваш голос.

– Изменит голос, – повторила я, продолжая глядеть, как в зеркале приобретает пугающую реальность черно-белая фигура, на бауте которой сверкают алые капли. – Очень интересно. Скажите мне вот еще что, я ведь могу носить и мужской костюм?

– Разумеется, синьора! – ответили в один голос мои советчики.

– Тогда хотелось бы примерить... ну, скажем, вот этот, – не глядя, я ткнула пальцем и попала в лазурно-синий камзол, отделанный бледно-голубым шитьем и белоснежными кружевами.

В гондоле синьор Лаварди снова сел напротив меня и спросил:

– Могу ли я предложить вам отличное место, чтобы пообедать? Вам понравится.

Я взглянула на часы: оказывается, в ателье мы провели гораздо больше времени, чем я предполагала, стрелка подползала к половине шестого. Ну да, уже почти стемнело...

– А нас сейчас покормят где-нибудь? – с сомнением спросила я. – Мне говорили, что в Лации все рестораны закрываются в половине третьего и будут открыты уже только к вечеру. Вообще-то, конечно, есть хочется.

Есть хотелось просто зверски, честно говоря. Завтрак был давным-давно, еще утром, а с тех пор мне перепали только чашка кофе с крохотной печенинкой, принесенные одной из мастериц в момент смены костюма.

– Покормят, – кивнул мой *consigliere*. – Конечно, вам не принесут раззолоченного меню на десяти языках, что так любят туристы. Уж что приготовили сегодня, то и подадут. Но зато это будет настоящая венецианская кухня, никаких штучек с юга.

Слово «юг» было выплюнуто синьором Лаварди с таким презрением, что я поклялась себе самой страшной клятвой: никогда при нем не признаваться в своей любви к пище.

Настоящая венецианская кухня на сегодня была представлена *sarde e saor* – сардинами, обжаренными в масле с луком, изюмом и орешками пинии. Их сменило *risotto de go*, затем хозяйка, суровая старуха в черных кружевах, подала телячью печень. Белое вино, чуть-чуть пенящееся, разливалось из холодного, запотевшего стеклянного кувшина. Третий его бокал привел меня в состояние примиренности со всем миром, которого так долго не удавалось мне добиться дома, в Бостоне.

Все-таки это была траттория, и хозяйка принесла счет – несколько нечитаемых закорючек на листке бумаги из блокнота в клеточку. Впрочем, сумма выглядела просто смешной, что-то полтора дуката за все, и я даже не стала разбирать написанное.

Мой спутник о чем-то вполголоса заговорил с женщиной, и я отошла к воде. Совсем узкая *gia* вытекала из-под горбатого мостика слева от меня и уходила под такой же мостик справа. Я смотрела на тот, что слева, где, освещенная фонарем, увлеченно целовалась парочка: девушка в пышных длинных юбках и ярком плаще и молодой человек в джинсах и куртке. Мой взгляд привлекло светящееся пятно на воде. Источник света неспешно выплыл из тени мостика. Когда он приблизился ко мне, я разглядела серебристую маску, повторяющую человеческое лицо; там, где была бы надета шляпа, горела свеча, перевитая черной лентой.

Наверное, я вскрикнула, потому что синьор Лаварди мгновенно оказался возле меня.

- Что случилось? – но тут он и сам увидел причину моего испуга и помрачнел. –
Пойдемте, синьора Хемилтон-Дайер. Это послание адресовано не вам...

Когда гондола привезла нас в «Палаццо Дандоло», темнота залила лагуну. Небо было затянуто тучами, и гондольер озабоченно поглядывал вверх, торопясь достичь отельного причала.

- А что, плыть в дождь опасно? – поинтересовалась я.

- Нисколько, – бодро ответил синьор Лаварди. – Но если Массимо не успеет до дождя, мы с вами промокнем, и я буду недоволен.

Даже в слабом свете фонаря, висящего на свае, можно было разглядеть, как дрогнули плечи гондольера.

Впрочем, мы прекрасно успели: дождь обрушился на город в тот момент, когда за нашими спинами закрылась тяжелая дубовая дверь «Палаццо Дандоло» и навстречу с улыбкой поспешил уже известный мне Антонио.

- Добрый вечер, синьора Хемилтон-Дайер! Синьор Лаварди, buona notte! Синьора, ваши покупки доставили, Лидия разобрала пакеты и повесила все костюмы. Там в паре мест было слегка помято, она разгладила.

- Спасибо, – я удивилась. Вроде бы хозяйка ателье собиралась что-то еще подгонять по моей фигуре. И уже все привезли?

- Ну что же, – голос у синьора Лаварди был уставший, и меня начала грызть совесть. Он ведь раза в два старше меня, а я чувствую себя так, будто провела три серьезных операции... – На сегодня я прощаюсь с вами. Завтра, надо полагать, вы захотите прогуляться по городу? Я бы советовал вам начать с окрестностей Риальто, дойти пешком до Сан-Марко и вернуться в отель, чтобы пообедать и отдохнуть перед вечером. Массимо будет в вашем распоряжении.

- Спасибо, синьор Лаварди, я так и сделаю. Я хотела бы отправиться завтра на прогулку в костюме. Это не нарушит правила?

- Нисколько! С сегодняшней полуночи и до конца карнавала можно все, – consigliere улыбнулся. – Завтра будет солнечно и прохладно, не забудьте плащ и tricorno. Я приеду в отель вечером, к восьми часам, чтобы рассказать немного о завтрашнем Chiacchierata Danzante, о Ка'Градениго и его хозяевах.

Усталость ли была тому виной, или лишним оказался тот самый третий бокал вина, но мне приснился сон. Это было странно уже хотя бы потому, что сны я никогда не помню. Наверное, вижу, все видят; но у меня обычно утром, после пробуждения, не остается даже отзвуков того, что я видела ночью. А вот сегодняшний сон запомнился, и запомнился в деталях...

Мне снилось, что я – кот. Не кошка, нет, во сне я твердо знала это. Кот по имени Руди.

Кот легко вспрыгнул на подоконник, проник в узкую щель приоткрытого окна, едва не запутавшись в легкой прозрачной занавеске, и наконец бесшумно спрыгнул на пол. В глубине большой комнаты спала, отвернувшись к стене, женщина. Предутренняя тьма скрывала все детали, даже цвет волос, но это и не было нужно незваному гостю: во-первых, он отлично видел даже в полной темноте, а во-вторых, и без того знал, что попал именно в ту спальню, куда было нужно попасть.

Окон в комнате было три: левое, через приоткрытую створку которого кот и просочился; правое, точно такое же, но плотно закрытое; центральное, более высокое, увенчанное стрельчатой аркой, кажется, и вовсе невозможно было открыть. Возле правого окна стоял письменный стол, именно он интересовал визитера. Руди запрыгнул на стол и обследовал стопку бумаг, лежащую слева; лапой аккуратно отодвинул верхние три или четыре листка и наконец добрался до предмета своего интереса. Письмо на плотной

дорогой бумаге все еще несло какой-то свежий запах, то ли скошенной травы, то ли арбузных корок, то ли свежевывавшего снега. Кот разжал пасть и аккуратно положил на письмо тонкую белую нитку, которую до этого держал в зубах.

Его миссия была выполнена.

Сидя на прохладном темном дереве столешницы, кот наскоро умылся, прыгнул на пол и подошел к высокому, в человеческий рост, зеркалу в золоченой раме. В гладком стекле отразилась рыжая морда, желтые наглые глаза, порванное левое ухо, длинный полосатый хвост – словом, все, что и должно было быть.

Занавеска даже не шелохнулась, когда Руди снова оказался на подоконнике и вытек за окно. Ему предстояло забиться под сиденье так, чтобы, даже поправляя бархатные подушки, гондольер его не заметил, дожидаться наступления утра и доплыть неучтенным пассажиром до Риальто, но это уже были мелочи.

Я проснулась рано, когда было совсем темно, серенький рассвет еще даже не думал стучаться в окна. Полежала минуту, пытаюсь понять, откуда взялся рыжий кот и куда он делся. Потрясла головой, умылась, и только тогда сообразила: Руди бродил именно по этой комнате. Вот в это окно он влез, пока я спала, вот в это зеркало смотрелся. Ну да, конечно, и бумаги на столе сдвинуты и лежат совсем не так, как я их оставляла. Я подошла к столу, щелчком пальцев зажгла в воздухе неяркий фонарик и бегло, ни к чему не прикасаясь, осмотрела стол. Да, все верно: рыжий кошачий волос лежит на проспекте отеля.

Интересно, и каким образом получилось, что я смотрела сон глазами забравшегося ко мне в комнату кота?

Ладно. Проверим, что же он мне оставил.

При внимательном осмотре стало понятно, что тонкая белая нитка прилипла к приглашению на сегодняшний вечер в Ка'Градениго.

Погасив фонарик, я снова легла, закуталась в одеяло и стала размышлять. Об артефакторике я кое-что знаю, в моей работе без некоторых амулетов не обойтись. Что можно привязать к тонкой и недлинной нитке, шелковой, судя по блеску? В голову пришел только маячок. Ничего зловредного типа проклятия на болезнь или даже банальный насморк не привяжешь, слишком эфемерный носитель. Подглядывающее или подслушивающее устройство тоже не прокатит, формула заклинания просто не удержится на тоненькой ниточке. Наверное, удержалось бы что-то типа насланного пожара, но, опять же, на таком ничтожном носителе это заклинание должно было подействовать практически сразу за активацией. А после визита Руди прошло уже часа два, не меньше. Значит, все-таки маячок. То есть кто-то хочет на сегодняшнем вечере гарантированно опознать меня под маской.

Следующий вопрос: что делать с этой ниткой? Снять и выбросить или оставить и сделать вид, что я ничего не заметила? Стоит ли вообще мне опасаться того, что кто-то неведомый узнает меня среди нескольких десятков замаскированных дам и кавалеров?

Встречный вопрос: а что он может мне сделать? На балу, в ярком свете, или по дороге в лодке, при гондольере и сопровождающем, – да ничего, пожалуй. Уж если бы хотели навредить, ничто не мешало войти в номер, пока я сплю. Кот же вошел? Да и вообще, я не пятнадцатилетняя дебютантка, видывала всякое. Не хочу пугаться, хочу узнать, кто это сделал и зачем. И я снова заснула, теперь уже без сновидений.

После завтрака я переоделась в костюм – тот самый, мужской, лазурно-синий с кружевным жабо и манжетами. Заплела волосы в косичку, завязала синей лентой в тон камзола, подобрала покороче. И наконец, надев треуголку, подошла к зеркалу.

Ощущение было не таким, как в ателье. Я совсем по-другому себя увидела. Нет, поправка: в зеркале я видела не себя, а малознамого молодого человека, одетого по моде былых времен. Прошлась по комнате, вошла в невысокие сапожки, купленные там

же, у синьоры Флавии. Попыталась представить себе, как выйду на улицу в ярком, словно перо сойки, костюме и маске, и вдруг испугалась. Это я, Нора Хемилтон-Дайер, известный пластический хирург, вдова миллионера, дочь светской дамы из чопорного Бостона? Вот мои затверженные роли, куда ж я влезаю под свет рампы?

Еще минута, и я бы сняла костюм, поэтому, быстро нахлобучив треуголку, я схватила маску и выбежала из номера, будто за мной гнались.

Невозмутимый портье – сегодня это был не Антонио, а другой – пожелал мне приятной прогулки. Гондольер Массимо сидел на скамье возле причала, опираясь на стену павильона и надвинув на глаза шляпу-канотье с красной лентой. Я откашлялась, и он вскочил на ноги.

– Синьора, доброе утро! – вежливо поклонившись, Массимо успел окинуть меня вполне мужским оценивающим взглядом и одобрительно повел бровью. На душе у меня стало чуть легче: если гондольер не выказывает ни грана удивления, значит, мой костюм не так уж выбивается из нормальной действительности.

Гондола сегодня была другая – не просто узкая лодка с высоко приподнятыми носом и кормой, нет, в середине ее размещалась... будка? Маленький домик, вроде как в паланкинах, выкрашенный такой же черной краской, как и борта гондолы. Молодой человек подал мне руку, помогая шагнуть через борт, и я с удобством расположилась на алых бархатных подушках, глядя в окно.

Вчерашний дождь сменился солнцем, но не ярким, жарящим и всепроникающим. Сегодня Серениссима была залита рассеянным сквозь легкую дымку золотым утренним светом, окрашивающим поверхность воды и стены дворцов в нежные оттенки розового.

Массимо ловко накинул канат на полосатый причальный столбик, помог мне выйти из черной будки и перебраться на деревянные мостки причала.

– Я вам пока не нужен, синьора? – спросил он вежливо.

– Нет, я хочу прогуляться, – сказала я невнятно, так как в этот момент пристраивала на лицо маску.

– Тогда вот мой номер коммуникатора. Как только я понадобится, звоните.

Поклонившись, он лихо перепрыгнул назад, на корму гондолы, и тут же отчалил.

«Коммуникатор, – подумала я, в ступоре сжимая бумажку с номером. – А взяла ли я свой коммуникатор?»

Похлопала по бокам камзола, с радостью обнаружила не только коммуникатор, но и другие предметы, связывающие меня с современностью: чековую книжку, мешочек с монетами, идентификационную карту, карточку с адресом отеля... Слава всем богам, сейчас февраль 2184 года от Открытия Дорог, и мой лазурный костюм сшит на вполне современной швейной машинке.

Я огляделась вокруг: вопреки моим мрачным ожиданиям, я не выглядела белой вороной. И синей тоже. В толпе вокруг были еще люди в самых разных старинных платьях и масках, в плащах, треуголках или кокетливых шляпках с перьями. На том берегу Гранд-канала уличный музыкант играл на скрипке, прямо передо мной на небольшом пятачке выступали жонглеры и акробаты. Люди смеялись, что-то выкрикивали, покупали и тут же надевали маски. Карнавал бурлил.

Пройдясь по мосту Риальто, я заглянула в расположенные на нем ювелирные и парфюмерные лавочки, но цены в них явно были рассчитаны на мимоезжих туристов. Потом, не торопясь, следуя указаниям ярких крупных указателей, нарисованных прямо на стенах домов, отправилась по направлению к площади Святого Марка. Свернула в какой-то тупик, увидела небольшую вывеску с изображением треугольника, вписанного в круг, традиционного знака артефакторов. Зашла туда... и пропала.

Вот же тьма, если бы я знала, что эти водные маги создают такие вещи, я бы давно сюда наведалась! Ну, например, амулет, останавливающий кровотечение строго на определенном участке операционного поля – какая ценная вещь, я-то знаю. Сколько раз делала ринопластику, поминутно осушая мгновенно заливающуюся кровью зону вокруг носа, столько и ругала наших артефакторов, не сообразивших сочетать зажим и водное заклинание. Я разбежалась было купить сразу десяток таких амулетов, чтобы отправить в клинику, но тут вспомнила, что могу туда и не вернуться... Еще ничего не решено.

Ну и ладно, неважно, для себя я возьму пару штук. Оперировать-то я ведь все равно не перестану. Мало ли что, вот завтра выйду к завтраку, а портье вручит мне письмо от какого-нибудь местного аристократа с просьбой немедленно помочь. Или, наоборот, от директора сиротского приюта...

В общем, у артефактора я провела часа полтора и оставила немалое количество денег. Попросив отправить покупки в отель, я вновь надела маску и пошла в сторону главной площади города. Потихоньку пошла, останавливаясь у каждой витрины и заглядывая в любую попавшуюся calle или rugetta. Столкнувшись со мной возле ювелирной лавки дама в нежно-розовом платье с кружевами зябко куталась в теплый плащ, но тем не менее мы долго обсуждали достоинства выложенных на белом бархате колец и ожерелий. Наконец я отправилась дальше, а дама в розовом, пробормотав что-то вроде: «Я же должна примерить», толкнула входную дверь ювелира.

На площадь я вышла как-то неожиданно для себя. Вот только что шла по узкой улочке-calle, то и дело задевая краем плаща такой же плащ, подол широкой юбки, кирпичную стену или чьи-то модные джинсы, – и вдруг в лицо ударил порыв соленого ветра, смешанного с волной музыки и запахом кофе, ванили и шоколада. Сверкнуло золотом и лазурью слева, и в один стук сердца я увидела собор, Кампаниллу, столики кафе, витрины, белые смокинги оркестрантов и широкую площадь, заполненную людьми. Самая элегантная гостиная Европы, площадь Святого Марка.

Остановилась, держась за спинку подвернувшегося под руку стула, потому что отчего-то замерло сердце, вздохнула поглубже...

– Чашку шоколада, синьора? – подлтевший официант уже отодвигал стул и усаживал меня лицом к площади.

Да, вот тут я высоко оценила выбранную мною бауту. Пусть в профиль физиономия в ней напоминает черного бульдога, написанного в стиле кубизма, зато она позволяет поднести к губам тонкую белую чашечку с шоколадом, а потом отправить следом за тягучим горьковатым напитком крохотное печенье с начинкой из орехов и апельсинового джема, или мармеладные ягоды, или белоснежные меренги...

Выцедив из чашки последние капли шоколада, я достала коммуникатор и вызвала Массимо. Кажется, за несколько часов прогулки я устала так, словно все это время простояла у операционного стола.

Свертки и коробки из лавки артефактора, два пакета с новыми масками, пухлый сверток с плащом... Сегодняшние мои покупки, уже доставленные в отель, занимали половину немаленького номера. Ужасно хотелось примерить плащ, он мне понравился необычайно – более широкий, чем мое домино, тоже черный, но с подкладкой насыщенного оранжево-розового цвета. Фокус в том, что плащ можно было вывернуть, и сразу стать другим человеком.

Я героически сунула все пакеты и сумки в шкаф, не распаковывая, и прилегла: до встречи с синьором Лаварди оставалась всего пара часов, а отдохнуть мне было просто необходимо.

Час сна, контрастный душ и чашка кофе, которую мне мгновенно принесли в номер, взбудрили дух и тело. Выходя в холл отеля, я даже слегка напевала.

Синьор Лаварди традиционно ждал в баре за бокалом белого вина. Расспросив меня о

сегодняшней прогулке, он отодвинул бокал и сказал серьезно:

– Итак, синьора, сегодня у вас первый выход в свет в нашем городе. Самые главные правила поведения, когда вы в маске: ничему не удивляйтесь вслух и ничего никому не обещайте. Насладитесь хорошенько музыкой, танцами, ужином. Перестаньте на один вечер быть такой серьезной.

– Я постараюсь.

– Ваш сопровождающий на сегодня будет ждать вас в лобби отеля сегодня в десять вечера. Он будет в бауте и черном домино и передаст вам от меня записку для хозяйки дома. Danzante заканчивается примерно в четыре часа утра, но вы можете вызвать Массимо в любое время. Вам достаточно пробыть в Ка'Градениго хотя бы два часа.

– Неужели кто-то будет следить за тем, когда я уйду с бала? – я удивилась.

– Конечно, синьора! На вас будет смотреть множество глаз. Не одно и не два семейства уже включили вас в свои планы, и, вот увидите, завтра вам будет предложен богатый выбор поля для игры.

– Вообще-то я уезжаю через пять дней, – зачем-то сказала я.

– Посмотрим, – синьор Лаварди мягко улыбнулся. – Еще одно: если чье-то поведение покажется вам странным, озадачит вас, если какой-то поступок или жест вызовет у вас тревогу, сделайте две вещи.

Он отчего-то замолчал надолго, и я рискнула поторопить своего consigliere:

– Какие две вещи, синьор Лаварди?

– Ах да, – очнулся он, неловко улыбнувшись, и договорил: – Первое – ничем не отвечайте на обеспокоившее вас действие. Второе – подойдите к мажордому и скажите, что вы желали бы связаться со мной.

Вот интересно, это он сейчас меня пугал, предупреждал или заинтриговывал?

– А сопровождающий в этом случае помочь не сможет? – на всякий случай уточнила я.

– У него другая роль, – невозмутимо ответил мой consigliere. – Он сегодня только лишь маска, пешка, но не фигура.

– А я?

– А вы – определенно фигура. Только пока никто не знает, какая именно. И из какой игры.

Платье было подогнано просто безупречно. Почему-то мадам Лафорж, моя бостонская портниха, никогда не может достичь такого идеального результата, хотя берет, кажется, не меньше, чем синьора Флавия. Затянутая в черный шелк талия казалась тоненькой, как у юной дебютантки, серебряные кружева трепетали на груди. Черное кружево платка полностью скрыло волосы и овал лица. Глядя в зеркало, я сунула в кармашек в складках юбки узкий стилет, надела маску и водрузила на макушку треуголку. Вот теперь там отражалась та самая герцогиня Сфорца...

Прежде чем выйти из номера, я еще потренировалась подносить ко рту чашку, стакан с водой, виноградину – все получилось отлично.

Ка'Градениго сиял огнями. Моя гондола подошла к причалу дворца, Массимо зацепил причальный канат за полосатый сине-белый столб и ловко выскочил на дощатый помост. Церемонно отворив дверцу кабины, он подал руку моему спутнику. Тот вышел и в свою очередь склонился, подавая руку мне. Все это время лакей Ка'Градениго стоял, словно статуя, держа в руке пылающий факел. Покинув гондолу, я сделала два шага по ковровой дорожке, ведущей от причала к ступеням дворца. Украдкой оглядела свое

платье – не помялось ли? Вроде нет... Положила левую руку на предложенный мне локоть и медленно пошла за факелоносцем.

Интересно, почему они освещают дорогу от причала в дом факелами, а не обычными магическими фонариками?

Пройдя по короткому полутемному коридору, мы вышли в холл, и я даже зажмурилась: вот здесь не было недостатка в свете. Не фонарики, а целые фонари сияли разноцветными шарами, отражаясь искрами и лучами света в зеркалах, позолоте рам, хрустальных подвесках люстр, пробегали бликами по полированному разноцветному мрамору и возвращались к драгоценностям и золотому шитью гостей, неторопливо поднимающихся по широким изгибам лестницы. Арлекин и Коломбина, хозяева сегодняшнего вечера, приветствовали входящих в дверях бального зала, и лакей в белом парике и малиновой ливрее подавал с поклоном бокал шампанского. В глубине зала на балконе играл оркестр, и первые пары уже кружились под знакомую музыку вальса.

Я отпила глоток из бокала и медленно пошла по залу вперед, рассматривая других гостей и отвечая на поклоны. Костюмы были разные и в то же время одинаковые; это был не столько костюмированный бал в том понимании, в каком их устраивали в бостонском светском обществе, а, скорее, вечер с тематическим переодеванием. Кое-кто их гостей оделся Арлекином, Панталоне или еще какой-то из масок комедии дель арте, но большинство выбрало для себя платье четырехсотлетней давности, времен Джакомо Казановы и Карло Гольдони. Зато относительное однообразие стиля искупалось цветом: вся радуга с ее тончайшими вариациями разлилась по бальному залу Ка'Градениго.

Оркестр замолчал, и в зал вошла цепочка бело-малиновых лакеев с подносами, на которых исходили паром чашки тонкого белоснежного фарфора; в зале восхитительно пахло шоколадом. Я невольно сглотнула слюну, вспомнив, что последний раз ела еще днем, в кафе на площади Святого Марка. По счастью, шоколад сопровождался крохотными, на один укус, закусками – профитролями с начинкой из паштета, икры или крема, сэндвичами размером с перепелиное яйцо, микропирожными и чем-то еще. Отправив по назначению последнюю хрустящую корзиночку с малиной, я вытерла руки горячей влажной салфеткой, неведь откуда возникшей передо мной и так же исчезнувшей, и поняла, что готова потанцевать.

Пройдя первый вальс со своим молчаливым сопровождающим, я довольно быстро потеряла его из виду. Впрочем, вскоре я вообще о нем забыла: вальс сменялся мазуркой, танго – паваной, только разноцветные камзолы мелькали перед глазами. Наконец я совершенно выбилась из сил и решила найти и попить воды, потом отыскать дамскую комнату и чуть-чуть отдохнуть. План этот был с блеском исполнен. Вот только, выйдя из помещения, которое в Ка'Градениго скромно обозначили как powder room, я ухитрилась свернуть не в тот коридор и уже через пять минут проклинала шепотом свой топографический кретинизм. Похоже, меня занесло в жилую часть дворца, не предназначенную для гостей бала. Здесь все выглядело менее парадно, но как-то очень по-домашнему. Я заглянула в одну из комнат – небольшая гостиная, где явно любит сидеть хозяйка дома, судя по портретам детей на каминной полке, оставленным на столике пальцам с вышивкой, букетику примул в небольшой стеклянной вазе...

Надо искать выход в бальный зал, а то неудобно будет, если я наткнусь на кого-то из хозяев или даже слуг. Стоило мне подумать так, и я почти подпрыгнула оттого, что в комнате рядом раздались мужские голоса. Один говорил совсем тихо, почти бормотал, ни слова разобрать было невозможно. Второй, более низкий, ограничивался междометиями, но в его «угу» звучала явственная угроза.

Проклятое любопытство одержало верх, и я заглянула в чуть приоткрытую дверь между гостиной и соседней комнатой.

Двое мужчин без масок, но в таких же роскошных нарядах, как и прочие участники бала. Камзолы почти одинаковые, цвета мякоти темного винограда. У того, который сидит, одежда отделана тонким черным шнуром, и лишь на белой рубашке виднеется неширокая полоска кружев. Стоящий перед ним, тот самый, что и сейчас продолжал бормотать, захлебываясь, комкал и рвал роскошное серебряное кружево своих манжет.

– Довольно, – уронил сидящий в кресле, и второй замолк, буквально подавившись словами. – Хватит, Луиджи. Ты виновен, и я мог бы прямо сейчас приказать тебе

умереть, но... будем считать, что *te la sei cavata*. Иди и будь готов завтра отправиться замаливать грехи в обитель Святого Христофора.

Небрежным жестом он отпустил своего собеседника – или надо было бы назвать его жертвой? – и перевел взгляд на ту самую дверь, за которой стояла я. Затем, встав, подошел к ней и открыл. Я почувствовала под маской, как мое лицо заливают густая краска. Ох, Великая Мать, кажется, последний раз меня ловили на подслушивании в возрасте трех лет...

– Итак, синьора, – с усмешкой проговорил мужчина, – проходите, присаживайтесь. Могли бы я предложить вам бокал вина?

Я присела в реверансе и молча сделала шаг вперед: говорить пока боялась, чувствуя, что голос может подвести. Осмотрелась вокруг, стараясь не особо крутить головой – ну да, еще одна гостиная, но, если можно так выразиться, с мужским акцентом. Панели темного дерева на стенах, карточный стол, накрытый зеленым сукном, поднос с напитками...

Незнакомец за руку подвел меня к креслу, сам уселся напротив и взял бокал с красным вином.

– Не молчите, синьора, прошу вас. Заметьте, я не требую, чтобы вы сняли маску или назвались. Я даже не спрашиваю, что вы делали в гостиной моей сестры. Пойдите же и вы мне навстречу. Вина? Красное, белое? Шампанское?

– Белое, пожалуйста, – тихо проговорила я.

Глоток легкого *Bianco di Custoza*, сладковато-кислого, с запахом летних яблок, смягчил перехваченное горло, и я смогла говорить уже более свободно.

– Я прошу прощения, синьор. Моей целью вовсе не было что-то услышать или увидеть. В эту часть дома я попала совершенно случайно, просто не туда повернула в коридоре и искала, у кого спросить...

– Вы меня нашли. Спрашивайте.

Совершенно против моей воли язык мой (враг мой!) сам выговорил вопрос:

– А что значит «*te la sei cavata*»?

Мой собеседник расхохотался:

– Всего лишь «тебе удалось выкрутиться» на местном диалекте. Иногда мы предпочитаем говорить не на всеобщем, знаете ли...

– Да, я это заметила.

– А вы ведь не местная и, похоже, вообще издалека. Бритвальд? Русь? Норсхольм? Качаете головой... Новый Свет?

– Новый Свет, – согласилась я и, поскольку никакого секрета в этом не было, добавила: – Бостон.

– А! Ну, тогда я знаю, как вас зовут! Вы синьора Хемилтон-Дайер и остановились в «Палаццо Дандоло».

– Неужели Венеция – такой маленький город, что все обо всех знают? – спросила я с изумлением. – Ведь здесь сейчас, во время карнавала, толпы туристов со всего мира!

– Конечно, это очень маленький город, – мягко улыбнулся мужчина. – Нас, тех, кто живет на островах круглый год, немногим более ста тысяч. Всего сто тысяч – нобилей, аристократов и простолюдинов. Но о вас, синьора, я был осведомлен еще в тот момент, когда вы покинули борт «Царицы Савской».

– Вот как? Тогда мне хотелось бы узнать причины такого интереса к обыкновенной туристке... Ну, разве что вы являетесь главой местной ночной гильдии и планируете ограбление?

- Ни в коем случае, синьора, скорее уж наоборот...

Мне показалось, что мой собеседник собирается представиться, но в этот момент откуда-то из глубины дома послышались громкие и возбужденные голоса, и он, с досадой прищелкнув языком, встал, надевая простую черную полумаску.

- Прошу прощения, но мне нужно идти. Я обещаю, что мы встретимся еще, и я постараюсь ответить на все ваши вопросы. На все, на которые смогу ответить. А сейчас пойдемте, я провожу вас обратно в бальный зал.

Искомый зал оказался буквально за углом. Как я ухитрилась его не найти, не понимаю... Танцевать мне уже не хотелось. Загадочный собеседник занимал все мысли, и после того, как я дважды наступила на ногу партнеру в вальсе, стало понятно, что нужно отправляться в отель. Собственно, все запланированное сделано: шоколад попробовала, платье выгуляла, натанцевалась до упаду, записку синьора Лаварди хозяйке передала, небольшое приключение нашла... Или большое? Ладно, время покажет. Я сладко зевнула, благо под маской этого не видно, и отправилась искать своего сопровождающего. Впрочем, проблемы это не составило: стоило мне сделать два шага в сторону парадной лестницы, как высокая фигура в черном словно сама собой возникла за моим левым плечом.

В лодке я бессовестно уснула, едва закуталась в плащ, и проспала вообще все: дорогу по воде, высадку из гондолы и последующее путешествие на руках ассомпнагоре до номера... Проснулась я уже в тот момент, когда горничная развязывала ленты моей маски.

- Ох, спасибо, - пробормотала я, благодарно подставляя затылок. - Не могу глаз открыть, так устала...

- Ничего удивительного, синьора, бал - это тяжелая работа. Спите, утром завтрак принесут вам в номер.

Я еще ухитрилась поблагодарить женщину, слабо ворочая языком, но ее ответа уже не слышала.

Разбудил меня запах кофе и вафель. Открыв глаза, я поняла, что утро давно уже закончилось, в разгаре день; я лежу в кровати в пижаме, на столике исходит паром кофейник, масло блестит в масленке каплями влаги, а серебряная крышка прикрывает что-то аппетитное. На часах было половина двенадцатого. Ого! В такое время я не вставала со времен колледжа, да и там не особо позволяла себе...

Небольшая гимнастика, горячий душ, завтрак, кофе - чего еще хотеть человеку в отпуске? Только информации. И я попросила портье найти для меня синьора Лаварди. Раз уж он мой consigliere, пусть отвечает на вопросы, не дающие мне покоя!

Как оказалось, синьор Лаварди уже был в отеле и ждал моего пробуждения. Я бы сказала, что мне стыдно, но это было бы абсолютной неправдой: мне было весело и смертельно любопытно. И главный вопрос, который крутился у меня на языке: а чего все они от меня хотят?

- Синьора, - поприветствовал меня мой consigliere, поспешно вставая. - Добрый день! Вы довольны вчерашним вечером?

- О да! Правда, у меня накопилось огромное количество вопросов...

- Я постараюсь ответить на них, но прежде скажите, синьора Хемилтон-Дайер, вы уже посмотрели вашу почту?

Почту? Я почти удивилась, затем вспомнила, как пришло мне приглашение на вчерашний вечер, и сообразила, что удивляться нечему. А синьор Лаварди махнул кому-то рукой, и через минуту один из консьержей принес поднос, на котором высилась буквально гора конвертов.

- Мамочки... это все мне? – только и смогла выговорить я.

- О да, синьора. Вы за одно утро стали весьма популярны в нашем городе.

- Но за то время, которое мне осталось здесь провести, я даже прочитать все это не успею!

- И не нужно. Сейчас мы с вами быстро все разберем и рассортируем.

Он отставил кофейную чашку, размял пальцы и провел рукой над подносом, что-то тихонько бормоча. Под его ладонью конверты сами собой складывались в аккуратные стопки, которых я насчитала пять. Я подняла глаза на синьора Лаварди, который с довольным видом хмыкнул и пояснил:

- Итак, вот это, – рука его легла на крайнюю стопку слева, – те письма и приглашения, на которые обязательно нужно ответить, а мероприятия – посетить. Это очень важно.

Я с любопытством взяла верхний конверт: письмо на тонкой бумаге цвета лаванды в самых велеречивых выражениях приглашало меня завтра в Ка'Боттарди на *partito delle signore* с духами.

- Духи – это в смысле ароматические вещества?

- Нет, синьора, имеются в виду души. Призраки, если желаете.

- И что, вы хотите сказать, что призраки, привидения, называйте как угодно, и в самом деле примут участие в вечеринке? – скепсис в моем голосе, надеюсь, чувствовался явственно.

Но синьор Лаварди ответил со всей серьезностью:

- Я хочу сказать, что от приглашений графини Боттарди никто в Серениссиме не отказывается, даже бесплотные сущности.

- Хорошо, – пожала я плечами. – Значит, на завтра приглашение принимается. Но это же нужно новое платье?.. и сопровождающий?

- О нет, это вечеринка только для синьор! И вы вполне можете надеть один из своих мужских костюмов, вариант вполне допустимый. А вот для следующего дня новое платье вам понадобится...

Так мы разобрали стопку писем с пометкой «очень важно», в результате чего выяснилось, что все мои вечера на ближайшие шесть дней полностью расписаны.

- Я врач. И следовательно, у меня очень скверный почерк, так что не представляю себе, как на все это отвечать, – сообщила я с мрачным удовлетворением, окидывая взглядом нетронутые письма. – И я планирую уехать, пусть не через пять дней, но хотя бы через неделю. Это значит, что больше ни одного приглашения мне просто не освоить.

- Ответные письма не составят проблемы, – махнул рукой великолепный *consigliere*. – Вот так вот...

И роскошная ручка с золотым пером сама собой заскользила по листу бумаги с логотипом отеля.

С остальными конвертами было уже проще. Половину из них составляли предложения от ателье, ювелирных и меховых магазинов, косметических салонов и прочее, отправившиеся в корзину. Единственное из таких рекламных писем, я бы даже назвала его запиской, которое оставил синьор Лаварди, – это приглашение посетить закрытую продажу шелка из Комо. Более того, с самым серьезным видом он переложил это письмо в первую стопку.

- Почему? – поинтересовалась я.

- Во-первых, шелк с озера Комо, несомненно, лучший в мире. Во-вторых, там будут

персоны, с которыми вам полезно будет познакомиться. В-третьих, уверяю, это будет не менее интересно, чем посетить вернисаж.

– Ладно. По времени вроде бы получается. А теперь объясните мне...

– Нет, синьора, давайте вы расскажете мне о вчерашнем вечере. Ведь там было что-то, чего вы не ожидали?

Я вспомнила синий шелк гостиной, бокал с Bianco di Custoza, темные глаза незнакомца...

Вопреки моим ожиданиям, синьор Лаварди был очень доволен моим приключением.

– А как выглядел ваш незнакомец, он ведь был без маски? – переспросил он.

– Как выглядел?.. Знаете, мне проще будет нарисовать его, чем описать словами.

Я взяла у моего собеседника ручку, мимоходом поразившись ее тяжести, и нарисовала забывшееся мне лицо: складку губ, упрямый подбородок, разлет бровей, волосы, небрежно завязанные в низкий хвост... Посмотрела на получившийся портрет, кивнула сама себе и отдала его синьору Лаварди. Тот посмотрел, взглянул на меня, снова на рисунок, и брови его поползли вверх.

– Вы хорошо рисуете, синьора, – сказал он.

– Ну, при моей специальности это весьма полезный навык, – я пожала плечами. – Так кто это такой? Я поняла только, что он брат хозяйки дома, но не успела влезть в Сеть и поискать информацию об этой семье.

– Дело не в том, что он брат синьоры Градениго. Он – член клана Торнабуони. Вы познакомились с юристом клана, Джан-Баттистой, вторым сыном главы семейства.

Я присвистнула. Об этой семье магов воды слышала даже я, человек весьма далекий от высокой магической науки. По мнению самых серьезных магов Нового и Старого Света, их вклад в разработку математических моделей процесса создания заклинаний переоценить невозможно. Однако получается, мой знакомец не маг и не математик?

– Юрист? – озвучила я свой вопрос.

– Ну... – синьор Лаварди поднял взгляд к потолку, внимательнейшим образом разглядывая синие и алые стеклянные завитки люстры. Потом посмотрел на меня и договорил, выделяя каждое слово: – Те, кто считает его палачом, ошибаются.

Палачом, мама дорогая! Я глубоко вздохнула, чтобы унять отчаянно забившееся сердце, и сказала с храброй улыбкой:

– Это хорошо, что они ошибаются. Один знакомый палач у меня был, пожалуй, я бы не хотела повторять опыт...

– А мне казалось, что в Новом Свете отменена смертная казнь, – удивленно поднял брови синьор Лаварди.

– Отменена, – я поняла, что от рассказа мне не отвертеться, и продолжила: – Но некоторые... корпорации держат людей для специальных поручений. Один такой пожелал стать членом нашей семьи. Собственно, это было одной из главных причин моего отъезда из Бостона сперва в Лютецию, а затем сюда.

– Вы думаете, он не сможет вас найти?

– В газетах прошло сообщение о его смерти, и эти сведения мне... подтвердили доверенные люди.

Честно говоря, я в жизни так не напивалась от радости, как в тот день, когда получила короткое письмо от Альмы Хендерсон, моей секретарши. Но тогда... О, я очень хорошо помню ощущение счастья, нахлынувшее на меня, когда я прочла две строчки, пришедшие по электронной почте: «Хаббард убит, все подтвердилось. Возвращайся». Я немедленно позвонила в ресторан отеля «Крийон», где жила в Лютеции, и заказала две бутылки лучшего шампанского. И выпила их одна, да!

Я вспомнила холодные, очень светлые голубые глаза, чуть кривой нос, светлый ежик стрижки человека, которого боялась до обморока, и вдруг представила себе, что Альма и все остальные ошиблись. Ну, или были обмануты Магнусом Хаббардом не в первый раз... И значит, снова нужно оглядываться, выходя из двери отеля? А может быть, и вчера, на балу, меня хотели отследить по его поручению?

Да нет, это уже безумие. И вообще: я ношу маску. В этом городе я могу менять лицо хоть каждый день, и никто этому не удивится!

- Простите, синьор Лаварди, задумалась, - извинилась я. - Так говорили о Джан-Баттисте Торнабуони, не так ли? И вы сказали, что он... э-э-э... решает юридические проблемы клана.

- Именно так, вы прекрасно сформулировали.

- Так вот почему он так разговаривал с тем напуганным человечком... - пробормотала я.

- Вы не рассказали мне об этом, - упрекнул мой собеседник.

- Да там практически нечего рассказывать. Я случайно услышала часть не предназначенного для чужих ушей разговора, - вспомнив, как меня застукали на подслушивании, я вновь покраснела. - Ваш... Джан-Баттиста сказал некоему Луиджи, что тот виновен, и отправил его в монастырь Святого Христофора.

- Вот как... Значит, Галло все-таки попался. Интересно... - с отсутствующим видом проговорил consigliere, затем встрепенулся и продолжил: - Ну, хорошо, так о чем вы хотели меня спросить, синьора Хемилтон-Дайер?

Почему-то у меня возникло ощущение, что сию минуту синьор Лаварди получил от меня некий кусочек пазла, которого ему не хватало. Вот зачем я ввязываюсь в эти местные интриги? Мало мне было приключений? Мало было склок между хирургами и выяснений, кто самый великий в нашем крохотном садке с акулами?

Вздохнув, я попыталась сформулировать беспокоящее меня ощущение как можно точнее:

- Понимаете, синьор Лаварди, мне все время кажется, что окружающие знают что-то, о чем мне не говорят. Нет-нет, я не имею в виду какие-то местные секреты! Мне кажется, что что-то знают обо мне. Ну, как это объяснить... Вот когда в школе учитель поставил точку возле твоей фамилии в журнале, все это видели и уверены, что сегодня тебя вызовут. А ты не в курсе, просто лопатками чувствуешь грядущие неприятности.

- Да, понимаю. - Синьор Лаварди потер пальцами подбородок, потом решил и начал говорить: - Вы правы и не правы одновременно. Да, когда вы приехали в Венецию, многие усмотрели в этом некий знак. Я не имею полномочий рассказывать о подробностях, но... Дело обстоит так: в одном из семейств наших нобилей есть серьезная проблема. Для ее решения может понадобиться специалист вашего уровня.

- Специалист в области пластической хирургии?

- В магической пластической хирургии, да, - слово «магической» он подчеркнул особо. - Но пока никто не говорил о такой возможности с... э-э-э... объектом. И неизвестно, как он к этому отнесется.

- И что, весь город в курсе этой проблемы?

- Ну, вам ли не знать, что сложности такого рода бывает чрезвычайно трудно скрыть, - синьор хмыкнул несколько принужденно. - Не буду скрывать, мне поручено сделать ваше пребывание здесь максимально приятным и увлекательным. И вот еще, кстати, отель ведь у вас оплачен по завтрашний день?

- Да, я как раз собиралась продлить бронь номера.

- Позволено ли будет предложить вам посмотреть... э-э-э... ну, скажем, апартаменты? Если вы захотите, их можно будет арендовать на любой срок. Иногда свой дом бывает много предпочтительнее, сами понимаете.

Дом или апартаменты, ага... Прикинем быстренько: в отеле уже входят в стоимость завтраки, уборка, смена белья. При этом все вокруг абсолютно чужие, и можно их не принимать в расчет. В доме или апартаментах нужно думать о еде, говорить с уборщицей, решать вопросы со стиркой и глажением, вообще, как-то начинать жить. Я уже открыла рот, чтобы вежливо отказаться, но с удивлением поняла, что договариваюсь ехать смотреть этот самый дом. Ехать прямо сейчас, даже не задав ни одного вопроса!

Положительно, этот город действует на меня развращающе.

Апартаменты? Ха-ха три раза. Гондола под управлением неизменного Массимо привезла нас с синьором Лаварди к самому настоящему палаццо: с водным подъездом, охраняемым причальными столбами в желтую и зеленую полосу, с черно-белой шахматной доской мраморного пола при входе и высокими стрельчатыми окнами в piano nobile, господском этаже.

Массимо накинул канат на полосатый столбик с позолоченным набалдашником и ловко выскочил на доски причала. Помог выйти синьору Лаварди, потом мне, запрыгнул обратно и уселся на корме гондолы, вытянув вперед длинные ноги и надвинув на глаза соломенную шляпу, украшенную сегодня разноцветной лентой.

– Итак, синьора Хемилтон-Дайер, разрешите представить вам – Ка'Виченте.

Сделав пару шагов назад, я окинула взглядом здание. Вызывающе асимметричное, оно было узким и будто устремленным ввысь; справа двояная арка вела к входной двери, слева на первом этаже виднелись три небольших квадратных окна, забранных толстой решеткой. Piano nobile радовал глаз шестью соединенными в ряд стрельчатыми окнами и угловым балконом. Между квадратными окнами третьего этажа и мощными балками, поддерживающими крышу, сияла яркими красками фреска, но разглядеть ее с того места, где я стояла, не получалось. Ну, ничего, посмотрю, когда будем отплывать.

– Прошу вас, синьора, – мой спутник склонился в поклоне, и я вошла в арку.

Широкие двустворчатые входные двери были распахнуты, и солнечный луч через них попадал внутрь, отражался от высокого золоченого канделябра и рассыпался искрами по позолоте, стеклянным подвескам люстр и бра, сверкающим зеркалам, после чего затихал на черно-белом мраморе пола. Вот же тьма, если такова прихожая, каковы будут парадные залы?

В центре холла стояла высокая худая женщина в белом фартуке поверх длинного коричневого платья с небольшим кружевным воротником. На поясе ее платья выразительно покачивалась солидная связка ключей. У левой ноги женщины сидел здоровенный рыжий кот и жмурил желтые глаза на солнечный луч.

Женщина присела в реверансе.

– Добрый день, синьора Пальдини, – кивнул ей Лаварди. – Итак, синьора Хемилтон-Дайер, разрешите представить вам домоправительницу Ка'Виченте. Именно ее труды позволяют мне утверждать, что здесь вам будет куда уютнее и удобнее, чем в самом лучшем отеле.

Я поздоровалась с женщиной и перевела взгляд на кота. Как бы ни странно это звучало, но его личность мне знакома. Минуточку, так это же тот самый кот, который во сне шлепался по моему номеру!

– А ваш кот живет здесь же? – спросила я самым равнодушным тоном.

– Да, синьора. Его зовут Руди. А вы не любите кошек?

С трудом удержав на языке расхожую шутку, что я не умею их готовить, я пожала плечами.

– До тех пор, пока он не решит жить в моей комнате, это не мое дело.

Руди. Рыжий кот с наглым взглядом желтых глаз и рваным левым ухом. Тот самый Руди,

который прилепил ниточку-метку к приглашению на мой первый венецианский бал. А я ведь так и не выяснила, по чьему приказу?

Тем временем, коротко переговорив с домоправительницей, синьор Лаварди повел меня смотреть комнаты *riano nobile*. И, сознаюсь, я была ими совершенно очарована. Спальня и прилегающие к ней будуар и гардеробная были отделаны бледно-зеленым с серебром. Окна спальни выходили в небольшой внутренний двор, засаженный цветущими крокусами и анютиными глазками; будуар смотрел на Гранд-канал. В гардеробной стояли три огромных, в рост, зеркала в серебряных рамах и бесчисленные шкафы, ящики, полки и шляпные коробки. Гостиная, оформленная в ярких тонах – малиновом, белом, золотом, – также сверкала зеркалами, в которых отражались люстры муранского стекла. Бальный зал был белым, а в кабинете царил чиньский стиль: черный и красный лак, ширмы, карпы и пионы.

– Потрясающе, – восхитилась я. – Просто невыносимо красиво.

– Обратите внимание на плафоны, синьора, – голосом искусителя шепнул на ухо синьор Лаварди. – Их расписывал сам Тьеполо!

– Синьор Лаварди, – ответила я по возможности строго. – Скажите сразу, сколько это стоит.

– Двести дукатов, синьора.

– В час?

– О нет, я бы не посмел... Двести дукатов в неделю, и это включает уборку и завтрак. В качестве горничной, боюсь, синьора Пальдини не слишком подойдет. Но горничную она вам порекомендует за минимальную доплату.

Двести дукатов в неделю? Номер в «Палаццо Дандоло», в котором я живу сейчас, стоит двести десять в день! И это отнюдь не многокомнатный люкс, а вполне обычный номер, чуть лучше стандартного. Помнится, кошка тоже обещала мышке слишком хорошее вознаграждение за плевую работу – горшок масла, если та пробежит из угла в угол...

– Синьор Лаварди, я хотела бы посмотреть договор аренды. До этого я не могу принимать решение.

– Да, синьора, я привезу вам его завтра с самого утра.

Я поблагодарила домоправительницу и кота, опершись на руку Массимо, устроилась в гондоле и во все глаза стала смотреть на Ка'Виченте. Фреска в верхней части здания с воды была видна отлично, и я даже определила ее сюжет. Впрочем, трудно было бы его не определить, если изображение включало трех почти обнаженных красавиц и юношу с пастушеским посохом, протягивавшего яблоко одной из них. История Париса с золотым яблоком и трех самолюбивых богинь...

Просмотрев договор аренды, я откинулась на спинку кресла и посмотрела на синьора Лаварди.

– Прежде, чем я подпишу договор... Прежде, чем я вообще возьму ручку, я хочу знать, чего от меня потребуют и кто.

– Синьора, прошу меня простить, но я не могу этого вам сказать.

– А кто может?

Он тяжело вздохнул.

– Смелее, синьор Лаварди! За названное имя вас не подвергнут остракизму. Ну, так от кого я узнаю подробности и когда?

– Завтра вечером граф Контарини вернется в Венецию, – с мученическим выражением лица выговорил он. – Послезавтра вы встретитесь с ним на балу в Ка'Фоскари.

– Ну, вот видите, и совсем не было больно! – усмехнулась я. – Значит, рассказать, в чем суть проблемы, вы мне не можете?

Лаварди замотал головой так, что я испугалась, как бы она не оторвалась.

– Нет, синьора, простите!

– Ладно. Тогда расскажите мне о тех, кто имеет какое-то значение в этом городе, и об их взаимоотношениях. Мне надоело чувствовать себя в темноте. И пожалуйста, начните с кланов Контарини и Торнабуони.

Мой консультант хмыкнул, неожиданно придя в хорошее настроение.

– Это-то как раз несложно. Два этих клана можно назвать... союзными, пожалуй. Да, именно так. Они не конкуренты, поскольку Торнабуони занимаются водной магией с точки зрения теории, математических основ, разработки новых заклинаний. К этому вплотную примыкают мореплавание и погодная магия. А Контарини – это, в первую очередь, верфи, а также все, что используется в строительстве и в военных целях.

В какой-то момент я даже пожалела о своем вопросе. Во взаимоотношениях кланов и семей Венеции, входящих в Совет десяти, Совет судей и Совет нобилей милейший синьор Лаварди разбирался не хуже, чем я в типах скальпелей. Может быть, даже лучше. Так что через два часа и пять чашек чая я полностью ориентировалась в хитросплетениях жизни венецианцев, как надводной, так и подводной части этого айсберга.

Итак, завтра вечером у меня бал в Ка'Фоскари и встреча с представителем правящего семейства. Не главой, нет, упаси боги; со мной желает встретиться второй наследник фамилии, граф Пьетро. А сегодня... взгляд мой упал на стрелки часов, и я застонала:

– Синьор Лаварди, через два часа мне нужно отправляться на эту дамскую вечеринку, а я еще даже не знаю, что надену завтра!

– Какие, право, мелочи, – небрежным жестом он отмахнулся от моих слов. – Платье для вас из ателье Флавиа привезут сегодня вечером, а утром приедет одна из портних, чтобы проверить, не нужно ли что-то подогнать. И кстати, сегодня вам не нужна будет баута, лучше вот это...

Он щелкнул пальцами, и на столике появился квадратный футляр, в каких обычно продают дорогие шелковые платки-каре. Я раскрыла коробку – там лежала полумаска цвета абрикоса, расшитая бусинками в тон, все точно такого цвета, как мужской костюм, который я собиралась надеть на *partito delle signore* в Ка'Боттарди.

– Спасибо... Красиво. И гораздо удобнее, чем баута, – сказала я, погладив шелковую поверхность полумаски. – Ну, хорошо, я готова подписать договор аренды. На неделю?

– На две, синьора, на две, а лучше – на месяц, – мурлыкнул синьор Лаварди.

– Исключено! Через три недели я должна быть на конференции в Медиолануме! – воскликнула я и осеклась. Я ведь решила не ехать на конференцию, отдала свое выступление Лилии Огден и вообще планировала больше не работать и близко не подходить к операционному залу.

Собеседник, кажется, моей заминки не заметил и продолжал ободряюще улыбаться, протягивая мне ручку и два экземпляра договора. Я вздохнула и подписала. Со стороны арендодателя подпись уже была проставлена: ничего не говорящая мне фамилия, некий dott. Маурицио Бориле.

– И к какому клану принадлежит человек, под крышей которого я буду жить?

– Синьор дотторе – вне кланов. Он ваш коллега, кстати, вы с ним познакомитесь, скорее всего.

Лаварди встал, мановением пальца отправил свой экземпляр договора в пространственный карман и поклонился:

– Думаю, вы захотите отдохнуть перед *partito*, синьора? Я прощаюсь до завтра...

Я растянулась на кровати, положила на веки пакетики со специальным гелем, снимающий припухлость век, и задумалась: вот завтра я перееду в Ка'Виченте. В отеле моя жизнь зависит от работы горничных, портье, консьержей, службы бронирования, поваров, официантов, уборщиц, охраны... Словом, примерно от сотни человек. Там, в палаццо, я буду тесно связана с синьорой Пальдини и ее котом. И все. Ну, наверное, еще будет горничная. Но это будет совсем другая жизнь, домашняя, примерно так я живу в Бостоне – уборка трижды в неделю, и все. Я ведь уехала из Бостона от этой жизни, разве не так? «Не так», – отозвался внутренний голос, и я вздохнула. Что уж самой-то себе лгать, я оставила Бостон вовсе не оттого, что мне разонравился мой дом. Перед моим внутренним взором всплыло жуткое лицо миссис Рубинштейн, и я вздрогнула. Не хочу, не хочу об этом думать!

От приступа самобичевания меня отвлекла горничная, пришедшая спросить, не желаю ли я отгладить костюм, и не нужно ли мне помочь уложить вещи. С благодарностью согласившись на оба предложения, я отправилась в ванную чистить перышки к дамской вечеринке.

Вечеринка мне неожиданно понравилась.

Нет, ну, в самом деле, что я, на девичниках не бывала? И сама замуж выходила, и подружки мои, а то еще и не по одному разу. Бывали чисто женские вечеринки и в клинике, хотя бы традиционная, перед Бельтайном. И всегда в какой-то момент выползала неприязнь, сладкая гадость, сказанная с милой улыбкой, давние обиды...

А здесь ничего этого не было.

Я не хочу сказать, что дамы восседали на пушистых облаках и чинно играли на арфах: порой шутки звучали весьма острые, и даже со стороны заметно было, как кто-то с кем-то старается не садиться рядом. Но большая гостиная в Ка'Боттарди была пропитана доброжелательством и искренностью, и исходило это от хозяйки, графини Боттарди.

Хозяйка, по виду дама лет пятидесяти с шикарной асимметричной стрижкой черно-серебряных волос, была без маски и в обычном вечернем платье из хорошего модного дома. Прочитав на моем лице вопрос, она усмехнулась и поманила меня к себе; с соседнего кресла тут же вскочила леди в голубом с золотом роброне совсем уже старинного вида, поклонилась графине и отошла.

– Итак, дорогая гостя из Нового Света, спрашивайте, – кивнула синьора Боттарди, когда я устроилась в кресле.

– Ох... Вопросов у меня больше, чем я могу сформулировать... Ну, например, почему вы без маски?

– Потому, что в моем возрасте я могу себе позволить вести себя так, как хочу, а не так, как полагалось бы. За мою жизнь я сменила столько масок, что даю лицу отдохнуть.

Присмотревшись, я поняла, что в оценке ее лет промахнулась... даже не знаю насколько. Вдвое, впятеро, в десять раз? Небольшие морщинки в уголках глаз и рта только украшали гладкое лицо, но вот взгляд выдавал годы и опыт. Разный опыт – и веселый, и печальный.

– Вы маг? – осторожно поинтересовалась я.

– Да, но, в отличие от прочих членов моей семьи, маг жизни. Все остальные в моей семье водники...

– Тогда понятно, мы с вами в известной степени коллеги. Магические способности у меня слабые, но в сочетании с техническими методами дают иногда весьма неплохой результат.

Мы заговорили о новинках в медицинской магии и так увлеклись обсуждением, что очнулись только после осторожного покашливания за спиной у графини Боттарди.

– Вот это очень, очень интересно, – она постучала тонким пальцем по набросанной мною на салфетке схеме пережимания сосудов при операции на молочных железах. – Я бы хотела обсудить с вами ваши разработки как-нибудь за чашкой кофе. Ну, скажем...

– В среду в одиннадцать у вас есть свободный час, – прошелестел голос из-за ее плеча.

– Спасибо, Джулия. Да, в среду, в одиннадцать вам удобно?

– Да, синьора, – кротко ответила я, вставая и уступая место следующей даме, удостоенной аудиенции.

Потягивая из бокала легкое белое вино, я периодически брала с подносов крохотные сэндвичи с копченым мясом или рыбой, тарталетки, наполненные икрой или паштетом, микроосьминогов, зажаренных в тонком тесте, и наблюдала за окружающими. Оказывается, маски и костюмы вовсе не мешают понимать, что происходит. Более того, мимика иной раз отвлекает. Так, собака может вилять хвостом, а в следующую минуту на тебя бросится. А вот язык тела, особенно выразительный, когда не глядишь на лица, наблюдателя не подводит хотя бы потому, что практически не контролируется сознательно. Вот две женщины: у одной, одетой в мужской темно-лиловый камзол, высоко поднят подбородок и руки скрещены на груди, она отгораживается от того, что горячо втолковывает ей собеседница в нежно-розовом платье с рюшами. Розовая даже ножкой топнула, отчего подбородок у темно-лиловой только вздернулся еще выше. Чего одна от другой требует, я не слышу, но что-то мне подсказывает, что сегодня розовая желаемого не получит.

А вот эта дама, в светло-зеленом и сиреневом, поникнув, стоит у окна. Плечи опущены, руки теребят веер... Поддавшись любопытству вперемешку с сочувствием, я подошла к ней и спросила:

– Прошу прощения, синьора, я никого здесь не знаю, кроме хозяйки, а она занята. Не знаете ли вы, случайно, вот этих двух дам? – я едва заметно кивнула в сторону заинтересовавшей меня пары, продолжавшей спорить тихими голосами.

Она повернулась в сторону спорщиц и даже слегка приподняла расшитую зелеными камнями полумаску, чтобы лучше разглядеть.

– А! – махнув рукой, моя собеседница повернулась ко мне. – Синьора Тальда и Лидия Хайсмит. Они всегда спорят. Сын синьоры Тальды женат на дочери Лидии, и, хотя младшему внуку обеих дам уже почти десять лет, они обе до сих пор не могут смириться с решением молодой пары переехать в Медиоланум.

– В Медиоланум? Это связано с делами или со стремлением быть подальше... э-э-э... от родственников?

Женщина фыркнула.

– Джованни Тальда утверждает, что тамошние лаборатории дают ему больше возможностей для работы. Он занимается разработкой дирижаблей. А вы?..

– Простите, я не представилась. Нора Хемилтон-Дайер. Я из Бостона, Новый Свет.

– Рада познакомиться, – рукопожатие оказалось крепким. – Франческа Контарини-Боволо. Как нравится вам жить в Венеции, синьора Хемилтон-Дайер?

– Просто Нора, прошу вас! Я знаю, что моя фамилия звучит слишком некрасиво для латинян.

– Ну, тогда я – просто Франческа, – моя новая знакомая пожала плечами, – нет, ваша фамилия – это еще ничего. Вот из Дойчланда иной раз приезжают люди с такими именами, что кажется, их нарочно придумывали для наказания.

– Или для логопедической тренировки, – возразила я. – У меня был ассистент по фамилии Гогенкраузен-Майрбрюк. По имени Эрих-Адальберт.

- Ужас какой! - искренне поразились Франческа. - И что, во время какой-нибудь операции вы так его и звали? Доктор Гогенкраузен-Майрбрюк, подайте мне скальпель?

Опа, и эта знает, кто я такая. Я ведь не говорила, что я хирург, а? Видимо, каким-то жестом я выдала нервозность, потому что моя собеседница сочувственно похлопала меня по руке и сказала:

- Нас очень мало. Поэтому, когда под одной из старых масок появляется новое лицо, подробности немедленно становятся известны всему городу. Неужели синьор Лаварди вас не предупредил?

- Предупредил, конечно, - я покрутила в воздухе пальцами. - Но одно дело - знать, другое - почувствовать на себе.

- Привыкнете, - отмахнулась женщина и добавила, поворачиваясь к хозяйке дома: - О, кажется, начинается главный номер сегодняшнего представления.

- Главный номер?.. - недоуменно переспросила я и тут вспомнила: - А, призраки!

Смешно сказать, но призраки показались мне наименее интересной частью вечера. Какие-то они оказались... унылые, что ли. Дама в белом расхаживала по гостиной, стараясь задевать полами своего длинного плаща испуганно жмущихся к стенам женщин, и явно получала удовольствие от их реакции. Я, признаться, тоже посторонилась, когда краешек белой тряпки меня задел: плащ был неприятно холодным и будто бы промозглым.

- Вдова купца, Джованна Барбьера, - прошептала мне Франческа, прикрывая рот ладошкой. - После смерти мужа его дети от первого брака быстренько отправили ее в монастырь, там она и умерла. Любит появляться в доме, где жила когда-то, и пугать правнуков пасынка.

Как ни старалась моя новая приятельница говорить тихо, но призрачная вдова, видимо, услышала ее комментарий, и постаралась пройти особенно близко от нас, захлестывая холодным и липким посильнее.

Второй призрак, мужчина в роскошном ало-золотом камзоле, был бы всем хорош, но, раскланиваясь, он периодически путал шляпу и голову. То есть, вместо того чтобы снять шляпу, снимал голову. Как-то неаккуратно это выглядело.

Франческа вновь прокомментировала:

- Винченцо дель Грава, был секретарем Совета судей. Казнен, как нетрудно догадаться, через отсечение головы.

- За что? - шепнула я, стараясь говорить так же тихо.

- Брал не по чину, - фыркнула моя собеседница. - Да ну их, это призраки давнишние, всем известные, перебивавшие на всех приемах. Можно сказать, они вышли из моды, как туфли с острыми носами. Должен бы быть кто-то еще.

- А вон там, в дальнем углу - мне кажется, или появилось что-то вроде туманного облака?

- Точно! Давайте посмотрим, - подавшись вперед, Франческа так сжала мою руку, что я пискнула, чего, впрочем, любопытная леди не услышала.

Туманное облако тем временем уплотнилось и стало похоже на человеческую фигуру, только очень маленькую. Карлик?

- Да это ребенок! - шепотом воскликнула я. - Девочка!

- Вот это точно новое, она еще никогда не появлялась ни у кого в доме... Но странно, я не слышала, чтобы в городе у кого-то случилась такая беда, - пробормотала Франческа. - Платье на ней - это же школьная форма, а? Форма странная, нигде такую не видела...

Призрачный ребенок тем временем совершенно потерял туманный облик и стал выглядеть, в общем, довольно обычной девочкой: с косами, уложенными в сложную прическу, в длинном голубом платье с кружевными воротником и манжетами. Она неторопливо пошла по гостиной, останавливаясь то перед одной, то перед другой женщиной и всматриваясь в черты под масками.

Всколыхнувшееся было общество постепенно успокоилось, графиня Боттарди предложила в качестве диджестива сладкое и ароматное Amagone, и я сочла, что можно было бы и откланяться. С Франческой мы договорились продолжить знакомство завтра же утром, отправившись вместе на знаменитый остров Мурано посмотреть, как делают тамошнее стекло: ей нужно было заказать какие-то бокалы, ну а меня вело любопытство.

Я распрощалась с хозяйкой дома, отправила сообщение Массимо, чтобы он ждал меня у входа, и пошла к двери. Почти возле нее меня остановило ощущение ледяной струйки, прокатившейся по руке. Я повернулась и увидела перед собой маленького призрака. Темные глаза посмотрели, кажется, внутрь меня, а в голове прозвучал тихий голос:

- Мы с тобой еще встретимся. Не бойся, я помогу.

Глава 2. Gatto

Утро – понятие растяжимое. Для рыбака или крестьянина оно начинается с рассветом, для актрисы или светской дамы – далеко за полдень. У меня, как медика, утро начиналось всегда рано; плановые операции на вечер не назначают, ну а срочные в пластической хирургии, к счастью, случаются редко.

Франческа присоединилась ко мне за завтраком в «Палаццо Дандоло», и наша гондола отправилась в сторону острова Мурано в начале десятого.

– Ты всегда встаешь так рано, даже после светских мероприятий? – спросила я с удивлением.

– Ой, да я в этих, как ты говоришь, светских мероприятиях, участвую раз в месяц, а то и реже. Вообще-то на мне все хозяйство Ка'Контарини-Боволо – дети, слуги, меню, приемы, кладовые...

– Большое хозяйство?

– Считаю сама, – хмыкнула она. – Помимо меня с моим мужем Витторе и наших четверых детей, в доме живут еще моя кузина, ее супруг и дети, младший брат мужа и его молодая жена, две незамужние тетушки и четверо подмастерьев Витторе. Плюс дворецкий, экономка, две кухарки, восемь горничных, учителя и гувернантки, а также всякие помощники и повара. Плюс четыре гондолы и два катера, так сказать, с водителями. Ну как, большое?

– Я бы с ума сошла, – честно ответила я. – И ты справляешься?

– Так других-то вариантов нет... – Франческа протяжно вздохнула. – Можно, конечно, в монастырь уйти. Я иногда себе представляю – келья с белеными стенами, маленький садик, тишина...

– Точно! А потом окажется, что стены не так побелены, в садике розы растут не в том порядке, да и постные блюда в монастыре готовят не по правилам. Станешь ты матерью-хозяйкой, и будут у тебя двадцать шесть монахинь, сорок послушниц, мать-настоятельница и два садовника. Хочешь?

– Ох, я уж лучше так...

Мы рассмеялись и замолчали, глядя на проплывающий мимо остров-кладбище Сан-Микеле. Ажурные кованые ворота были уже приоткрыты, и стайка пожилых дам в черных шляпках покидала катер, чтобы в них войти.

Февраль решил сегодня показать переменчивость своей натуры: с самого утра небо было затянуто свинцовыми тучами, а сейчас они ушли в сторону открытого моря, небо голубело, и на солнце можно было даже погреться. Я откинула капюшон плаща, подняла на лоб полумаску и подставила лицо теплым лучам.

– Это была форма школы Великой Матери, – неожиданно сказала Франческа.

– Что? – я вздрогнула.

– Вчерашний маленький призрак. На девочке была форма школы, которая примерно сто тридцать лет назад была при храме Великой Матери, что на Сан-Эразмо. Школу давно уже закрыли, но моя свекровь вспомнила. Ей ведь куда больше каких-то жалких ста тридцати...

– То есть получается, что больше ста лет призрак сидел на месте и никому не показывался, а теперь решил посетить пару-тройку светских мероприятий? Странно как-то...

Ветерок вновь показался мне холодным, и я поплотнее закуталась в плащ, накинув на голову капюшон и надев маску.

– Да, это странно... Маргарет обещала разузнать кое-что, она как раз не в храм Единого ходит, а к Великой Матери.

- Маргарет - это твоя свекровь?

- Да. Графиня Контарини. Супруга главы клана. Ух, сколько крови они нам с Витторе попортили в свое время!

- Ну, я так понимаю, ты с ними справились?

Франческа пожала плечами.

- Разумеется. Ты ведь будешь сегодня на балу в Ка'Фоскари?

- А, так говорить я там буду с твоим свекром или с кем-то из старших родственников? - до меня наконец дошло. - Может быть, ты мне расскажешь, в чем дело? А то эти тайны начинают уже утомлять.

- Извини, - Франческа развела руками, - не в моей компетенции. Мое хозяйство - Контарини-Боволо, а в главный дом клана я со своими правилами соваться не могу. Да потерпи до вечера, осталось каких-то десять часов! Кстати, платье тебе Флавия уже доставила?

- Ты знаешь, я даже не посмотрела, что привезли. Ну, ладно, думаю, и в этот раз она не промахнулась. Вот только как я все это буду перевозить?

- Перевозить? Куда? Разве ты уезжаешь? - Моя спутница развернулась так резко, что гондола даже покачнулась.

- Просто я переезжаю из отеля в арендованный дом.

- До-о-ом? Это хорошо. Ну-ка, рассказывай! - Франческа ухватила меня за полу плаща и подергала.

Я рассмеялась:

- Тебе понравится. Ка'Виченте, окнами на Гранд-канал. С меня взяли немислимо маленькую сумму, но дело даже не в этом.

- Дом пришелся тебе по душе, так? Эти старые casa так умеют влезать в душу, и захочешь - не уйдешь. Ка'Виченте... вроде никаких страшных историй про него не рассказывают, разве что зеркала... Но это тебя не должно коснуться.

- А что не так с зеркалами?

Но тут наша лодка мягко коснулась причала, и гондольер семьи Контарини-Боволо накинуд канат на причальный столбик. Мурано.

Мы пропустили обязательный туристический аттракцион с выдуванием из комка стекла прямо на глазах публики лошадки или вазы. Все-таки Франческа приехала по делу, встречал ее лично главный мастер фабрики, маэстро Сильвано Синьоретти, так что и на меня упал отблеск величия фамилии Контарини.

Маэстро провел меня в музей фабрики, представил сопровождающее лицо, мастера Антонио Вельди, и вместе с Франческой отбыл в свой кабинет обсуждать деловые вопросы. А мастер Вельди показал мне удивительные, чудесные, совершенно потрясающие вещи, созданные здесь, на этой самой фабрике, за последние девять сотен лет. Яркие цвета, невероятные их сочетания в одном изделии, странные и фантастические узоры - да такое даже нарисовать не всякому придет в голову, а здешние мастера выдували фигурки и посуду, люстры и зеркала в стеклянных рамах...

Разумеется, после музея меня провели в магазин, и вот тут я немного зависла. Поначалу все было просто: я купила замечательное зеркало в раме из желтых роз с зелеными листьями для моей секретарши Альмы Хендерсон, набор бокалов для шампанского маме в ее нью-амстердамскую квартиру, совершенно потрясающую чайную чашку из ярко-зеленого стекла с отделкой мелкими незабудками для Лили, племянницы. Нацелилась на настольную лампу себе в кабинет, но вовремя притормозила: вернуться к работе я

пока не готова, ни к чему собирать никому не нужные коробки в клинике. Один из прилавков все время притягивал мой взгляд, я подошла к нему раз и второй: нет, ни одна из многочисленных, выставленных в витрине вещей не манила. Подвески, серьги, браслеты и кулоны были хороши, очень хороши, но оставляли равнодушными. Так почему же я снова возвращаюсь сюда?

Мастер Вельди, отходивший в сторонку, чтобы ответить на звонок коммуникатора, поинтересовался:

– Вам что-то понравилось из этой витрины, синьора?

– Все прекрасно, маэстро, но это не мои вещи. И тем не менее что-то меня тянет именно сюда.

– А я, кажется, догадываюсь! Минутку подождите...

Он сбегал куда-то за ключами, отпер дверцу под витриной, снял запирающее заклинание и достал плоскую квадратную коробку, обитую синим бархатом. Увидев, что в ней лежит, я тихо охнула. Браслет из рубинового стекла сиял в солнечном луче нестерпимо.

– Примерьте, синьора, – шепнул мастер Вельди.

– Боюсь, – так же шепотом ответила я. – Боюсь разбить.

– Ха! – мастер достал браслет из коробки, поднял на уровень плеча над мраморной поверхностью стола и отпустил. Я задохнулась, а алый круг тихонько звякнул и остался лежать на мраморе совершенно целый. – Особая закалка стекла, синьора. Конечно, его можно разбить, если стучать изо всех сил камнем, но и это не так просто. Примерьте.

Словно зачарованная, я протянула руку и взяла браслет. Он оказался довольно тяжелым, тяжелее, чем я ожидала. В ярком свете я разглядела внутри рубинового тела сплетающиеся тройной спиралью тонкие нити золота.

– Это последняя работа маэстро Донато Баровьера. Закончив эту вещь, он исчез, и до сих пор неизвестно, жив ли он, умер или путешествует...

– Здесь присутствует какая-то магия, – сказала я, поглаживая кончиками пальцев левой руки браслет, плотно охвативший мое правое запястье.

– Он искал свою хозяйку. Для всех остальных это всего лишь произведение искусства, для вас, возможно, что-то большее.

Конечно, браслет оказался самой дорогой из всех моих покупок в Венеции, дороже любого из костюмов, аренды дома, безделушек. Но я все равно не могла с ним расстаться ни на мгновение, и уж вовсе было невозможно оставить его вновь лежать годами в темном запертом ящике.

– Хорошо, маэстро. Я беру его. Все остальные покупки, – я кивнула в сторону отложенных подарков, – пожалуйста, отправьте по адресам.

– Да, синьора, я лично прослежу за упаковкой.

На лестнице зазвенел голос Франчески, что-то договаривавшей маэстро Синьоретти, и я пошла ей навстречу.

– Ой, – сказала она, войдя в зал, – минутку, кажется, вызов коммуникатора! Да, я слушаю. Pronto!

Вот тут я воочию увидела, как человек бледнеет просто смертельно. Кажется, все краски мгновенно сбежали с ее лица, Франческа пошатнулась и села бы на пол, если бы Синьоретти не подхватил ее. Мастер Вельди подставил стул, и женщина села.

– Что случилось? – я присела на корточки, глядя ей в лицо.

– Мария... младшая... сказали, умирает... Надо домой, скорее!

Не глядя, я расписалась в чеке и следом за Франческой побежала к гондоле.

- Синьоры, возьмите мой катер, - догнал нас директор фабрики. - Он гораздо быстрее!

Катер, оснащенный новейшим мотором на воздушных элементах, действительно летел как ветер. Возле Ка'Контарини-Боволо мы оказались минут через десять.

- Что?.. - Франческа трясла за плечи сухопарую даму в сером платье, видимо гувернантку. - Где она?

- В своей комнате, синьора! - шелестела гувернантка на бегу. - Все было нормально, мы позанимались, попили чаю, и Мария села читать. А минут через двадцать...

Следом за ними я взлетела по лестнице. Высокая белая дверь в комнату была распахнута настежь. Столпившиеся возле нее женщины в форменных платьях заглядывали внутрь, но войти ни одна не решалась. А из комнаты доносились весьма неприятные звуки: кто-то дышал тяжело, со всхлипами, которые вдруг прервались рвотой.

- Вам что, заняться нечем? - гувернантка полоснула взглядом по стайке горничных, и те брызнули к лестнице.

Девочка лет восьми сгибалась над тазом, который держал перед нею молодой мужчина. В следующий миг девочка потеряла сознание и осела на постель. Я сбросила плащ и полумаску и шагнула вперед.

- Франческа, мне нужна вода, как можно больше теплой воды. Пусть приготовят и держат теплым отвар ромашки с добавлением лимона и... розоцветник двулистный найдется в доме? Если нет - немедленно кого-нибудь за ним пошлите в аптеку. Вы Витторе?

Мужчина, державший девочку за безвольно повисшую руку, кивнул.

- Расскажите коротко, что здесь происходило.

Все, изложенное мне супругом Франчески, лишь подтвердило мои подозрения: отравление. И отнюдь не случайное. Явно действовал растительный яд, что-то вроде аконитина или дафнина; затрудненное дыхание, рвота, да и пятна на коже весьма характерные. Судя по рассказу Витторе, с момента, когда яд попал внутрь, прошло около часа; раз до сих пор организм держится, значит, есть хорошие шансы. Промывание сейчас сделаем, и нужно ввести что-то, поддерживающее сердце и дыхание.

Две горничные вместе со вполне вменяемой гувернанткой занялись промыванием, Витторе уложил в кресло обморочную Франческу. За розоцветником и прочими препаратами отправили к аптекарю самого шустрого мальчишку.

После инъекции девочка слегка порозовела, хотя пока в себя и не пришла. Я велела гувернантке аккуратно и понемногу поить ее отваром, а сама прошлась по комнате. Мой взгляд привлек поднос с чайными чашками, булочками, маслом и прочим, отставленный в сторону. Я провела правой рукой в воздухе над всем этим, и почувствовала, как мой новый браслет сжался на моей руке.

«Ого! - подумала я. - А вещица-то совсем не проста».

Сжимался он над одной из чашек и над вазочкой с джемом.

- Витторе, не подойдете ко мне? - позвала я негромко. - Мы можем выяснить, кто подавал вот это все и кто готовил?

Горничная, приносившая чай, клялась, что забрала его на кухне и нигде по дороге не останавливалась. Ах, как жаль, что ментальная магия мне недоступна! Можно было бы сразу проверить, не задержали ли ее вместе с подносом на ту самую секунду, за которую можно было в чашку с чаем сыпануть порошок.

Стоп, нет, не так. Браслет реагировал на чашку и на вазочку с джемом. В чае порошок мгновенно растворится, а вот на поверхности джема он будет довольно долго виден. Получается, все было сделано еще в кухне. Ну-ка, посмотрим еще раз... ну, точно, у

девочки явно своя любимая чашка, нежно-розовый фарфор с ветками мимозы. Все в доме эту чашку наверняка знают. Значит, яд нанесли на поверхность чашки, а с джемом перемешали. И еще важный вывод: никто ничего не перепутал. Отравить хотели именно Марию, младшую дочь Франчески и Витторе Контарини-Боволо.

– Мама? – раздался голосок. – Мамочка, у меня живот болит!

Девочка расплакалась, обнимающая ее Франческа разрыдалась, а Витторе, поиграв желваками, взглядом указал мне в сторону коридора. Я вышла и прикрыла за собой дверь.

– Прошу прощения, нас не представили... – начал он.

– Да уж, не до того было. Я Нора Хемилтон-Дайер, вчера познакомилась с вашей супругой в Ка'Боттарди на приеме. Можно называть меня просто Нора.

– Да-да, Фран говорила мне. Нора, спасибо вам...

– Бросьте, Витторе, ее организм, к счастью, справился сам. Но я бы рекомендовала вам всерьез задуматься, кому могла помешать столь маленькая девочка.

– Тут и думать нечего, – он скрипнул зубами. – Паски.

– Что?

– Клан Паски. Наши противники.

– Но почему именно девочка?

– Потому что месяц назад у Марии открылся магический дар, необычный и очень сильный. Три стихии сразу – вода, как у всех нас, металл и огонь.

– Ого! – забывшись, я присвистнула. – Огонь с водой, это уже редкость. А маги металла, по-моему, вообще давным-давно не появлялись.

– Вот именно. И это усиливает дом Контарини... очень. Неделю назад решалось, кто будет учить Марию, каким семьям будет разрешено, чтобы их сыновья за ней начали ухаживать... В общем, вы понимаете.

Я понимала, и еще как. Можно сказать, что на кровати в детской лежал живой кусок золота весом в тридцать килограммов.

– Ну, хорошо, – сказала я. – Тогда слушайте, что мне удалось понять...

По мере моего рассказа лицо молодого человека мрачнело все больше. Еще бы: от работы кухни зависел весь дом... Но это уже его задача, сделать так, чтобы больше к Марии никто не смог подобраться. А у меня, между прочим, переезд намечался. Я взглянула на часы и охнула: через десять минут синьор Лаварди прибует с грузовым катером, а меня нет!

Моторная лодка дома Контарини-Боволо летела как на крыльях, и на отельный причал я выпрыгнула с минимальным опозданием. Пожалуй, для города, где практически никто почти никогда не торопится, десять минут – это даже не задержка. Тем не менее мои вещи – чемоданы, шляпные коробки, четыре манекена с платьями, сундучок с косметикой – были уже погружены, а синьор Лаварди меланхолично пил кофе в лобби отеля.

Знакомый мне портье, Антонио, вышел меня проводить и попрощаться.

– Мне жаль, что вы уезжаете, синьора Хемилтон-Дайер. Но, с другой стороны, я рад, что вы вживаетесь в наш город с такой быстротой...

– Спасибо. Страшновато мне, конечно, – неожиданно для себя призналась я. – Это не в Лютеции апартаменты снять. Все по-другому.

– Конечно! Все гораздо лучше! – Антонио улыбнулся. – Подниметесь в номер посмотреть, все ли собрано?

Все было идеально. Единственное, чего не упаковали горничные, – документы, драгоценности, деньги и прочее содержимое сейфа, не тронули они и чемоданчик с инструментами. Я по привычке проверила магические и механические замки на нем, выгрузила все из сейфа и вышла в лобби. Пора отправляться в новую для меня реальность.

Рыжий кот Руди сидел на досках причала Ка'Виченте и умывался. Увидев приближающуюся гондолу, Руди дернул хвостом и подошел поближе к причальному столбику.

Я вышла из гондолы, синьор Лаварди подхватил мой чемоданчик и выгрузился следом. Кот обнюхал мои коленки, счел их удовлетворительными и, задрав рыжий хвост, повел меня внутрь. Синьора Пальдини, ожидавшая в холле, присела в реверансе и пошла наверх следом за мной.

В спальне я бросила на кресло плащ, перчатки и сумочку, скинула камзол, оставшись в штанах и рубашке, и подошла к окну. Первоцветы, фиалки и крокусы во внутреннем дворике продолжали цвести, домоправительница поставила там столик и пару кресел, можно будет выйти и в хорошую погоду выпить кофе, например глядя на цветущую яблоню.

Минуточку, сейчас, вообще-то, еще только февраль. Яблони зацветут, наверное, в апреле – я что, собралась жить в Ка'Виченте до апреля?

Нора Хемилтон-Дайер, ты сошла с ума.

Из окна будуара виднелся Гранд-канал. Бесчисленные гондолы, лодки и катера сновали по нему, казалось бы, хаотично, но, приглядевшись, я рассмотрела в этом хаосе логику. Стук в дверь отвлек меня от созерцания, я открыла. Под командованием синьоры Пальдини двое рабочих внесли первый манекен, с фиалковым шелковым платьем, которое я как раз собиралась надеть сегодня, и установили его в гардеробной между зеркалами.

– Синьора, в гостиной сервирован полдник. Вы ж, наверное, не обедали сегодня? – домоправительница смотрела на меня, прищурясь. Голос у нее был приятный, но сбивало с толку ярко выраженное местное произношение с заметным пришепетыванием.

– Не обедала. Как-то не успела...

– Там булочки свежие, вот только из пекарни принесли, и сливки я взбила к ягодам. А после полдника, если вам удобно, придут несколько девушек, выберете себе горничную.

– Да, горничная нужна... хорошо, скажем, через час будет вполне удобно.

Грузчики принесли новый манекен с черным платьем, а я отправилась навстречу булочкам.

Никаких особых инструкций от синьора Лаварди сегодня не последовало, разве что рекомендация по выбору маски, удивившая меня. Признаться, маску Кота я купила просто для комплекта и надевать ее не собиралась. Но мой консультант, перебрав и просмотрев все имеющиеся, все же вернулся именно к ней.

– Почему? – поинтересовалась я.

– Потому что кошки очень долго были одной из больших ценностей нашего города, – туманно пояснил он и более вдаваться в подробности не пожелал.

Ну и ладно, маска, белая с черным, сиреневым и нежно-бирюзовым, к платью подойдет. Удивительно вообще, как я быстро привыкла к жизни под маской. Сколько я в Венеции? Взглянув на календарь, пришла в ужас: шел пятый день. По первоначальному плану, через два дня нужно было бы отправляться в Рим, а вместо этого я арендовала дом на

три недели.

В начале десятого вечера моя гондола медленно подплывала к Ка'Фоскари. Я в последний раз взглянула в зеркальце на пышную прическу, сооруженную мне новой горничной, поправила перо на угнездившейся в волосах крохотной шляпке и надела кошачью маску. Итак, меня ждут бал, ужин с оперными ариями и встреча с Пьетро Контарини. И я наконец узнаю, чего ради половина Венеции обхаживает меня, в то время как вторая половина предвкушающе скалится.

Признаюсь сразу, танцы и ужин интересовали меня куда меньше, чем встреча. И даже любимые оперные арии не могли сбить с мысли о том, чего захотят от меня властелины Серениссимы? А жаль, голоса были сказочно хороши, такого Дон Жуана я даже в Метрополитен-опере не слышала никогда... Но мысли мои почти полностью занимал Пьетро Контарини. Что рассказывал мне о нем синьор Лаварди?

Итак, второй сын главы клана Контарини. Маг воды и воздуха. Ему чуть больше ста, в семье он занимается всеми вопросами, касающимися клановых интересов. То есть буквально от защиты недвижимости до определения желательных или нежелательных брачных партнеров. Женат на Екатерине Ломбарди, дочери герцога. Закончил университет в Падуе и магакадемию в Лютеции, доктор технических наук. Бесценный синьор Лаварди даже называл мне тему его докторской диссертации, но я такой набор терминов не смогла бы воспроизвести и под угрозой лишения посмертия.

Последняя нота арии Царицы ночи отзвучала, заставив зазвенеть подвески на люстрах, гости проводили аплодисментами пышную диву, обладательницу волшебного сопрано, и потянулись к столам с напитками. Я задумалась, выпить мне еще бокал шампанского или благоразумно перейти на что-то безалкогольное, когда за моим плечом раздался тихий мужской голос:

– Синьора, не соблаговолите ли следовать за мной?

Я обернулась: один из бесчисленных лакеев в белых париках, чуть склонившись, указывал мне путь в глубь дома. Подобрал шуршащие юбки, я последовала за ним.

Приведя меня в небольшую уютную комнату, человек в парике с поклоном растворился. Я прошла к горящему камину и села в кресло. На столике рядом был сервирован кофе с какими-то сладостями и фруктами, но мне хотелось только пить, и я с удовольствием налила себе воды. Дверь вновь распахнулась, и в гостиную быстро вошел высокий мужчина, на ходу сдирая с рук перчатки.

– Добрый вечер, синьора, – произнес он, садясь напротив. – Ужасно похолодало к ночи, думаю, завтра может и лагуна замерзнуть.

– Неужели такое бывает?

– Нечасто, но бывает, – кивнул он, налил в чашку горячего кофе из серебряного кофейника, подогревающегося на спиртовке, и с наслаждением сделал глоток.

– И что же тогда, город замирает?

– О нет, мы с этим справляемся! Итак, – вздохнув, он отставил чашку, – вы, должно быть, уже в курсе. Я Пьетро Контарини. Прошу прощения, что вам пришлось ждать нашей встречи, но, откровенно говоря, меня сорвали с полпути в Бостон. Я уже был в Кале и покупал билеты на трансокеанский лайнер.

– В Бостон?

– Да, синьора, я отправился туда, чтобы встретиться с вами.

Он помешал кочергой дрова в камине и уперся взглядом в мое лицо. Я положила на столик маску, которую раньше вертела в руках, и молча ждала продолжения. Мой собеседник вздохнул и продолжил:

- У меня есть племянник Карло, сын моего двоюродного брата. Брат погиб десять лет назад, и я обещал его вдове присмотреть за мальчиком. И видимо, где-то упустил...

Налив в бокал чего-то, по-видимому, крепкого, он жестом предложил и мне; я покачала головой. Судя по аромату, это келимас с галлийских виноградников, у него крепость не меньше сорока пяти градусов, меня после одной порции можно будет выносить из этой комнаты.

- Рассказывайте, Пьетро, прошу вас. Я пока не понимаю, чем могу помочь я.

- Мальчик талантливый маг, не отнимешь, - Контарини сделал большой глоток из бокала. - Но ему все давалось слишком легко, и он стал... Знаете, вот у вас сегодня маска gatto - кота. А есть еще маска gnaga, тоже кошачья, но со своими особенностями. Ее надевают мужчины вместе с рваным и грязным женским платьем; они могут шататься по городу, приставать к прохожим, орать. Даже поговорка появилась: «Иметь наглость ньяги». Так вот, Карло... стал именно таким.

Он перевел дух, вновь налил себе из графина, аромат келимаса снова поплыл по гостиной.

- Может, лучше кофе? - спросила я. - И мне заодно налейте, пожалуйста.

Получив свою чашку, я жестом предложила графу продолжать.

- Ньягой обычно пользуются мужчины... с нетрадиционной ориентацией. Но Карло как раз в этом смысле вполне обычен. Вот только к женщинам относится, как... к бумажным салфеткам. Ну, что-то одноразовое. Примерно так некоторые эльфы к человеческим женщинам относятся.

- Ага, понимаю. Пусть будет счастлива, что ее благодетельствовали, обратив на нее внимание, - я кивнула. - Знакомо. Это не только эльфам присуще, вообще говоря, хомо в этом смысле ничем не лучше.

- Ну так вот. У одной из таких... благодетельствованных был брат. Как потом оказалось, среди прочего этот молодой человек увлекался и магией крови. И он проклял моего племянника, покончив с собой.

- Посмертное проклятие? Да, это серьезно. Но я все еще не понимаю, какова моя роль?

Вместо ответа Пьетро протянул мне свой коммуникатор, где на экране был снимок молодого человека в серебряной маске, полностью повторяющей лицо.

- И? - спросила я, возвращая аппарат. - Красивая маска.

- Да, маска называется Volto, гражданин. Только это не маска. Это теперь у Карло такое лицо. Всегда.

- Однако... Вы хотите сказать, что маска вросла в его лицо?

- Не знаю, вросла или полностью собой его заменила, но избавиться от нее не удалось. Магические средства с этой бедой не справляются, сами знаете...

Я кивнула. Да уж, с посмертным проклятием мага крови, я думаю, и сам Парацельсус не справился бы. Потом спросила:

- Как давно все это случилось? И еще - замена лица вот этим, - кивнула в сторону коммуникатора, - происходила одномоментно или постепенно?

- Год назад. И одномоментно. Карло вернулся под утро с какой-то гулянки и ушел спать, а когда проснулся...

- Ясно. Как я понимаю, чисто хирургические методы тоже результата не дали?

- Нет. Пытались удалить, но сразу начинается такое сильное кровотечение, что... при первой попытке Карло еле спасли. И с тех пор он очень... в общем, стал даже хуже. Еще немного, и дело дойдет до изгнания.

- Ясно, - повторила я. - Почему вы решили обратиться ко мне? Раз вы отправились в Бостон, значит, все варианты в Старом Свете уже испробованы, не так ли?

- Да, вы правы. Наши аналитики предложила обратиться именно к вам, потому что вы серьезно занимались аналогами эпидермиса и базальной мембраны на базе алхимии и биохимии. Ваши статьи на эту тему я прочитал все.

- Хм... - Я в задумчивости потеряла подбородок. Да, действительно, в моей клинике целая лаборатория занималась разработкой, так сказать, заменителя. Ну, например, в случае тяжелых ожогов, вместо того чтобы пересаживать собственную кожу пострадавшего, мы предложили покрывать пострадавшие участки особым составом. Не мудрствуя лукаво, мои сотрудники дали ему название - pellis. Под воздействием разработанных нами заклинаний, в течение нескольких часов наш pellis превращался в собственный эпидермис данного пациента.

Беда в том, что от идеи до ее воплощения мы прошли лишь часть пути. Примерно в трети случаев организм наотрез отказывался воспринимать наш состав...

Об этом я честно сказала графу Контарини, но тот замотал головой.

- Две трети надежды лучше, чем полное ее отсутствие!

- Ну, хорошо, предположим, что я могу попробовать, ничего не обещая. Но, как я поняла из обмолвок окружающих, сам молодой человек может и не согласиться еще на одну операцию.

- Я давал слово его отцу, - тяжело произнес Пьетро. - Если Карло попытается отказаться, я свяжу его словом долга перед кланом.

- Хорошо. Когда это будет?

- Завтра.

- Приезжайте ко мне после разговора с Карло, и мы продолжим. Я живу теперь...

- В Ка'Виченте. Я в курсе. Благодарю вас, синьора, - граф склонился к моей руке.

Возвращаясь в бальный зал после беседы с Пьетро, я столкнулась нос к носу с Франческой. Ну, то есть, конечно, это она меня узнала - кошачью маску я несла в руке. Просто забыла надеть.

- Я думала, ты не придешь сегодня! - удивилась я. - Как Мария?

- Все хорошо, слава светлым богам, - она осенила себя знаком Единого. - Да я сюда и не пошла бы, но примчалась Маргарет и вытолкала меня с требованием: найти тебя и пригласить прийти к ней на чашку шоколада. В любое удобное для тебя время.

- Спасибо, - я пожала плечами. - А с чего вдруг?

- Мария - ее любимая внучка. Самая младшая, да еще и самая способная, как оказалось. И на Маргарет она похожа как две капли воды. Поэтому свекровь за ее спасение готова на тебя молиться. Нет-нет, - Франческа замахала руками. - Ты можешь даже не говорить, что ты тут ни при чем и это организм сам справился. Я-то была рядом и понимаю, что мы все были так растеряны, что просто не успели бы помочь...

- Хорошо, как скажешь. Конечно, я с удовольствием увижусь с твоей свекровью. Правда, завтра у меня встреча...

- С Пьетро, - подхватила женщина. - Ну, конечно, ты же сегодня с ним должна была переговорить! Значит, завтра он будет уговаривать Карло, а потом отправится к тебе.

Мы нашли пару свободных кресел в тихом уголке и сели, взяв с подносов по бокалу шампанского.

- Расскажи мне об этом Карло, - попросила я.

- Вообще-то, я очень мало его знаю. Другая ветвь семьи, да и младше он намного. Но он странный. И всегда был таким, даже до появления этой жуткой маски.

- Странный - злой, угрюмый, распушенный, грубый? Какой?

- Замкнутый. Холодный. Молчаливый. Иногда вдруг будто взрывается, и тогда его начинает нести; вот в такие моменты он надевает гнага, шатается с какими-то странными компаниями, приводит женщин... Нет, я плохо его знаю, правда; в основном по рассказам Витторе, сама-то я и видела его всего несколько раз, на каких-то торжествах. А почему ты спрашиваешь?

- Понимаешь, такого рода проклятие, как на него наслали, штука очень сложная. Не всякому полному магистру по силам. А тот молодой маг, брат девушки, о котором мне рассказал Пьетро, как я поняла, до магистра не дорос. Магию крови в университетах не преподают, ее можно изучить только на основе личного ученичества. И я почти уверена, что за спиной страдающего брата скрывается фигура его учителя.

- Ну... тогда, получается, маги клана должны были бы об этом знать.

- Получается, да. Но Пьетро мне об этом не сказал ни слова. Почему?

Франческа надолго задумалась, а я глотнула шампанского и посмотрела на нее повнимательнее. Собственно говоря, мы знакомы чуть больше суток. Как бы она ни была мне симпатична, я ее совсем не знаю. Правда, в момент отравления девочки она была максимально искренней, но вот насколько ей можно доверять?

С другой стороны, а кому вообще в этом мире я могу доверять?

По дороге домой...

Домой! Вот же тьма, я поняла вдруг, что не только называю Ка'Виченте домом, но и ощущаю его именно так. Гораздо больше мой дом, чем квартира в Бостоне или загородный дом моей матушки... Ну и хорошо. Мне понравилось теплое чувство, возникшее от взгляда на светящиеся окна Ка'Виченте.

Так вот, по дороге домой я думала о двух вещах: во-первых, о Маргарет. У этой женщины странное для Венеции имя, и я не понимаю пока, чего она от меня хочет. Для того, чтобы поблагодарить за внучку, можно было встретиться со мной на одном из ближайших мероприятий или прислать письмо. А если уж ей хотелось сделать это лично, так можно было бы и с визитом в мой дом прийти. Но графиня Контарини предпочла меня к себе пригласить. Только мне в этом мерещится некий взгляд свысока?

Получается, что меня хотят втянуть в некую интригу...

Почему-то люди (и нелюди тоже) чаще всего считают профессора медицины неким неземным существом, далеким от мирских забот и низменных устремлений. А зря. Принцессы не какают бабочками.

Моя матушка, одна из дам-патронесс бостонского высшего света, легко и непринужденно даст фору любой венецианской интриганке. А если меня рассердить, так я вспомню, чему у нее научилась.

Пожалуй, я уже начала сердиться. И для начала посмотрю, кто же эта женщина, пригласившая меня на чашку шоколада: Сеть пока никто не отменял, и в Ка'Виченте она работает отлично.

Во-вторых, я думала о будущем пациенте, Карло Контарини-Маффео. Да, получается, я уже решила попытаться помочь ему, раз воспринимаю именно так, пациентом. Конечно, мне нужно будет посмотреть воочию на пресловутую маску, понять, как она соединена с кожей... И, если мы решимся на операцию, мне понадобится ассистент.

Ближе всего клиника Motta di Livenza в Медиолануме, и с ее главным врачом, профессором Родерико Ди Майо, мне доводилось вместе оперировать. Если он на месте и сумеет выкроить пару дней в своем графике, будет замечательно.

Но в любом случае прежде всего нужно прояснить многие вопросы с Пьетро и посмотреть пациента.

И очень любопытно: чем сможет расплатиться со мной семейство Контарини?

Руди снова встречал меня у входа, проводил по лестнице наверх, потерся о ногу, коротко мявкнул и ушел по своим делам. Несмотря на поздний вечер, почти уже ночь, ждала моего возвращения и синьора Пальдини. Она поинтересовалась, чего я желаю на завтрак и в какое время его подать, и вслед за котом растворилась в февральской темноте. Спать мне совершенно не хотелось, и я пошла по новой осматривать свои владения. Итак, что я не разглядела? Ну, например, будуар... Кстати, что можно делать в будуаре, а?

Возле высокого окна, глядящего на Гранд-канал, стояло широкое мягкое кресло, как раз такое, чтобы сесть в него с ногами и смотреть на разноцветные огни гондол, освещенные окна зданий напротив, розовые и золотые цепочки уличных фонарей. Я так и сделала: налила себе в стеклянную, конечно же, кружку горячего вина с пряностями из приготовленного тут же на столике термоса, забралась с ногами в кресло и стала смотреть на канал. Очень хотелось, чтобы все мысли из головы улетели, стала бы она пустой и восхитительно легкой...

Напрасно.

Отключиться не получилось, поэтому я допила глинтвейн и отправилась по своим владениям дальше. Гардеробная, спальня, кабинет... О! Кабинет! Я ж хотела посмотреть в Сети информацию о графине Маргарет Контарини.

Конечно, компьютер довольно сюрреалистически смотрелся на письменном столе в чиньском стиле. Стол на тонких гнутых ножках, из дерева, покрытого черным лаком; верхняя крышка обтянута алой кожей, а медные ручки дверец и многочисленных ящичков сделаны в виде карпов. Однако компьютер на алой кожаной поверхности был самой последней модели, и Сеть здесь работала отлично. Итак, Маргарет...

Через полчаса я откинулась в кресле и озадаченно потерла кончик носа. Как я и предполагала, свекровь Франчески не была венецианкой. Она оказалась младшей дочерью герцога Саффолка, кузена бритвальдского короля Кристиана. Магия воздуха и жизни, в клане на ней лежит работа семейных виноградников и виноделен. Ого, как интересно! Я думала, супруга графа занимается только делами дома Контарини, хозяйством, так сказать, а у нее две лично ею выведенных лозы и десяток золотых медалей с винных выставок по всему миру... Пятеро детей: старший Джакомо, второй – известный мне Пьетро, далее Витторе, Оливия и Маттео.

Опять вопрос – а почему в отдельный дом, Контарини-Боволо, выделили третьего сына, Витторе? И что это – наказание или поощрение?

Я отключила компьютер, пометив себе в блокноте все вопросы, которые хочу задать. Торопиться мне некуда, этот ребус я решу раньше или позже. А сейчас надо ложиться спать, потому что завтра многое должно случиться.

Расправив на манекене свое фиалковое платье, я подошла к одному из зеркал. Оно холодно отражало полки и вешалки с моими вещами, мое усталое лицо и растрепанную прическу, раскрытую дверь в спальню. Я погладила серебряные виноградные лозы, свивавшиеся в раму, и отправилась умываться. Надо еще завтра попытать Франческу, что-то она такое говорила про здешние зеркала?

Наутро сигнал коммуникатора прозвучал ровно в тот момент, когда у меня был полон рот зубной пасты. Понятное дело, пока я дочищала зубы и все это выполаскивала, загадочная ранняя пташка отключилась, номер не определился. Следующий раз колокольчик прозвенел на первом глотке кофе. Но, услышав голос Пьетро Контарини, я могла только тихо вздохнуть и любезно поприветствовать его:

– Доброе утро!

– Доброе утро, синьора Хемилтон-Дайер! – голос графа прямо-таки излучал оптимизм. – Если я приеду к вам вместе с Карло примерно через час-полтора, вам это будет удобно?

– Конечно, приезжайте. Буду вас ждать.

Одним глотком я допила кофе и отправилась одеваться.

«Вот не буду сегодня наряжаться и играть в карнавал, – бубнила я себе под нос, выкапывая из чемодана джинсы и хлопковый джемпер. – Не хочу, я современная женщина, для меня длинные юбки неудобны и неуместны». Оделась, взглянула в зеркало и разочарованно поджала губы. Вчерашняя Нора явно была интереснее сегодняшней.

Руди и синьора Пальдини проводили визитеров в гостиную. Кот подошел ко мне, потерся о ноги, строго взглянул на представителей клана Контарини и важно удалился, подрагивая хвостом. Горничная принесла поднос с кофе и сливками, и нас наконец оставили одних.

Я рассматривала молодого человека.

Серебряная маска была частью лица. Вот как бы это объяснить... Наверное, можно сравнить это с губами – кожа другого цвета, но нет шва, физической границы между тем и этим участками тела. Так было и тут: вот серебряная поверхность, сверкающая металлом, вот теплая кожа шеи и уха. Цвет и даже текстура разные, а граница между ними лишь визуальная.

– Можно потрогать? – спросила я, прерывая молчание.

Карло дернул головой, обозначая согласие.

Я прикоснулась к маске – холодная, чувствуется металл. К коже – теплая, живая. К границе... не понимаю. Пальцы не чувствуют здесь ни тепла, ни холода, только... пустоту проклятия?

Встав, я прошла по гостиной, подошла к окну и посмотрела на Гранд-канал. Потом вернулась к гостям, встала перед Карло и сказала:

– Я могу попытаться помочь вам. Если операция пройдет удачно, мы снимем с вашего лица эту маску и заменим ее специальным составом, который через несколько дней превратится в настоящую кожу лица.

Темно-серые глаза смотрели на меня сквозь прорези маски, и я не могла понять их выражения. Пьетро поспешил ответить:

– Мы согласны.

– Подождите, это не все, – я покачала головой. – Три-четыре дня, и вы получите то лицо, которое захотите. Дадите мне портрет, каким вы были до... проклятия, – будете таким. Нет – покажете желаемое лицо и получите его. Но есть одно «но».

– Какое? – нетерпеливо выкрикнул Карло. – Да говорите же, Темный вас побери!

– Карло! – попытался одернуть его родственник.

Я жестом заставила его замолчать и продолжила, глядя прямо в серые грозовые глаза:

– Поначалу это лицо будет столь же выразительно, как нынешняя серебряная маска. Постепенно вы сами сделаете его вашим настоящим лицом. На нем будет отражаться каждый ваш поступок, дурной или хороший; любовь, ненависть, равнодушие – все это нарисует на чистом полотне ваш новый облик. Все будет зависеть только от вас, Карло.

Молодой человек помолчал, потом спросил тихо:

– Такой... как бы Дориан Грей наоборот?

– Да. Именно. Дориан Грей наоборот, – согласилась я.

– Нет, – он встал и пошел к двери; остановившись в проеме, повторил, не поворачиваясь: – Нет!

И вышел, беззвучно прикрыв дверь.

Старший Контарини закрыл руками лицо и минуту просидел молча. Потом оторвал с усилием ладони от глаз, сказал глухо: «Спасибо!» – и встал.

– Сядьте, Пьетро, куда вы спешите? – спросила я спокойно.

– Чего ради теперь мне отнимать ваше время?

– Вы ничего не поняли, дорогой мой. Он уже согласился. Я даю ему десять минут на то, чтобы вернуться. Выпейте пока еще кофе или, может быть, чего-то покрепче? Погодите-ка...

В кабинете я достала из шкафчика, на красном лаке которого были вырезаны пышные пионы, бутылку, поспешно вернулась в гостиную и дернула за шнурок колокольчика. Синьора Пальдини выросла на пороге, кажется, раньше, чем звон колокольчика затих в глубине дома. Я показала ей бутылку, она кивнула и через мгновение уже внесла поднос с широкими бокалами-«тюльпанами», вазочками с орехами и кусочками пармезана. Плеснув в бокалы по чуть-чуть, я протянула один моему визави.

– Что это? – спросил он без интереса.

– Подарок пациента. Получен от него через год после операции, – сказала я не без гордости.

Пьетро осторожно глотнул и задохнулся.

– Ого! Келимас?

– Пятидесятилетней выдержки, лучший купаж за последние сто пятьдесят лет. Все будет хорошо, поверьте.

Дверь в гостиную вновь открылась. Карло подошел вплотную к моему креслу, посмотрел сверху вниз и сказал:

– Я согласен.

Граф Контарини шумно выдохнул.

– Хорошо, – сказала я. – Мне понадобятся от вас ответы на некоторые медицинские вопросы, я пришлю вам анкету на электронную почту. Пожалуйста, постарайтесь отвечать как можно точнее и подробнее.

Молодой человек записал мне свой электронный адрес и посмотрел на дядю:

– Ты еще остаешься?

– Да.

– Ладно, тогда я пройдусь пешком... До свидания, синьора!

Изысканно поклонившись, он вышел.

– Итак?... – я смотрела на графа.

– Итак, если не возражаете, синьора, я бы хотел обсудить ваш... гонорар. Правильно я понимаю, что деньги вас не очень интересуют?

– Да, это действительно так. Какие-то иные варианты существуют?

Пьетро усмехнулся и вдруг сделался молодым и невероятно красивым. Боги, так все это время у него было такое мрачное лицо, что он казался почти стариком! А на самом деле ему всего сто лет, для мага это молодость, которая будет длиться еще очень долго...

- Вы ведь уехали из Бостона не просто потому, что захотели попутешествовать, не так ли? – спросил он.

- Да.

- Расскажите?

Почему бы нет, подумала вдруг я. Может быть, это поможет мне избавиться от тяжелого чувства вины...

- Почему бы и нет, – повторила я вслух. – Полгода назад ко мне на прием пришла давняя постоянная пациентка, миссис Рубинштейн. Периодически она ложилась в мою клинику, чтобы привести в порядок лицо и фигуру. Ничего радикального, просто десять дней реабилитации после тяжелого труда светской жизни. Но в этот раз она пожелала именно что радикального. Миссис Рубинштейн в свои шестьдесят с хвостиком решила выйти замуж за молодого человека двадцати восьми лет от роду и желала на свадьбе выглядеть ровесницей будущего мужа.

- То есть она хотела повернуть время вспять?

- В общем, да. Причем немедленно. Она слышала о препарате pellis, который я упоминала сегодня, и потребовала полностью заменить ей кожу на лице на новую, созданную из него.

- Но вы же сказали, что это возможно? – граф Контарини слушал очень внимательно.

- Это возможно, – эхом повторила я. – Вашему племяннику двадцать пять?

- Двадцать четыре. Да, я понимаю, совсем иная биохимия.

- Нет, разумеется, если бы были медицинские показания, мы бы и к столетнему пациенту не задумались применить pellis. Но в этом случае я отказала наотрез. Миссис Рубинштейн ушла страшно разобиженная, грозила мне судебным иском и прочими неприятностями...

- И что, неужели она подала в суд, и вы просто уехали от этих... неприятностей? – теперь он смотрел слегка насмешливо.

- Нет. Она обратилась к другому врачу. И через три месяца пришла ко мне в вуали, а под вуалью было вот это, – я протянула Пьетро свой коммуникатор, где во всей красе было запечатлено новое лицо миссис Рубинштейн: перекошенный рот, потекшие скулы, заплавленные глаза, окруженные сеткой глубоких морщин, и, как венец всего, гладкий алебастровый лоб.

- Да-а-а... И как же это произошло?

- На тот момент pellis не был полностью разработан, существовал только в виде лабораторных образцов. Один из сотрудников моей клиники решил, что может позаимствовать флакон-другой, и передал их... ну, не буду называть имя этого хирурга. По-видимому, ее организм отторгал новую кожу, они накладывали новый слой... В общем, вот так. Миссис Рубинштейн потребовала, чтобы я это немедленно исправила. Я отказалась. Через два-три года можно было бы попробовать, но немедленное вмешательство было абсолютно исключено.

- И это произвело на вас такое впечатление?

- О нет! – я невесело рассмеялась. – Я, знаете ли, хирург со стажем, всякое видала. Но, вернувшись домой, миссис Рубинштейн покончила с собой, в предсмертном письме обвинив меня. И вот это уже, как вы выразились, произвело впечатление.

- Вас подвергли остракизму...

- Нет, ну что вы, кто бы себе такое позволил? Но у меня было ощущение, что за моей спиной все время звучит шепот, и я сдалась. Клиника работает, препарат доведен до ума и испытан, а я... уехала из Бостона. И не уверена, что хочу возвращаться.

– Да, я вас понял. – Он в задумчивости постучал пальцами по подлокотнику кресла, потом поднял на меня взгляд. – А что вы скажете о венецианском гражданстве?

– Гражданстве? – кажется, я вытаращила глаза. – Мне казалось, чужаку его получить невозможно!

– Все возможно, – усмехнулся Контарини. – Вот мое предложение, обдумайте его: гражданство Сиятельной Республики и этот дом в собственность – немедленно; место в Совете магов – через три года. Собственная клиника, если пожелаете, здесь или на Терраферме...

Я жестом прервала его.

– Клинику я точно не хочу, начинать все заново у меня духу не хватит. Место в Совете... не знаю, пока не понимаю, нужно ли мне это. Но я хотела бы кое-чего другого...

– Слушаю вас, – лицо моего собеседника сделалось сосредоточенным.

– В городских лавках артефакторов я обнаружила несколько весьма интересных амулетов. Мне сказали, что это местные разработки, но авторов назвать отказались. Мне хотелось бы узнать, кто автор, и поработать с ним, может быть, поучиться. У меня очень слабая магия воды, но дело в том, что там как раз и используются слабые потоки.

– А взглянуть на них можно?

– Разумеется, – я принесла из кабинета мою добычу.

Пьетро осмотрел амулеты и усмехнулся.

– Торнабуони. Это их разработка.

– И это значит, что?..

– Что вы можете получить автора на завтрак, жареным или отварным, если пожелаете. Так что, принято?

– Принято.

– Отлично, – он откинулся на спинку кресла и, казалось, расслабился. Неужели этот хищник, почти хозяин города, опасался, что я откажусь?

– Мне нужно будет съездить в Медиоланум, – сказала я. – Надеюсь, что мой коллега из Motta di Livenza сможет освободить пару дней, чтобы мне ассистировать. Но говорить с ним об этом по коммуникатору было бы невежливо.

– Понимаю. Благодарю вас, синьора. Клан Контарини уже второй раз в долгу перед вами, и я сам прослежу, чтобы долг этот был полностью оплачен.

Пьетро Контарини отбыл, а я пошла к своему ежедневнику проверить, какие приключения у нас намечены на сегодня. И что-то синьор Лаварди давно не появлялся?

Выяснилось, что мой consigliere приболел: температура, насморк, кашель...

– Ну, вы уже и сами стали ориентироваться в городе, словно истинная венецианка, – просипел он с экрана коммуникатора. – Простите, синьора, если подвел вас, но простуда в этих старых сырых домах подкрадывается иной раз весьма коварно. Я надеюсь, синьора Пальдини достаточно хорошо протапливает ваш Ка'Виченте?

Ладно, судя по красному носу и слезящимся глазам, он и в самом деле простужен... Пожелав синьору Лаварди скорейшего выздоровления, я вернулась к записям. Итак... сегодня только шелка из Комо, больше никаких вечеров, балов и концертов. Это приятно, можно будет лечь спать пораньше. Завтра среда, в одиннадцать у меня встреча с графиней Боттарди, а потом можно было бы сразу сесть в поезд и отправиться в Медиоланум. Танцы и оперные арии, на которые приглашают завтра вечером в Ка'Грифони, я вполне могу пропустить; переночую в Медиолануме, послезавтра утром

поговорю с профессором Ди Майо и вернусь. На четверг назначен бал во Дворце дождей, и туда я пойду непременно.

Теперь главное, чтобы Ди Майо не укатил куда-нибудь «на гастроли»: он любит поездить по дружественным клиникам с показательными операциями. Впрочем, мы все это любим...

– Родерико, добрый день! – сказала я темному экрану коммуникатора. Что за тьма, сейчас середина дня, час пополудни, спит он, что ли? – Это Нора Хемилтон-Дайер, если можете, ответьте!

Судя по встрепанному профессору, появившемуся на экране через какое-то время, он не спал, но занят был чем-то предосудительным. Да и ладно, пусть его; лишь бы сделал то, что нужно мне.

Все-таки ужасно неудобно жить без секретаря. Вот сейчас мне нужно взять билеты на поезд до Медиоланума, выбрать там себе отель, чтобы переночевать, заказать билет в Оперу – последние лет пятнадцать все это делала Альма, а теперь придется самой.

Ладно; я, конечно, справилась. Но, если предложение Пьетро Контарини будет принято и я поселюсь в Ка'Виченте надолго, Альме Хендерсон тоже придется пересечь океан!

Вот вроде бы недолгое дело, посещение выставки-продажи: час, полтора, ну, много – два. Так почему же я провела там почти пять часов, домой вернулась без ног, но зато приобретаю шелка и изделия всех видов, типов и расцветок? А ушла я оттуда одна из первых, между прочим... Ладно, мои покупки привезут завтра, синьора Пальдини уже предупреждена, и они с Марией, моей новой горничной, все разберут, развешат и отгладят. Все завтра, сейчас спа-а-а-ть...

Мне снилось, что только что я исполнила сложнейшую оперную арию и меня заваливают цветами. Все бы хорошо, но один из букетов настолько тяжел, что придавливает меня к земле, а розы шипами вонзаются мне в плечи. Дернувшись, я проснулась и пискнула от ужаса: прямо перед моим лицом в темноте спальни горели два круглых желтых глаза, а на груди лежала какая-то тяжесть. Я зажгла светильник и обнаружила, что Руди переминается на мне всеми четырьмя лапами, периодически вонзая когти, и неотрывно глядит мне в лицо.

– Кот, ты обнаглел! – рявкнула я, спихивая его на пол.

Руди сел на коврик возле кровати, обернул рыжий хвост вокруг лап и продолжил меня гипнотизировать.

– Чего тебе надо? – проворчала я уже чуть более миролюбиво. – Дверь открыта, иди по своим делам.

Кот подошел к открытой двери и уселся возле нее, явно призывая меня последовать за ним. «Вообще-то, – подумала я, – Руди в первый раз зашел в эту комнату за все время, что я живу в Ка'Виченте. Может, кто-то забрался в дом и он предлагает мне пойти и составить ему компанию в охоте на злоумышленника?»

– Ладно, подожди, я халат надену. Не хотелось бы простудиться, – я отправилась на поиски теплого халата, продолжая бурчать под нос уже себе самой: – Совсем с ума сошла. Уже с котами разговариваю...

Руди коротко мякнул за моей спиной, не то поторапливая, не то возражая против «котов» во множественном числе. Надев и туго завязав халат, я последовала за рыжим хвостом по лестнице вверх, на второй этаж, где были комнаты, предназначенные для прислуги. Я подумала было, что синьора Пальдини плохо себя почувствовала, но кот не остановился и вновь пошел к лестнице. Что там у нас, чердак? Вообще-то, на чердаке я еще не была, но почему ночью?

– Руди, – прошептала я. – Может, утром сходим?

Еще одно короткое «мя» было мне ответом. Кот уже стоял перед закрытой дверью и

выжидательно на меня посматривал. Я пожала плечами и толкнула дверь; она беззвучно отворилась, и мы с котом, следом за летящим фонариком, вошли внутрь.

Чердак был большим. Очень большим. Дальний конец его терялся в темноте. Я зябко поежилась и прибавила света в фонарике.

– Ну, и что тут у нас?

Руди прошел мимо кресел, закрытых белыми чехлами, мимо горы чемоданов, миновал несколько сундуков (ох, надо будет потом сунуть в них нос) и остановился перед... чем-то, накрытым тканью. Зеркало или картина?

– Кот, ты уверен, что это можно трогать?

В ответ Руди боднул меня лбом в ногу и снова подошел к загадочному предмету.

Ну, ладно, не съедят же меня... Я потянула ткань, и она с шуршанием сползла на пол.

К счастью, это не было зеркало; зеркала бы я не выдержала и понеслась бы вниз по лестнице с топотом и визгом. Ну, я так предполагаю.

Передо мной была картина. Портрет молодой женщины, написанный в полный рост, практически в натуральную величину. Дама была одета примерно в такое платье, какие я купила в ателье Флавиа: голубой шелк, кружева, пышные юбки. Стоя возле туалетного столика, боком к зрителю, она не то снимала, не то надевала маску-gatto. Подпись художника есть, но одни лишь инициалы, это мне не по зубам. А кто изображен, интересно? Я обошла картину и посмотрела на задник: там что-то было написано на латыни, но слишком уж вычурным почерком. Подозвав фонарик поближе, я всмотрелась и сумела разобрать надпись: «Герцогиня Лаура Виченте дель Джованьо. Писано в день ее двадцатилетия, 18 февраля 1788 года от О.Д.».

Хм, а ведь юная герцогиня стоит возле знакомого мне туалетного столика: розовое дерево, зеркало, окаймленное стеклянными лилиями, на ящичках резные накладки из слоновой кости... Готова спорить, именно на этот столик я сегодня утром положила ровно такую же маску!

– Очень интересно, Руди, но зачем ты меня сюда привел? Руди?

Но кота уже не было на чердаке.

Как ни странно, чердачное приключение отогнало от меня дурные сны, и до утра я проспала просто отлично. А утром, подойдя к окну будуара и посмотрев на Гранд-канал, только ахнула: вода залила всю набережную и подступила к домам. Над каналом висел густой туман, здания напротив лишь угадывались в этой жемчужной пелене. По каналу темными тенями скользили гондолы и катера, и лодочники перекрикивались протяжно.

– Сегодня высокая вода, не волнуйтесь, синьора, это хорошо, – сказала мне синьора Пальдини, принеся кофе и булочки. – Городские власти воспользуются случаем и почистят каналы. А то ведь стыдно сказать, но в районе Каннареджо в шаге от фундамента Ормезини все каналы зеленые и пахнут.

Она выразительно повела носом.

– Понятно, – сказала я. – Синьора Пальдини, я сегодня уеду и вернусь завтра вечером, скорее всего. Возможно, ко мне приедет гость, пожалуйста, подготовьте гостевую спальню. Или даже две...

– Хорошо, синьора, – пока мы разговаривали, домоправительница налила мне кофе, добавила туда взбитые сливки и точным движением нарисовала на их поверхности сердечко из тертого шоколада. Потом подала мне масло, свежую клубнику, тарелку с несколькими сортами сыра и остановилась в выжидательной позе.

– Замечательно, – искренне похвалила я, глотнув из чашки.

- Синьора, вы довольны горничной?

- Да, вполне.

- Может быть, стоило бы подумать еще об одной? Да и кухарка пригодилась бы... Бал не бал, но, раз уж вы поживете еще в Ка'Виченте, возможно, захотите и гостей позвать?

Ну вот. Я сама еще пока ничего не решила, а экономка уже все знает... Но мой голос уже сам собой выговаривал:

- А у вас есть кто-то на примете?

- Да, синьора!

- Хорошо. Вопрос со второй горничной решите сами, а вот насчет кухни... Я бы хотела проверить мастерство повара, прежде чем нанимать кого-то.

- Разумеется, синьора. Завтра по возвращении вас будет ждать ужин, приготовленный Джузеппиной Бассо.

Синьора Пальдини присела в реверансе и направилась к двери будуара, но я остановила ее вопросом:

- Скажите, а чьи вещи хранятся на чердаке?

- Э-э-э... ну, по-разному... - отчего-то глаза экономки скосились влево. - Что-то от прежнего хозяина осталось. Я и сама не знаю точно, что там лежит, давно не заглядывала.

- Понимаю вас, лестница крутая, подниматься тяжело... Знаете, а давайте я сама посмотрю, что там есть, - я радостно улыбнулась и протянула руку. - Ключ ведь у вас? Отлично, перед визитом к графине Боттарди как раз успею заглянуть на чердак. Раз уж мне здесь жить...

Экономка взглянула на меня без улыбки, покачала головой и, без единого слова сняв со связки, отдала мне один из ключей: старинный, латунный, с резной сложной бородкой, длинным штоком и завитками на головке. Я покрутила его в руках и сунула в кармашек джинсов.

Вагон слегка покачивался на поворотах, за окном проплывали распаханые поля, голые пока рощи и сады, виноградники, изредка вдалеке виднелся замок или вилла. Дорога шла в обход малых городов, но от вокзала в Медиолануме, Риме или другом крупном городе добраться до какого-нибудь небольшого городка обычно можно было за час-полтора. Разумеется, Венеция и здесь отличилась от всех прочих населенных пунктов, и венецианский вокзал был на Терраферме, в Местре. Так что после часовой беседы с графиней Боттарди я еле-еле успела на поезд. Хозяйка Ка'Боттарди вынула из меня душу, но сейчас, обдумывая результаты, я сочла беседу не только интересной, но и полезной.

Дом Боттарди, как и большинство венецианских кланов, специализировался на водной магии, однако известно ведь, Темный прячется в деталях. А детали-то были необычными.

Сочетание магии жизни с водной и воздушной позволяло магам этой семьи, например, ускорять или замедлять созревание фруктов, добавлять или снижать сахаристость винограда, делать отличные игристые вина; их парусные суда по скорости превосходили некоторые корабли, имеющие самые современные двигатели на огненных элементах. В общем, Боттарди сделали упор на развитии не столько силы, сколько тонкости воздействия. И успех их ныне был очевиден.

Я же обсуждала с графиней Паолой медицинское применение этих наработок и уже пообещала испытать кое-что в ближайшее время.

Странно, но в джинсах, свитере и куртке я чувствовала себя неудобно. Оказалось, за какую-то неделю я привыкла к маскам и кружевам... Но, достигнув Террафермы, я

вернулась из вневременья, из карнавала в 2184 год от Открытия Дорог. Здесь меня ждет клиника Motta di Livenza и профессор Ди Майо, современный номер в отеле Palazzo Parigi и кресло в ложе на представлении моцартовского «Дон Жуана» с великим Оттоленги.

Ну что же, впереди у меня три с небольшим часа в поезде, к пяти часам я буду в Медиолануме. Как раз достаточно времени, чтобы заселиться в отель, чуть-чуть отдохнуть, привести себя в порядок, перекусить и к девяти вечера отправиться в оперу. План на сегодня ясен. А вот дальше... Достав блокнот и карандаш, я стала записывать ближайшие дела.

Итак, завтра с утра – клиника и разговор с Ди Майо. В два – обратный поезд в Венецию, значит, дома я буду примерно к шести. Еще раз мимоходом поразившись, как легко я стала считать Ка'Виченте домом, я продолжила записи. Вечером бал во Дворце дождей; синьор Лаварди предупреждал меня, что этот бал пропустить никак нельзя, это одно из самых главных событий карнавала. Значит, надо готовиться, и на чердак я наведаться еще раз не успею.

Перед отъездом я забежала туда на минутку, но днем это было просто большое помещение, заставленное мебелью в чехлах, сундуками, какими-то корзинами и боги знают чем еще. Никакой таинственности, никакого золотого сияния открытий... Ладно, посмотрим ночью; надо полагать, на балу я достаточно сильно устану и достаточно много выпью, чтобы ничего не бояться.

Дальше... дальше карнавал заканчивается, после Бала дождей остается только одно обязательное мероприятие, как-нибудь я его переживу. Можно будет убрать поглубже платья и маски, оставить только плащ, треуголку и бауту. На всякий случай.

Теперь по операции. Если Ди Майо согласится, дату будем подстраивать под него. Но в любом случае нужна будет неделя на подготовку пациента – анализы, обследование, очистка организма. По результатам анализов еще нужно будет сбалансировать состав pellis, все-таки это продукт индивидуальный. Вот еще почему так пострадала покойная миссис Рубинштейн: доктор Беннет, жулик ловкий, но не слишком умелый, даже и не подумал о коррекции состава геля.

Предположим, операция пройдет успешно и молодой человек обретет лицо вместо маски. Все аплодируют, я получаю гражданство Венеции, и... что дальше? Чего я хочу?

Задумавшись, я рисовала в блокноте лица, то реальные, все почему-то похожие на Пьетро Контарини, то какие-то фантастические рожи...

Вообще, если подумать, жизнь мне подарила перекресток. С юности я шла вперед по прямой дороге, не останавливаясь и не глядя на повороты и развилки. Колледж, медицинский факультет Гарварда, практика, стажировки, статьи, операции, клиника... Я всегда делала то, чего от меня ждали.

Может быть, для разнообразия сделать что-то другое, пусть даже глупое и никому не нужное?

В конце концов, Венеция сама по себе занятие, достаточное для того, чтобы не скучать. Я посмотрела на изрисованный лист блокнота. Буду рисовать, вот! Акварели Серениссымы, графика, портреты... Не для продажи, не для кого-то, а исключительно для себя.

Успокоенная принятым решением, я убрала блокнот и закрыла глаза: все-таки Руди разбудил меня среди ночи, так что выспаться не получилось. Но, увы, не вышло подремать и в поезде: стюард принес обед, и меня окончательно разбудил запах острого соуса к пасте.

Медиоланум я не люблю. И никогда не любила, честно говоря. Но есть вещи, которые здесь умеют делать – одеваться, например. Стричь. Петь. Перед началом спектакля я выпила бокал шампанского; Артур, мой муж, считал, что Моцарта особенно хорошо

слушать после игристого вина, а хоралы и фуги Баха – после келимаса. И я, мысленно пожелав ему легкого посмертия, взяла второй бокал.

Выйдя из театра, я неторопливо пошла к отелю; в разные стороны растекались реки любителей оперы, постепенно становящиеся ручейками, а затем и вовсе сходящие на нет. На полпути я осталась на via della Annunziata совсем одна. Холодный февральский ветер трепал полы плаща и задирали подол вечернего платья. Я пожалела, что не стала брать экипаж, хотя в ту минуту мне казалось это разумным: дойти пешком не больше пятнадцати минут, а дожидаться разъезда после спектакля можно и дольше. Темная тень выступила из переулочка, и я невольно шарахнулась, нащупывая в кармане защитный амулет. Однако в свете фонаря увидела патруль стражи, и сама над собой посмеялась. Этот город считается одним из самых безопасных в Старом Свете...

– Синьора, вас проводить? – любезно поинтересовался старший патруль с нагрудным значком капрала.

– Буду вам очень признательна! – улыбнулась я.

– «Дон Жуана» слушали? – поинтересовался капрал, подстраивая свой шаг к моему. – И как сегодня?

– Замечательно! – даже если бы мне и не понравилось исполнение, я бы в этом подпытках не созналась: жители Медиоланума считают, что с их оперным театром не сравнится ничто в мире, и за критику могут серьезно обидеться.

Беседуя о достоинствах действительно великолепного баса Джакомо Оттоленги, блестяще исполнившего сегодня партию Лепорелло, мы дошли до моего отеля. Вроде бы в компании даже и ветер не был таким холодным...

Согревшись под душем, я нырнула под одеяло и блаженно вытянулась...

Родерико Ди Майо встретил меня на пороге своего кабинета медвежьими объятиями и сразу потащил смотреть его клинику.

– Вот здесь мы сделали две новые операционные, смотри, как свет поставлен! В том конце коридора – шесть послеоперационных палат, оборудование заказывали у Нидерталя. Посмотри, посмотри, какие аппараты! А лабораторию я перенес на первый этаж и расширил. Мы ведь теперь и генетические анализы делаем, и патологию печени без биопсии, и...

– А чем плохо определение патологии по ауре? – перебила я его. – Сразу видно же все!

– Тем, что по ауре ты определишь наличие фиброза или стеатоза, а вот его уровень – только приблизительно!

– Ну, хорошо, – смирилась я. – Показывай дальше.

Через два часа с гудящими ногами я упала в кресло в кабинете Ди Майо.

– Пока не дашь кофе, я тебе не расскажу, зачем приехала!

Буквально через мгновение передо мной стоял серебряный кофейник и чашка тонкого фарфора, отливали золотом сливки в сливочнике, шуршали фантики конфет.

– Итак? – Родерико сел за стол и посмотрел на меня выжидательно. В ответ я передала ему свой коммуникатор, где во всей красе можно было разглядеть серебряную маску и холодные серые глаза в ее прорезях. – Маска? И в чем проблема?

– Проблема в том, что эта маска составляет одно целое с кожей лица. Не выросла, будучи наложенной, а полностью собою эту кожу заменила.

Профессор Ди Майо присвистнул.

– Однако как весело живут венецианские нобили! И как ты попала в эту историю?

- Я там теперь живу. Приедешь – остановишься у меня в Ка'Виченте.

- Однако, – повторил он. – Давно ли?

- Уже целую неделю!

- Да, приличный срок... И что, рискнешь оперировать?

- Рискну. И хочу, чтобы ты мне ассистировал.

Он задумчиво смотрел на меня, постукивая по столу указательным пальцем. Наконец стук прекратился, и профессор отмер.

- К какому клану он принадлежит?

- Контарини, друг мой, – усмехнулась я. – Он племянник графа Пьетро.

- Любишь ты приключения... – Родерико покачал головой. – Понятно, что в случае успеха тебе отольют памятник из золота. А если...

Я пожала плечами:

- Все то, что пообещал мне Пьетро, предложено не за результат, а за попытку. Со своей стороны, я готова, в качестве платы за работу, отдать тебе права на производство и использование pellis в Старом Свете. Насколько я помню, ты ведь получил для испытания одну из последних, доработанных партий препарата?

- Да, было такое.

- И как?

- Соблазнительно. Это не переворот в пластической хирургии, но очень близко к тому.

Ди Майо встал из-за стола, прошелся по кабинету и остановился у окна, глядя на голые деревья в парке. Я позволила себе ухмыльнуться в чашку с кофе: он уже попался на крючок.

- Хорошо, – мой собеседник резко развернулся ко мне. – Я с тобой. Подожди, я взгляну на свое расписание, чтобы понять, когда смогу выкроить время.

Дождавшись, пока он раскроет в компьютере расписание, я предложила:

- Ты можешь приехать ко мне завтра вечером. Послезавтра ведь суббота, в выходные никаких плановых операций не намечено? – Дождалась кивка и продолжила: – Ну вот, переночуешь в моем новом доме, согласишься въяе на эту маску, и решим, когда и как делать.

- Вообще, идея мне нравится, – задумчиво ответил Родерико. – А с Джулией я могу приехать?

- Да ради всех богов! Посмотрите на последний день карнавала, купите чего-нибудь ненужного или бесполезного... Я попрошу подругу показать Джулии... ну, не знаю, фабрику муранского стекла, например, а мы с тобой тем временем обследуем пациента.

Под столом я скрестила пальцы, моля всех богов, чтобы Франческа, столь решительно названная мною подругой, была свободна и согласилась угробить два или три часа на развлечение ненужной ей гостьи из Медиоланума...

Тут меня осенило, что один пункт я забыла добавить в свой план, а момент-то важный: я совершенно не учла пожелания Маргарет Контарини, настоятельно приглашавшей меня в гости. И куда впихнуть эту даму? Раньше понедельника я точно никуда не смогу выбраться, получается, пройдет почти неделя с момента приглашения. Слишком много...

Ну ладно, наверняка она будет на балу во Дворце дождей сегодня вечером, возможно, такая встреча будет засчитана?

Венеция встретила меня туманом, высокой водой и каким-то удивительным для этого города безлюдьем. Я спросила у Массимо, осторожно ведущего гондолу вдоль Гранд-канала:

– Это погода всех загнала по домам или что-то случилось?

Молчаливый гондольер лишь пожал плечами, потом неохотно ответил:

– Чистили каналы, и течением притащило кое-что... неприятное.

– Что? – инстинкт любительницы детективных романов немедленно проснулся во мне. – Неужели труп?

– Нет, но ничем не лучше. Не надо об этом, синьора, даст Великая Матерь, все обойдется.

Однако! Что ж может быть хуже мертвеца? Но Массимо замкнулся и на мои вопросы не отвечал. В состоянии смертельно раздраженного любопытства я влетела в холл Ка'Виченте. И тут же поняла, что и синьора Пальдини мне о происшествии не расскажет. Экономка хмурилась, поджав губы, и Руди, сидящий у ее ног, раздраженно дергал хвостом.

Ну и ладно! Вечером на балу расспрошу Франческу.

– Добрый день, синьора Пальдини, – поздоровалась я, снимая перчатки. – Писем не было?

– Два, синьора, на столе в вашем кабинете.

– Ага, спасибо. Что кухарка, удалось договориться?

– Конечно, – ответила экономка несколько свысока. – Через полчаса вас ждет обед. Комнаты для гостей подготовлены.

– Замечательно, завтра вечером приедут профессор Ди Майо с супругой, вот и будет случай обновить гостевую спальню.

Я взбежала по лестнице, повесила плащ в гардеробной, вымыла руки и прошла в кабинет. Да, на столе лежат два письма и несколько визитных карточек. Не садясь, я просмотрела их: три незнакомых мне имени, карточка из ателье Флавиа – ага, надо полагать, привезли платье для сегодняшнего бала! – и... Последней лежала карточка Маргарет Контарини.

Это что, она сама заезжала?

Просматривая письма, я позвонила в колокольчик, и через мгновение домоправительница уже стояла на пороге.

– Синьора Пальдини, скажите, графиня Контарини что, сама оставила карточку?

– Нет, синьора, она прислала пакет, карточка была приложена. Пакет в вашем будуаре.

Интересно, почему пакет там, а карточка тут? Все-таки у моей экономки бывают странные идеи, ну да ладно.

Письмо от мамы отправилось в ящик стола, прочту потом; конверт с рекламой – в мусорную корзину, а я поспешила сунуть нос в таинственный пакет и узнать, чем же облагодетельствовала меня первая леди клана Контарини?

В пакете была резная шкатулка из золотистого дерева, довольно высокая, дюймов пятнадцать. На крышке были изображены виноградные грозди и среди них – лицо смеющегося юноши в венке. Я откинула крышку. В шкатулке, обложенные приятно пахнущей стружкой, стояли два... пожалуй, это можно было назвать кубками. Довольно широкая чаша рубинового стекла покоилась на ножке, сделанной из трех стеклянных лент – рубиновой, молочно-белой и золотой. На боку чаши был выгравирован герб Контарини – леопард, стоящий на задних лапах и опирающийся на щит. Я вытащила оба кубка из шкатулки и заглянула в нее: так и есть, под стружкой белела бумага. Достав

записку, я развернула ее и прочла:

Дорогая Нора! Нет такой ценности, которой я смогла бы отблагодарить вас за спасение жизни моей внучки Марии. Поэтому мой подарок – всего лишь тень той благодарности, которую я и вся моя семья испытываем. Эти два кубка принадлежали прапрадеду моего мужа, Руджеро Контарини. Им более шести сотен лет. Руджеро заложил в них небольшой, но важный секрет. Посмотрите на кубки внимательно: на одном из них леопард смотрит прямо вперед, на другом – оборачивается назад. Если в этот второй кубок налить келимаса или красного вина и затем погреть пару минут в ладонях, то в напиток выделится яд. Определить его невозможно ни магически, ни химически, но действует он так же верно, как смертельное проклятие.

Я надеюсь, что вам никогда не придется воспользоваться этим секретом, но кто знает, как может повернуться судьба? Моему мужу эти кубки однажды спасли жизнь...

P.S. Если налить в кубок любой охлажденный напиток, его можно будет спокойно пить.

P.P.S. Яд действует, я проверила на крысах.

Забывшись, я присвистнула. Да уж, эта дама не мелочится! Такие кубки сами по себе огромная ценность, а если учитывать секрет...

Я достала кубки, отнесла их в кабинет и поставила в шкаф, за стекло, повернув гербами к стенке. Нечего кому-то еще замечать разницу в рисунке, мало ли что. Конечно, я не глава клана, нет у меня таких врагов, которых понадобилось бы срочно отравить, но Маргарет права: кто знает, как повернется жизнь?

Закрыв дверцу шкафа на ключ, я подвесила его на общую связку к ключам от бостонского дома, кабинета в клинике, маминого особняка и убрала всю эту увесистую грудку железа в сейф.

Записка... прятать ее бессмысленно, все сказанное я запомнила. Надо попросить горничную растопить камин в моей спальне, тем более что я и вправду замерзла под февральским влажным ветром.

Бросив письмо в камин, я подождала, пока пламя поглотит его, и для верности растерла пепельные хлопья кочергой.

Уже шесть вечера, а бал сегодня начинается в восемь. Пора собираться.

Глава 3. Colombina

На сегодняшний вечер я отпустила Массимо, и меня собирались забрать Франческа и Витторе. Вот интересно, как нужно было бы сказать – они за мной заехали или заплыли?

Вчера из ателье Флавиа привезли последнее из заказанных мною платьев – костюм Коломбины. Укороченное платье было сшито из плотного темно-зеленого шелка, по юбке и корсажу рассыпались разноцветные ромбы, шелковые, бархатные, парчовые. На три или четыре сантиметра выглядывали белоснежные кружева нижней юбки, и такие же кружева пенились на груди и на манжетах. Довершала наряд крохотная треуголка с разноцветными петушиными перьями. Я расправила волосы, по такому случаю завитые в локоны, водрузила *tricornio* и надела черную маску с тремя маленькими ромбами, зеленым, пурпурным и желтым, у левого глаза. Отражение в зеркале подмигнуло мне, я взяла с полки один из вееров и спустилась вниз.

Гондола семьи Контарини-Боволо уже покачивалась у водного подъезда Ка'Виченте; гондольер помог мне войти, закрыл дверку кабины и оттолкнулся веслом от причала.

Глаза Франчески весело блестели сквозь прорези такой же, как у меня, маски *colombina*, но совершенно белой. Белым был и ее наряд, отделанный алыми и зелеными кружевами; Витторе был наряжен Пьеро.

– Надеюсь, ты перекусила? – поинтересовалась Франческа после взаимных приветствий. – А то сегодня бал короткий и без ужина, только шампанское.

– Я обедала поздно, только к пяти вернулась из Медиоланума, – махнула я рукой.

– И как, договорилась? – серьезно спросил Витторе; свою полумаску он крутил в руках.

– Да, все отлично. Завтра приедет мой коллега, профессор Ди Майо. Мы вместе посмотрим Карло и решим, когда назначить операцию. Думаю, через неделю...

– Понятно... – он замолчал и стал смотреть в окно.

Франческа придвинулась ко мне, обдав ароматом каких-то цитрусовых духов, и спросила полупшепотом:

– Я знаю, что Маргарет собиралась к тебе заехать сегодня. Была?

– Была, – не стала отпираться я. – Но не застала. Оставила карточку и подарок. Думаю, я ее увижу сегодня?

– Ну еще бы!

– Нам еще минут двадцать дороги, не меньше. Расскажи мне пока, почему сегодня короткий бал?

– Последний день карнавала, – Франческа плавно повела рукой с веером. – Ровно в полночь погаснут фонари, все освещение в городе на полчаса будет выключено, кроме светильников на лодках. В темноте гости бала снимают маски и идут к своим гондолам. Все, *finite*!

– А как же в городе в это время – ну, туристы, например?

– Ну, если они не сидят в своих гостиницах в такое время, то им же хуже, – она пожала плечами.

– Вот небось Ночная гильдия ждет этого момента?

– Ну что ты! Они блюдают правила еще строже, чем судьи! Если кто-то попытается осквернить последнюю ночь карнавала, его просто выкинут из города.

– Вот как... – тут я вспомнила о загадочной обмолвке Массимо и схватила Франческу за руку. – Слушай, а что сегодня случилось в городе? Мой гондольер обмолвился, мол, приливной волной что-то принесло, но так и не сказал, что именно.

Моя собеседница вздохнула и покосилась на мужа. Тот отчетливо пробормотал:

- Болтливый мальчишка, - и потом добавил: - Рассказывай уж, что тут скрывать.

Франческа вздохнула еще раз и сказала:

- На ступени причала возле Дворца дождей вынесло сетку, а в ней была отрубленная рука.

- Человеческая? - глупо спросила я.

- Ну конечно! - с досадой ответил Витторе. - И самое скверное то, что в ней мертвой хваткой была зажата *сogno ducale*.

- Э-э-э...

- Особая шапка, которую носит дож Венеции, - пояснил он. - Она и перстень с рубином - это атрибуты действующего дожа. Беда в том, что эти предметы имеют особые магические свойства...

- Погоди-погоди, - отмерла я. - А что, институт дождей еще существует? Я была уверена, что осталось только название дворца, ну и портреты, а правит глава Совета нобилей...

- Дело в том, что последний дож, Винченцо Лоредано, исчез несколько лет назад... - пояснил Витторе.

- Пять лет... - прошелестела Франческа.

- Пять лет назад, - повторил ее муж. - Но мы точно знаем, что он жив, потому что после смерти дожа перстень и *сogno* возвращаются в зал Совета. Немедленно. Я ж говорю, они зачарованы.

Вот же тьма! Я готова была разразиться множеством вопросов, но наша гондола мягко ткнулась в причал. Прибыли.

Внутри Дворца дождей я была впервые.

Собственно говоря, туда не так и просто было попасть без приглашения или без дела. Туристов во Дворец пускали один раз в году, в день зимнего солнцеворота, с восхода ровно до той минуты, когда солнце краем коснется горизонта. Балы давались дважды в год - в последний вечер карнавала и в день рождения действующего дожа; по понятным теперь причинам в последние пять лет второй бал не был актуален. Во все же остальные дни в любой из трех входов дворца войти могли его служащие, члены Совета судей, Совета магов или Совета десяти либо охрана. Ну, или сам дож и члены его семьи.

Получается, что дожа мы из этого уравнения выносим: Винченцо Лоредано исчез пять лет назад, семьи у него не было, поскольку жена умерла, а дети как-то не появились.

Все это полушепотом рассказывала мне Франческа, пока мы с бокалами в руках медленно дефилировали по огромному залу. Высокие стрельчатые окна зала выходили на лагуну, на какой-то невообразимой высоте угадывались потолочные плафоны, на которых Тинторетто изобразил победы Венеции; гости бала сбивались в стайки и постепенно перетекали в следующий зал, чуть меньшего размера. Там на балкончике играл оркестр, и можно было потанцевать, если возникало такое желание. У меня оно не возникло, и я продолжала расспрашивать мою спутницу.

- Это, - Франческа обвела рукой большой зал, - портреты дождей Венеции. Последняя, пустая рама предназначена для портрета Лоредано.

Портретов было, скажем прямо, немного - с четырнадцати холстов хмурились суровые седые старцы в смешных парчовых шапочках с рогом на макушке, одна рама была пуста, и еще одна - затянута черным полотном.

- Подолгу, видимо, они правили... - кивнула я на портреты.

- Так маги же... Меньше трех-четырех сотен лет ни один не прожил. Ну, кроме Марино Фальеро, которого за предательство интересов Серениссимы казнили, а портрет сожгли вместе с телом. Это вместо него теперь черная тряпка.

- Интересно. Ладно, последний вопрос, и я замолчу. Последний. Можно?

- Спрашивай, - рассмеялась Франческа.

- Каким образом пропал Лоредано? Отсюда, из Дворца?

- О нет! Он здесь бывал редко, только на Совете, а жил в своем доме, Ка'Лоредано. Это в районе Джудекка. Дождь любил ходить по городу пешком, его все знали в лицо, здоровались. Он ничего не боялся и иной раз, идя на свидание к даме, ускользал от охраны. Однажды из дому он вышел, а в рабочем кабинете так и не появился. Проверили весь путь, нашли следы магического воздействия, но, поскольку время было упущено, ищeyки Службы магической безопасности не сумели установить, какое заклинание применялось. Тогда под это дело поменялся и начальник Службы, там теперь заправляет Джан-Марко Торнабуони. Это, знаешь ли, во многих случаях очень удобно для нашей семьи, старинные союзники как-никак.

Лицо Франчески вдруг сделалось хищным, и она усмехнулась каким-то своим мыслям... А я припомнила свой первый бал в этом городе и первое знакомство. Джан-Баттиста Торнабуони, юрист клана. Вот теперь я знаю, кого сегодня хочу увидеть. Кого еще, поправила я мысленно. Начать следует с Маргарет. Повернувшись к Франческе, которая отставила свой бокал и нетерпеливо приплясывала рядом со мной, я спросила:

- Где и как искать твою свекровь?

- Ну-у... она вряд ли будет танцевать сегодня, так что, скорее всего, не в зале Судьбы, а дальше. Сегодня на ней темно-синее платье и маска Луны. Не найдешь - скажи, я помогу.

- Ладно.

- А я сейчас отыщу Витторе и потанцую!

Проскользнув между танцующими парами в зале Судьбы, я вошла в следующую комнату анфилады. Я бы назвала ее библиотекой, если судить по многочисленным книжным полкам, стоящим вдоль стен, и по удобным креслам, расставленным в зале парами и группами. В одном из кресел я заметила даму в темно-синем платье, о котором говорила Франческа. Правда, она не предупредила, что платье будет сверкать сапфирами, а щеки и подбородок дамы, видневшиеся под полумаской, нежностью могут посоперничать с младенческими. Неужели ее свекровь так молода? Или у нее такой хороший косметолог и куча фамильных магических секретов, возразила я сама себе, и подошла к женщине.

- Вы позволите, синьора? - спросила я, указывая на соседнее кресло.

- Прошу вас...

Женщина сняла маску и положила ее на столик рядом, я последовала ее примеру. Да, это графиня Контарини, ее портрет в Сети я помню.

- Ваше сиятельство...

- Оставьте, уж кто-кто, а вы должны меня звать по имени. Итак, Нора, вот мы и познакомились...

- Спасибо за ваш подарок, Маргарет. Кубки... великолепны, - не покривила я душой.

- Хотела бы я надеяться, что их особые свойства вам никогда в жизни не пригодятся, но всегда лучше иметь в запасе козырь, чем не иметь.

Женщина сделала знак рукой, и рядом с нашими креслами немедленно возник лакей с подносом, на котором стояли «флейты» с шампанским. Отпив глоток, я поставила бокал на столик и молча улыбнулась собеседнице. Ну же, Маргарет! Это вы хотели меня увидеть. Значит, есть какой-то вопрос, на который не ответят ваши родные. Задайте его.

И Маргарет не обманула моих ожиданий.

– Нора, вот, предположим, операция прошла успешно, и вы убрали с лица Карло маску. Как вы считаете, он сможет прижиться в Новом Свете?

Я помолчала. Вопрос был неожиданным.

– Не знаю, честно говоря. На мой взгляд – вряд ли. Слишком уж специфический жизненный опыт он здесь приобрел. Мне кажется, что вообще венецианцу в любом другом городе было бы сложно пустить корни, даже в каком-нибудь Амстердаме. Дело ведь не в воде и не в каналах, а в образе жизни... Да и клан, стоящий за спиной, значит немало.

– Да, клан... – Маргарет покачала головой. – Клан начинает роптать. Любого другого молодого человека за подобное выслали бы из города как минимум на пять лет...

– А Карло не только позволили остаться, но и стали выручать, избавлять от неприятных последствий, – подхватила я. – Да, их можно понять. Возможно, в случае удачи ему и в самом деле стоило бы уехать... только не в Новый Свет!

Неожиданно возникшая мысль захватила меня, и я продолжила, может быть, с излишней горячностью:

– Знаете, Новый Свет мало чем отличается от Бритвальда или Лация. Может быть, ему стоило бы уехать куда-нибудь в Чину или Сиам, чтобы все вокруг было иным!

– Хм... интересно. С этой точки зрения мы вопрос не рассматривали, – Маргарет постукала по ладони сложенным веером. – Мой муж и его сестра, бабка мальчика, искали место, где бы ему было легче...

– А нужно искать, где будет труднее.

– Спасибо, Нора, – она положила руку на мою и слегка сжала. – Я хочу, чтобы вы знали: у вас за спиной есть клан.

Попрошавшись, она надела маску и быстро ушла, не дожидаясь окончания бала, а я осталась сидеть в кресле и допивать розовое шампанское. Интересно, как бы мне найти в этой толпе синьора Торнабуони?

Подбежавшая Франческа схватила меня за руку и потащила:

– Идем скорее, Витторе держит нам места у окна, скоро начнется фейерверк!

Ее муж действительно с самым непреклонным видом стоял в зале Большого совета у центрального окна с видом на лагуну, поверхность которой была усеяна разноцветными фонариками гондол и катеров.

– Все лодочники города сейчас здесь, у нас перед глазами, – сказала Франческа. – Впервые, это традиция, а во-вторых, конечно, фейерверк оттуда видно не хуже, чем из этих окон.

– А когда начало?..

– За четверть часа до полуночи. С первым ударом молота Гигантов все закончится, и в Серениссиме погаснут все огни – кроме этих вот фонариков, – она указала за окно. – Вот сейчас и начнется...

Где-то на Джудекке ударил первый залп, и в ночное небо всплыл и развернулся разноцветный сверкающий букет. Его сменил парусник, затем вылетел рой бабочек, превратившихся в летучих рыб. Новый залп – и над Венецией развернулся зеленый с золотом дракон; взмахнул крыльями, ударил хвостом по колокольне церкви Santissimo Redentore, а потом повернул голову и подмигнул красным глазом.

– Ух ты... – зачарованно пробормотала я.

Дракон взлетел выше, сделал круг над Джудеккой и ушел в небеса, все уменьшаясь и становясь постепенно сияющей точкой. Все погасло, и мы оказались в абсолютной

темноте.

Выбраться из зала Большого совета, к счастью, было нетрудно даже в темноте: недлинный коридор выходил к Золотой лестнице, и прямо над ней светила полная луна. Город был темным, погасили даже знаменитые розовые фонари на площади Святого Марка. Гости последнего карнавального бала расходились в молчании, лишь постукивали о камни мостовой каблучки да шуршали шелковые платья.

Наутро я проснулась поздно. Солнце в мою спальню заглядывало только краешком, да и то ближе к вечеру. Во внутреннем двореке, куда выходили окна, всегда было тихо, только птицы пересвистывались в кроне старой яблони. Потянувшись, я еще чуть-чуть повалялась, разглядывая амурчиков на потолочном плафоне и прикидывая план на день.

Может, и хорошо, что я не встретила вчера с синьором Торнабуони. Джан-Баттиста Торнабуони, юрист клана, почему-то казался мне человеком сведущим, в том числе и в истории с бесследно исчезнувшим дожем. А эта загадка притягивала меня просто магнитом, даже не знаю почему. Только вот я еще не сформулировала четко, о чем его спрашивать...

Ну, хорошо; раз уж мы вчера не встретились, я пока узнаю бродящие в народе рассказы и буду хотя бы представлять себе, о чем его расспрашивать. Попытаю синьору Пальдини, подвергаю Франческу еще разок. Да и мой синьор Лаварди должен бы уже выздороветь, вот кого точно надо расспросить!

До приезда Ди Майо у меня уйма времени, почти семь часов, начну с завтрака, потом пойду на чердак. А дальше... дальше видно будет!

Завтрак, приготовленный новой кухаркой, Джузеппиной Бассо, оказался выше всяких похвал. Омлет был пышным и нежным, булочки таяли во рту, а капучино пах так, что я не удержалась и попросила третью чашку. Н-да, этак мне придется менять весь гардероб...

Доцедив капучино, я стерла с верхней губы молочные усы и попросила горничную позвать синьору Пальдини в мой кабинет. Домоправительница вошла и остановилась в дверях.

– Синьора Пальдини, доброе утро. Присаживайтесь, пожалуйста, – я показала на кресло.

Синьора села на краешек и чинно сложила руки.

– Мне очень понравилось мастерство вашей протеже, пожалуй, я готова нанять ее на весь срок моего пребывания в Венеции.

– Я так понимаю, что вы, синьора, со сроком пока не определились...

– Нет, пока нет. У меня впереди несколько встреч, от которых будет зависеть...

Ну и вот зачем я лгу себе самой? Ведь внутренне я уже приняла решение пожить в Ка'Виченте столько, на сколько хватит моего интереса к Венеции. А этот город, даже и без подворачивающихся мне загадок, сам по себе достаточно занятие. Я вздохнула и продолжила:

– Расскажите мне, синьора Пальдини, что говорят в городе об исчезновении вашего дожа, Винченцо Лоредано?

Этого вопроса домоправительница явно не ожидала, даже привычная невозмутимость ей изменила. Честно говоря, она просто вытаращилась на меня так, будто разглядела дополнительную пару ушей и змеиный хвост под юбкой.

– Простите... э-э-э...

– Пожалуйста, очень вас прошу, не надо меня оберегать, – я ободряюще улыбнулась. – В общих чертах я эту историю уже слышала, но мне бы хотелось знать детали.

Не без некоторого сопротивления со стороны моей визави, историю я из нее вытащила. Известную ей часть истории. Кусочек мозаики, чем-то сходный с рассказанным Франческой, а в чем-то и отличающийся. Ну, естественно: слуги между собой говорят не совсем то, что рассказывают следователям. А иногда и совсем не то... Например, по словам камердинера Лоредано, его доверенного слуги Джакомо Россо, в камине была куча пепла от сожженных бумаг, а в спальне и кабинете дождя наутро все еще пахло духами. Дорогими духами.

Тепло поблагодарив синьору Пальдини, я отпустила ее, попросив напоследок связаться с синьором Лаварди, узнать, как его здоровье, и попросить навестить меня, как только самочувствие позволит.

Вот тьма, как мне не хватает Альмы!

Так, минуточку. А почему бы, собственно, мне и не вызвать в Венецию Альму Хендерсон, раз уж я остаюсь здесь на неопределенный срок?

Я не стала откладывать выполнение этого решения ни на минуту. Мне хотелось начать новую жизнь? Ну так вот он, еще один шаг к этой новой жизни.

Подойдя к компьютеру, я быстро, пока запал не прошел, написала несколько писем.

Моей секретарше – что я желаю выставить на продажу дом в Бостоне, загородный особняк и все три экипажа, вопрос этот следует обсудить с моим солиситором; что она должна начать подыскивать управляющего моей бостонской клиникой, присылая мне информацию о возможных кандидатурах; и наконец, что лично ей, Альме Хендерсон, предстоит решить, желает ли она остаться в Бостоне при новом управляющем или переехать со мной туда, куда я перееду.

Солиситору – распоряжение о продаже недвижимости, о переводе счетов в Banco Monte Paschi di Siena, а также просьбу порекомендовать в Венеции кого-то, кто занимался бы здесь моими делами.

Матери... Ох, вот это письмо написать было труднее всего. Наши отношения разладились давно, еще тогда, когда я, отказавшись от светской карьеры, поступила на медицинский факультет Гарварда. А теперь вот такой новый удар по ее пьедесталу дамы-патронессы высшего света Бостона – дочь уезжает в Старый Свет... Ладно, все равно писать надо.

Я поставила последнюю точку и стукнула по клавише «отправить». Рубикон перейден.

Видела я этот Рубикон: речушка, в которой воробей ног не замочит.

Ну, раз уж я села к компьютеру и даже вошла в почту, посмотрю, кто меня искал за последние две недели?

Разборка писем увлекла меня настолько, что, когда в дверь кабинета постучали, я даже не сразу услышала.

– Да, войдите! – сказала погромче. – Синьор Лаварди, как я рада вас видеть!

Встав из-за стола, я прошла навстречу пожилому синьору и придвинула ему кресло. Вообще говоря, выглядел он неважно: желтоватая кожа, мешки под глазами, да и сами глаза покрасневшие, будто пыль попала. Была бы женщина, я бы предположила, что она полночи проплакала...

– Что-то случилось? – спросила я невольно.

– Просто возраст дает себя знать, – грустно улыбнулся он. – Когда тебе так много лет, и болезни не хотят уходить подолгу, и всякие... события происходят. Умерла моя старинная приятельница, и завтра на закате на Сан-Микеле я с ней попрощаюсь. Боюсь, что, кроме нас двоих, будет только жрица Великой Матери... Не будем о печальном, синьора. Вы хотели меня видеть?

– Да, синьор Лаварди. Примите мои соболезнования...

Жестом руки он как бы отгородился от моих слов и повторил:

- Не будем. Итак, я чем-то еще могу быть вам полезен? Вы, по-моему, полностью адаптировались в нашем обществе, и такой старик, как я, вряд ли будет еще нужен.

Я не стала фальшиво спорить, выглядел синьор Лаварди сегодня действительно старым и усталым.

- Во-первых, я хотела бы вас поблагодарить. Без вас я бы вряд ли сумела получить столько удовольствия от пребывания в Венеции. Во-вторых, я хочу попросить вашего разрешения и впредь обращаться с вопросами и просить совета.

- Разумеется, - кивнул он.

- Вся оговоренная оплата перечислена на ваш счет вместе с премией, - говорить о том, что премия по сумме превышает собственно оплату вдвое, я не стала, пусть это будет сюрпризом. - Вероятно, вы знаете, что я решила пожить здесь, в Ка'Виченте, еще какое-то время?

Кивком мой собеседник подтвердил: да, конечно, он в курсе. Я продолжила:

- Поэтому первые вопросы - по образу жизни. Карнавал кончился, но, как я читала, маски и плащи остаются в обиходе?

- Синьора, - мой consigliere сложил руки на животе и склонил голову с хитрым видом, - тут ведь все зависит от вас. Если вы решили, к примеру, с утра отправиться по магазинам, навестить в гости, посетить галерею Академии или летом провести время на пляже, так проще всего надеть джинсы и майку и раствориться в толпе туристов. С другой стороны, если вы вечером идете на свидание, в гости или на концерт, на какую-то встречу, то маска отделит вас от толпы. Само собой, особые платья или мужские камзолы надеваются только на специальные мероприятия, на балы и приемы, куда приглашаются избранные. Но это будет указано в приглашении, и вы не сможете ошибиться.

- Понятно, - кивнула я.

- Далее, вам следует знать, что в Венеции принят еще и особый... я бы сказал, код для своих. Например, если на плащ или на лацкан жакета вы приколоты брошь в виде маски-бауты, вы становитесь как бы невидимкой для знающих. Вас не увидят знакомые, вас не остановит стража, к вам не обратится уличный продавец мороженого.

- Ага, это интересно... - пробормотала я. - Надо будет такую купить...

- О нет, их нужно заказывать. Если не возражаете, я это сделаю.

- Почту за честь. Еще какие-то коды, пароли и явки?..

Кодов было немало. И старинных (если гондольер, увидев вас, прикладывает палец к носу справа, значит, за вами следят), и смешных, и нелепых... Синьор Лаварди рассказывал, а я фиксировала все это на записывающий амулет. Буду учить перед сном.

Горничная принесла латте, ликер и пирожные с миндальным кремом, и мы прервались. Отряхивая с расшитого цветами жилета крошки от пирожных, синьор одобрительно причмокнул:

- Кухарка у вас хорошая. Вообще, вы становитесь совсем венецианкой. Дом, подруги, прислуга, кухарка... Да и внешне тоже... У местных женщин, знаете, есть что-то особенное во взгляде, чего не найти у римлянок или уроженок Медиоланума. Не могу объяснить, но есть.

- И?

- И вы тоже теперь смотрите на мир глазами истинной венецианки, - он улыбнулся. - Не могу вам передать, как меня это радует!

Хм. Надо будет посмотреть в зеркало попристальнее...

- Синьор Лаварди, еще несколько вопросов! - сказала я решительно. - Что произошло с

Винченцо Лоредано?

Мужчина тяжело вздохнул.

– Каким приливом к вашему крыльцу принесло эту пену?

– Синьор Лаварди! Уже принесло, ничего не поделаешь.

– Ну, хорошо...

Его рассказ мало чем отличался от уже известной мне версии, хотя и был расцвечен дополнительными подробностями. Не меняя выражения лица, я вновь активировала записывающий амулет. Надо будет вечером все прослушать еще раз и составить сводную таблицу, что мне известно и о чем еще надо узнать...

Проводив синьора Лаварди, я взглянула на часы и поняла, что не успеваю на чердак. Кажется, не успею и пообедать, иначе рискую опоздать на вокзал, к поезду, который привезет Ди Майо и его супругу. Однако моя попытка вернуться в кабинет была неожиданно пресечена экономкой, худощавая фигура которой ухитрилась перегородить дверь.

– Синьора, вам нужно нормально питаться! Не на кофе с плюшками жить, а съесть хотя бы пасту и салат!

Я посмотрела на Руди, который грамотно блокировал двери в спальню, рассмеялась и сказала:

– Хорошо, спасибо! Только очень быстро, мне нужно встретить друзей на вокзале.

– Синьора, поезд из Медиоланума сегодня опаздывает на тридцать две минуты, – с великолепным презрением ответила суровая дама. – Вы успеете даже съесть мороженое!

Отодвинув вазочку из-под мороженого, я посмотрела на вошедшую женщину в белом фартуке – довольно полную, с румяными щеками и седеющими черными волосами.

– Синьора, позвольте представить вам Джузеппину Бассо, вашу кухарку, – сообщила домоправительница.

– Я рада видеть вас, Джузеппина. Мне очень нравится ваша стряпня, спасибо! Вы хотели что-то спросить?

– Да, синьора, – кухарка сделала шаг вперед и даже изобразила что-то вроде реверанса. – Я вот что сказать хотела... Вы ведь будете всякие приемы устраивать, вечеринки?

– Ну, да... наверное... Вы хотите сказать, что это для вас будет затруднительно – готовить для большого количества гостей?

– Нет-нет, что вы! Наоборот! А надо будет, я и помощников найду, это все просто. Я про другое. Вы ведь сами-то из Нового Света, так? Вот я и подумала, наверное, мне бы надо было научиться готовить какие-то тамошние блюда? Может быть, вы можете сказать мне хоть названия, я бы уж рецепты-то разыскала...

– Хм, это интересная мысль... – я потерла подбородок, задумавшись. – Дайте мне пару дней, Джузеппина, я постараюсь что-то придумать. Хорошо?

– Да, синьора! Спасибо! – и женщина исчезла за дверью.

– Синьора Пальдини, – я повернулась к домоправительнице. – Что это было? Пожалуйста, присядьте и расскажите мне.

Дама умостила на кончике стула, сложила руки на коленях и подняла на меня взгляд.

– Любой прислуге лестно работать в доме, где ее ценят, – сказала она тихо. – А еще – это не декларируется, но существует – каждый дом в городе старается иметь какие-то особенности. У кого-то в гондольерах служит чемпион гонок; кто-то коллекционирует

картины и пускает публику на выставки; у семейств совсем уж бездарных слуги гордятся тем, что хозяин способен один выпить ящик вина или выбросить половину фамильного состояния на скачках. Джузеппина придумала неплохой вариант: кухня Нового Света необычна для Венеции, и ваши гости будут о ней рассказывать.

– Соответственно, ее и ваши акции поднимутся на несколько пунктов, – продолжила я. – Ну что же, я ничего не имею против. Как я уже сказала, попробую что-то найти. Спасибо, синьора Пальдини, мне нужно ехать.

В гардеробной я надела поверх бело-синего свитера кожаную куртку, сунула в карман перчатки и посмотрелась в зеркало. Неплохо, но все же платье цвета лаванды шло мне куда больше!

Уже далеко за полночь я проводила до гостевой спальни Родерико и Джулию, пожелала им спокойного сна и вернулась в свой кабинет, чтобы посмотреть почту. Вот тоже странное дело: в течение тех пяти дней, пока я плыла от Бостона до Кале, двух дней полета дирижаблем от Кале до Венеции, все время, что я жила здесь, а это две недели – все эти дни я не проверяла свою электронную почту, будто ее и нет вовсе. И вот теперь поздней ночью я крадусь в свой собственный кабинет, чтобы... что? Буду честной хотя бы перед собой: чтобы посмотреть, что же ответила мне Альма Хендерсон. И ответила ли вообще.

По закону подлости первым мне на глаза попало письмо от матери. В принципе, можно и не читать: я неплохо изучила набор презрительных определений, которыми она могла бы меня осыпать. Но, если я смалодушничая и не открою письма, в Бостон не уйдет сообщение о его прочтении. И миссис Ван дер Валлен сразу поймет, что ее дочь трусила. Поэтому я вздохнула и нажала на значок «открыть».

Прочтя короткие шесть строчек, я с трудом подавила желание протереть глаза: моя почтеннейшая матушка мягко (мягко!) укоряла меня за то, что я так долго не давала о себе знать, всячески одобряла мои приобретения (включая Ка'Виченте) и ни словом не упоминала проданную собственность в Бостоне. Меня слегка журили и просили оставаться на связи...

Очень интересно. Надо бы попросить кого-то из коллег-психологов проверить, не настигла ли почтенную даму какая-нибудь потеря памяти или иной Альцгеймер.

Ладно, а что мне пишет Альма?

Моя секретарша была деловитой, как такса. Она уже выполнила все распоряжения в части связи с солиситором, переговорила с тремя кандидатами на должность управляющего клиникой, и две анкеты дожидаются моего внимания в приложении. Сама же мисс Хендерсон послезавтра отплывает на «Аквитанской волчице» и через пять дней рассчитывает связаться со мной из Кале.

Снилась мне такая чушь, что я несколько раз просыпалась от собственных вскриков. Наконец, в какой-то момент, когда за окном уже начало чуточку сереть, матрас рядом со мной прогнулся, и меня боднули в локоть, сказав: «Мр-р-р».

– Руди, – пробормотала я, подтащила кота к себе поближе и уснула без сновидений.

Родерико отложил в сторону историю болезни и посмотрел на Пьетро Контарини.

– Этот документ страдает прискорбной неполнотой, – сказал он невыразительно. – Мне хотелось бы поговорить с... э-э-э... доктором Венсаном, который предпринял эту попытку операции.

– К сожалению, – Контарини развел руками, – доктор Венсан погиб вскоре после этого.

– Каким образом?

– Он был в отпуске, в горах. Как мне сказали, лыжа наткнулась на камень, и он

чрезвычайно неудачно упал – головой о камень. Шлем раскололся, ну и...

– Понятно. – Ди Майо помолчал, потом задал вопрос: – Насколько мне известно, была еще одна попытка, но я не вижу этих записей.

– У нас их нет, – Пьетро вздохнул. – Та операция проводилась... без контроля клана. Карло сам нашел врача, но тот тоже не справился.

– Что нам о нем известно?

– Практически ничего. Он был лишен лицензии по решению Гильдии медиков, работал на Ночную гильдию. Карло этого типа посоветовали его приятели... – Тут Контарини беззвучно поморщился. – Как нам удалось узнать, пару месяцев назад его убили в драке.

– Прелестно, – Родерико откинулся в кресле и посмотрел на меня. – Нора, во что ты меня втянула? Двое врачей, пытавшихся снять посмертное проклятие с испорченного мальчишки, довольно быстро погибли. Ты хочешь стать третьей?

– Не хочу, – я покачала головой. – Но проклятие можно попытаться снять.

– Как? – Пьетро вскочил и снова сел, обхватив руками голову. – Неужели вы думаете, что маги нашего клана не пытались этого сделать?

Я пожала плечами.

– Возможно, у них не было в руках вот этой информации?

Достав из кармана кристалл памяти, я вложила его в коммуникатор, подождала, пока развернется в воздухе виртуальный лист из «Ежегодника Магической академии Лютеции» и развернула текст к Пьетро. Быстро пробежав его глазами, тот довольно спокойно спросил:

– А кто автор?

– Профессор Редфилд. Она вообще-то боевик, но, насколько мне известно, интересуется смежными дисциплинами. Так вот, она занималась, во-первых, природой проклятий и, во-вторых, вопросом вызова, существования и развеивания посмертных существ. Что прямоком выводит нас на некоторые неучтенные возможности.

– Вот же тьма! – Ди Майо ладонью стукнул себя по коленке и, сморщившись, зашипел от боли. – Как ты это нашла? Я материалы по специальности читать не успеваю!

– Ну, просто я знала, что мы имеем дело с проклятием, и начала искать способы борьбы... скажем так, предоперационные.

– То есть вы считаете, что операция будет нужна? – спросил Пьетро, ловивший каждое слово.

– Безусловно. Маска сама не отвалится, – ответил Родерико. – Что же, тогда так: я смогу приехать снова через три недели, в первую неделю марта. Потом уеду на конференцию, потом у меня три месяца курсов в Иудее... в общем, начало марта. Сможете до этих пор справиться с первым этапом – я ваш, нет...

– Ну, понятно, – подхватила я. – И кстати, Пьетро, еще один вопрос: а что стало с девушкой?

– С девушкой? – он был несколько озадачен. – Понятия не имею. Это важно?

– Молодой человек был наказан братом девушки за то, как он с ней обошелся, – ответила я максимально серьезно. – Плохо обошелся, как я понимаю, так ведь? Если мы будем пытаться снять проклятие, то первое, что нужно сделать, – это устранить его причину. Разве нет?

Тяжко вздохнув, граф Контарини махнул рукой.

Я проводила Родерико и Джулию к поезду, помогла им запихать в вагон бесчисленные коробки и пакеты с покупками, помахала рукой и задумалась, чем заняться. Клан Контарини молчал, даже Франческа не появлялась – хотя, может быть, приходит в себя после карнавала? Или у детей каникулы? Впрочем, компании мне не хотелось. Гондола довезла меня до площади Сан-Марко, и я отпустила Массимо. До дома дойду пешком. Вот кстати, приколю-ка я значок с маской, раз уж синьор Лаварди мне его прислал. Буду венецианкой, которая не хочет, чтобы ее видели.

С утра было солнечно, я села за столик у кафе «Квадри» и заказала латте и их знаменитый шербет. Вчерашняя высокая вода ушла, рабочие на площади убирали мостки, распуская голубей, мальчишки носились вокруг флагштоков. Солнце светило мне в лицо, и я лениво жмурилась, не хотелось лезть в карман за темными очками.

Вот еще пару минут посижу, съем последнюю ложечку растаявшего шербета и пойду – по Calle dei Fabbri до театра Гольдони, где всегда толпятся перекупщики театральных билетов, и дальше, к Riva Carbon, вправо мимо Ка'Бембо, а там уже совсем рукой подать и до входа в Ка'Виченте. Сегодня меня ждет загадочный чердак!

Рядом царапнула железом по камню ножка стула, и я приоткрыла правый глаз: за мой столик садилась старуха. Нет, вот правда: женщина может быть очень и очень немолодой, но старухой ее не назовешь, а тут... Неопрятно скрученные в пучочек седые волосы, опущенные углы губ, какая-то вытянутая на локтях коричневая кофта...

– Угости бабушку чашечкой кофе, – проскрипела женщина. – Слышь, красотка?

Я открыла второй глаз и посмотрела на нее, потом поинтересовалась:

– Назови мне хоть одну причину, почему я должна это сделать?

– Прокляну, не боишься?

С минуту я глядела на нее, потом расхохоталась. Я, можно сказать, по локоть копаюсь в чужих проклятиях, а мне тут угрожают своим собственным! И кто? У нее ж нет ни капли силы, это-то я вижу!

– Не боюсь, – ответила я, отсмеявшись. – Вот что, я оставлю официанту деньги на caffè sospeso, «подвешенную» чашку кофе, каждый день в течение недели, а уж будет она доставаться тебе или другому – не мое дело. Ciao!

Ворча, старуха ушла, а я подозвала официанта и расплатилась.

Calle dei Fabbri показалась мне сегодня какой-то темной: то ли от площади через арку дул холодный ветер, то ли солнце сюда не заглядывало. Я шла быстро, сунув руки в карманы кожаной куртки и прикрывая подбородок шарфом, и не увидела, откуда вынырнул мальчишка... нет, постарше, пожалуй, уже почти парень лет семнадцати. Он пошел со мной рядом, заглядывая в лицо:

– Синьора, может быть, желает чего-нибудь? Гида? Сопровождающего? Порекомендовать хороший ресторан? Или, может быть, дом радости?

Я молча покачала головой, но парень не унимался.

– Может быть, синьору интересуют курильня?

– Синьора не интересуется ничем таким, – я остановилась; на узкой улице нас все время толкали, но парень меня раздражал и немного пугал. – Ты что, плохо видишь?

Я постучала пальцем по значку, приколотому к воротнику куртки слева.

– Простите, ошибся! – не говоря более ни слова, парень сделал пируэт, который бы подошел Арлекину, и растворился в толпе. Покачав головой, я пошла дальше, стараясь держаться в хвосте группы туристов, судя по разговору – моих соотечественников из Нового Света.

Эти встречи испортили мне настроение. Надо было добираться до дому на гондоле. А с другой стороны – как-то я за прошедшие пару недель совсем отвыкла от городской

жизни, проводя все время в своем доме, на каких-то вечеринках или с Франческой и другими знакомыми... «Ну что, окунулась в гущу жизни?» – спросила я себя.

После обеда ужасно хотелось подремать: поезд на Медиоланум уходил в восемь утра, и встать нам всем пришлось рано. Белое вино, которое моя прекрасная Джузеппина подала к замечательной рыбе, приготовленной асқуараzza, расслабило напряженные мышцы и смыло неприятный осадок от неудачной прогулки. Я посмотрела в сторону двери в спальню, вздохнула и решительно встала. Сейчас хочется подремать, потом придет Франческа и пригласит куда-нибудь, так я никогда не доберусь до чердака!

Да, днем чердак выглядел совсем не так, как ночью. Вроде бы и места стало больше. Что-то вынесли? Вот точно помню, что справа возле двери стоял массивный комод темного дерева, а сегодня на этом месте пусто. Интересно, надо будет попытаться домоправительницу...

Ладно, сейчас меня более всего интересует портрет герцогини дель Джованьооло. Надо разглядеть все повнимательнее при дневном свете, благо он щедро льется через наклонные слуховые окна.

Портрет стоял на месте, все так же закрытый белой тканью. Я аккуратно сняла ее, сложила и бросила на подвернувшийся рядом сундук, потом повернулась к картине... и замерла. Фигура женщины, написанной красками на холсте, изменила позу!

Ну да, точно: в прошлый раз она стояла боком к зрителю. Правая рука прикасалась к маске gatto, а в левой что-то было, не то веер, не то маленький букетик. Неважно, что именно, потому что сейчас все изменилось: герцогиня повернулась к нам лицом, маска была снята и отброшена на пол.левой рукой Лаура выдвигала ящик того самого туалетного столика розового дерева, за которым только сегодня утром я подкрашивала ресницы, а в правой держала несколько писем и будто протягивала их мне.

– Вот это да, – пробормотала я и попятилась; под ноги подвернулся сундук, и я села на него с размаху, так что что-то загнуло. – Откуда ты это взяла?

Лаура Виченте дель Джованьооло не ответила на мой вопрос, хотя мне показалось, что тщательно выписанные розовые губы усмеваются довольно-таки ехидно.

– Так, стоп. В прошлый раз я смотрела на подпись и на обратную сторону картины. Поглядим еще раз! – подбодрила я себя, встала с сундука и шагнула вперед. Не буду врать, шаг этот дался мне с некоторым трудом.

Подпись на холсте, сколько я могла судить, была той же самой, то есть неразборчивой закорючкой с тремя разлетающимися хвостами. Обратная сторона вроде бы не изменилась тоже. Я вновь обошла вокруг портрета и стала разглядывать лицо герцогини, почти уткнувшись в него носом. Конечно, я не специалист в живописи, но, на мой взгляд, никто картину не дописывал: краски, мазки, полутона, все соответствовало, все было гармонично. Да и кракелюры, разбегающиеся по поверхности высохшей краски, вроде бы невозможно подделать?

Приходилось признать: поза герцогини изменилась, и произошло это загадочным образом внутри картины, внутри тонкого слоя масляной краски, наложенной на холст в феврале 1788 года. Триста девяносто шесть лет назад.

Так. Значит, сейчас я закрою чердак, на всякий случай повешу несколько запирающих заклинаний, пойду к себе в кабинет... Нет, в первую очередь я отправлюсь в будуар и обследую этот проклятый туалетный столик!

В будуаре было тихо. Я почти ожидала, что на пуфике или еще где-нибудь увижу рваное ухо и вздрагивающий рыжий хвост, но Руди был, по-видимому, занят своими делами. Подойдя к туалетному столику, я погладила его крышку, мне очень нравился этот рисунок – выложенные разноцветным перламутром фигурки китайцев.

Вот странно, когда моя приятельница в Бостоне обставила гостиную в своем загородном

доме мебелью в стиле шинуазри, мне это показалось грубоватым и даже довольно вульгарным. А здесь, в Венеции, кажутся такими милыми эти комичные разноцветные фигурки на коричнево-лиловой поверхности палисандра или пышные пионы и золотые карпы на черном лаке в кабинете...

Ладно, не буду отвлекаться. Я решительно выдвинула средний ящик, тот, которого касалась на портрете герцогиня Лаура. Конечно, он был пуст. Это и неудивительно, я ведь осматривала все ящики и ящички туалетного столика, когда переехала в Ка'Виченте, а нынче вся моя косметика помещалась в левом, самом маленьком отделении.

Столик должен быть современником Лауры, ну, или несколько старше. Вряд ли старше намного, тогда антикварная мебель не ценилась, и в будуаре светской дамы, тем более герцогини, должно было стоять все только самое новое. Насколько я помню, такой предмет мебели обязан был иметь некий тайник, вопрос только, как его найти. Итак, первое, что приходит в голову, – двойное дно в одном из ящиков...

С первого взгляда никаких признаков двойного дна я не находила, хотя, кажется, простучала все и потянула за все возможные пимпочки. Выдвинув средний ящик почти до конца – интересно, кстати, а почему это он не выдвигается полностью? – я внимательно осмотрела его стенки и нашла наконец подозрительное место. На правой стенке, почти в углу, была дырочка, будто бы проеденная жучком. Скромный какой жучок, откусил чуть-чуть, поблагодарил и ушел... Я вытащила из волос шпильку и осторожно потыкала в этот жучий след. Есть! Раздался щелчок, но дно ящика не отошло, вместо этого отскочила дальняя стенка. Вот почему ящик не выдвигался до конца: чтобы скрыть тайник!

В тайнике лежала небольшая коробочка из синего сафьяна. Я достала ее и с понятным волнением откинула крохотный золотой крючок. Внутри лежала брошь: веточка красной смородины с двумя золотыми листьями и рубиновыми ягодами. Влетевший в окно солнечный луч вспыхнул в ягодах так ярко, что я зажмурилась. Интересно, а можно ли найти сейчас где-то в Венеции красную смородину? Ужасно вдруг захотелось...

Открыв глаза, я еще раз посмотрела на свою находку. Пожалуй, я ее сегодня уже видела. Именно она лежала на туалетном столике Лауры. Получается, я на верном пути!

Интересно, почему герцогиня дель Джованьо спрятала эту брошь в тайник, да так в нем и оставила?

Ну, хорошо, один тайник обнаружился, значит, может быть и другой. Я задвинула ящик и открыла левую дверцу. Здесь у нас есть полка, на которой стоят мои баночки и флаконы, и небольшой ящичек сверху. Это все. После долгого осмотра в этом отделении я не обнаружила никаких загадочных отверстий или чего-то еще несоответствующего. Будем считать, что оно свободно от подозрений?

Проверив правую часть, я тоже ничего не обнаружила. Подергала за все резные детали. Понажимала на крышки обоих отделений, своими загнутыми краями имитирующие крышу пагоды. Поковыряла петли. Ничего.

Но брошь ведь была, вот она, лежит на столе! Значит, надо продолжать поиски.

В конце концов я все-таки нашла второй тайник. Боковая плашка возле центрального ящика, переходящая в изящную изогнутую ножку, слева состояла из двух кусков дерева, а справа явно была цельной. После нажатия на верхний уголок этой плашки, точно на маленькую перламутровую птичку, открылось потайное отделение, и в нем лежали три письма.

Разумеется, письма были написаны на латыни. Благодарение светлым богам и лично Гигее, я, медик, этот язык знаю неплохо. Конечно, медицинская лексика отличается от повседневной, но понять, что написано, я могу.

Старомодным почерком, коричневыми чернилами на слегка пожелтевшей и ломкой бумаге были написаны приветы и поздравления от некоего Ансельмо Виченте сестре Лауре. Ага, видимо, это брат нашей герцогини.

Поздравления со свадьбой, всякие пожелания, приветы от родных... В первом письме не было ничего такого, ради чего стоило бы беспокоиться давно покойной аристократке. Второе письмо, датированное 1793 годом, отличалось от первого весьма сильно: прошло два года после свадьбы, теперь брат рекомендовал Лауре немедленно разъехаться с мужем и обратиться в Совет судей за разводом, приводя в качестве причины его жестокость и явное безумие.

Прочитав третий документ, я поняла, почему все они были спрятаны. И еще порадовалась, что не успела никому рассказать ни об изменившемся портрете, ни о поисках, ни о находках. Третье письмо было написано практически сразу же после второго, через три дня, и было в нем вот что:

Дорогая сестра, я буду краток. Дуэль освободила тебя от жестокого тирана, но я должен бежать: у Джованьола много сторонников, и я окажусь в одной из камер Пьюмби, не успев моргнуть глазом. К сожалению, я не успеваю забрать те дневники, о которых говорил. Если тебе понадобится оружие против Клаудио Лоредано или его семьи, помни: никто из родственников убийцы не может занять выборную должность или войти в Совет. Эта информация уничтожит Лоредано. Ты найдешь записи в моей конторе в порту, в кабинете. Нажми на плитку под левым настенным светильником. Прощай.

Вот так.

Получается, бесследно пропавший Винченцо Лоредано не имел права становиться дожем...

Я посмотрела на часы: почти час дня. Еще немного, и церемонная синьора Пальдини пригласит меня к ланчу. Эти письма никому нельзя показывать: такие секреты очень быстро убивают своих владельцев, а у меня несколько другие планы. Положив все три письма на столик, я сделала снимок на коммуникатор и вновь убрала их в тайник. В конце концов, три листка бумаги пролежали в секретном отделении столика без малого четырехста лет, полежат и еще. Полюбовавшись еще раз на брошку-смородину, я вернула ее в коробочку и убрала в сейф, туда же, где лежали фамильные изумруды Хемилтонов и браслет рубинового стекла, так хорошо определяющий яды. Вот кстати: пожалуй, в ближайшее время мне лучше с этим браслетом не расставаться.

Я надела его на руку и почувствовала себя как-то спокойнее, даже не знаю почему.

К ланчу приехала Франческа вместе с Чинцией, своей кузиной, двадцатилетней дочерью уже знакомого мне Пьетро; девушка была, к счастью, мало похожа на отца, потому что тяжелая челюсть и резкие скулы вкупе с длинным носом мало идут юным леди. Дамы отправлялись на вернисаж модного живописца и звали меня с собой. Подумав, я согласилась, но поставила условием, что кофе мы выпьем у меня. И, как оказалось, не зря: вместе с кофе, печеньем и взбитыми сливками горничная принесла несколько писем, в том числе два приглашения. Я просмотрела оба и без слов протянула Франческе.

– Ну, прием в Ка’Торнабуони по случаю дня рождения главы клана пропускать нельзя, это понятно, – сказала она, читая второе приглашение. – А вот прием у Донато Брагадина... Тут надо все взвесить.

– Поясни? – попросила я.

– Ну, с одной стороны, Донато – один из нобилей, довольно сильный маг, представитель когда-то весьма уважаемой семьи. На последних выборах дожа, тридцать лет назад, он даже был соперником Винченцо Лоредано. Проиграл, правда.

– Это понятно, – кивнула я. – А с другой?

– А с другой – он просто подонок, – неожиданно резко ответила Чинция, нежный цветочек. – Я бы даже в воду не плюнула, если б он тонул.

– То есть на прием не ходить? – настаивала я.

– Не ходи, – сказала Чинция. – Пусть он к Темному провалится вместе со своими приемами. Он же рассчитывает, что ты про него ничего не знаешь и придешь. А на его приемах давно уже никто не бывает, кроме уж самой распоследней шушеры.

– Вот интересно, – повернулась к ней Франческа, – а откуда ты это знаешь, дорогая моя девица на выданье?

– Ой, да брось, Фран! Я ж не в монастырь заточена. Сесилия рассказывала... всякое. И кстати, категорически не советовала даже близко подходить к Ка'Брагадин. Так что от этого знакомства тоже есть польза!

– Ладно, посмотрим еще, что скажет Пьетро о твоих подругах... – сердито ответила Франческа.

Пока дамы препирались, я думала. Донато Брагадин был соперником Лоредано на выборах дожа. Да, это было тридцать лет назад, но что эти годы для мага, живущего несколько сот лет? Может ли быть, что Брагадин как-то связан с исчезновением дожа?

И почему, тьма вас возьми, меня все время будто подталкивают к этой загадке?

– Ну, хорошо, – прервала я спор Чинции с тетушкой. – Я поняла, что одно приглашение отправляется в корзину, а второе я принимаю. Что мне лучше надеть?

На вернисаж мы не пошли, о чем я нимало не пожалела: современное искусство не кажется мне интересным. Вместо осмотра «инсталляций из современных материалов», как было написано в проспекте выставки, дамы занялись инспекцией моего гардероба. Через час, вытащив все платья и заставив меня половину перемерить, они единодушно пришли к выводу, что ничто не годится для столь значимого приема и нужно срочно заказывать что-то новое.

Тут уже уперлась я.

– Вот это платье от Баленсиага сшито перед моим отъездом из Бостона! – Я вытащила вешалку с обманчиво простым платьем цвета топленого молока. – И если вы скажете, что Флавиа сошьет лучше, я пойду и съем сырую рыбу!

– Ну, вообще-то это платье может и подойти... – с сомнением изрекла моя подруга.

Ее племянница с жаром возразила:

– Нет, ты не права, Фран! Платье в самый раз для большого приема, просто нужно продумать, с чем его надеть.

– Сюда нужны золотистые топазы, – прищурившись, изрекла Франческа. – И какая-то яркая нотка, совсем небольшая. Найдешь, Нора?

– Поищу, – кивнула я, уже зная, что в качестве «яркой нотки» мне послужит найденная смородиновая брошь. Конечно, если не станет возражать герцогиня...

Дамы отправились по домам уже после ужина, проведя у меня почти весь день, а я пошла в кабинет и открыла почту. Раз уж пообещала Джузеппине рецепты из Нового Света, надо исполнять. Поковырявшись в Сети, я не нашла на эту тему ничего хотя бы сносного, и тут меня посетила разумная мысль.

Вообще, что-то очень уж часто стали ко мне наведываться мудрые мысли. Интересно, это нужно считать признаком старости или просто венецианский воздух так благотворно действует?

Да, так вот, разумная мысль, пришедшая ко мне, была такова: матушка вот уже двадцать лет пеняет мне, что я все время и силы отдаю работе и не занимаюсь домом. Отлично! Я решила заняться домом! Вот пусть и найдет мне десяток-другой прописей по каким-нибудь необыкновенным блюдам нашей страны. Я знаю свою матушку: если ей

обозначить цель, то все, не отошедшие в сторону с ее пути, будут просто растоптаны...

Уже в постели, почти засыпая, я подумала, что теперь мне не придется придумывать предлог для того, чтобы встретиться с Джан-Баттистой – ведь на празднике в честь дня рождения отца он уж точно будет? Значит, так и так через два дня мы встретимся...

Наутро появился Пьетро Контарини, вначале обозначившись звонком по коммуникатору, а потом и лично. Был он не в лучшем настроении, о причинах чего сразу же и рассказал мне, едва синьора Пальдини принесла кофе и закрыла за собой двери кабинета.

– Я нашел девицу, – выпалил мой гость. – Всех на ноги поднял. Но нашел.

– Ну, так это же хорошо?

– Да если бы! – воскликнул он с досадой. – Она в монастыре авеллинок, куда не допускают посторонних ни под каким предлогом.

– Хм... А если отправить письмо?

– Им запрещены любые контакты с внешним миром. Нора, простите меня, но у вас есть что-нибудь... покрепче кофе?

– Конечно! Келимас подойдет? Помнится, эту бутылку мы с вами начинали вместе... – Если Пьетро Контарини хочет успокоить нервы спиртным еще до полудня, то кто я такая, чтобы ему мешать?

Я достала из бара и разлила по двум пузатым бокалам ароматный напиток; не могу же я не составить гостю компанию. Пьетро отпил большой глоток, зажмурился, глотнул еще и вот теперь перевел дух.

– Дивный напиток! Ваши пациенты умеют быть благодарными, Нора, – сказал он, отставляя бокал. – Так вот, монастырь святой Авеллии находится в горах, километрах в сорока от деревни Фоллоне. Они живут почти исключительно плодами своего труда – огород, виноградник, пасека. Не употребляют мяса. Раз в месяц им привозят рыбу, муку, соль, в общем, то, что не вырастишь на территории монастыря; при этом все привезенное кладут в специальный ящик, выставленный за ворота. Дежурная послушница палкой с крюком протаскивает этот ящик, кладет в него деньги и выталкивает прочь. Как мне сказали, после этого ей положена суровая епитимья, неделя на хлебе и воде и ежедневные молитвы.

– С ума сойти! – я была искренне потрясена. – Неужели кто-то добровольно идет на такие... жуткие условия? Все-таки почитатели Единобожия, как мне кажется, чересчур суровы в своей вере...

– Да, на это идут, и именно добровольно. Еще каких-то пятьдесят лет назад в этом монастыре было более двух сотен монахинь и послушниц. Сейчас осталось пятьдесят шесть.

– Пьетро, я мало знаю о монастырских правилах... Есть же кто-то, кому должна подчиняться настоятельница монастыря?

– В принципе – да, есть. Архиепископ Венеции, Фриули и Альто-Адидже, монсеньор Паоло Гвискари, – мне показалось, или, называя имя, Пьетро скрипнул зубами?

– Как-то не услышала я в вашем голосе благоговения...

– Гвискари были противниками семьи Контарини еще тысячу лет назад. И с тех пор ничего не изменилось.

– Н-да, это может стать проблемой. Кажется, по правилам церкви Единобожия любой, уходящий от мира, должен отказаться и от своих семейных связей? – я задумчиво подлила в бокалы келимаса.

– Должен, конечно. Только вот в реальности это редко случается. И уж точно Паоло

Гвискари о своей семье не забыл.

– Понятно, – я встала и прошлась по кабинету, посмотрела в окно.

Мне ведь нет дела до вражды двух семейств нобилей. По большому счету, и до судьбы испорченного мальчишки Карло Контарини мне нет дела, и до юной женщины, запертой в холодных стенах монастыря навсегда, навечно... Повернувшись к Пьетро, я решительно сказала:

– Вот что... Медики стоят над религиями, семьями и пристрастиями. Узнайте, кто лечащий врач Гвискари, и я попробую найти козу, на которой к нему можно подъехать.

Проводив гостя, я решила прогуляться и посмотреть, где же были конторы мореходов и купцов четыреста лет назад? Я знаю, что дож Джованни Контарини, предшественник Лоредано, примерно лет сто пятьдесят назад построил новый торговый порт, пышно названный Воротами Венеции. Сюда и перенесли причалы, якорные стоянки, ремонтные доки, склады, пакгаузы и прочее, без чего не может жить один из самых крупных объектов морской торговли в Старом Свете. Понятно, что туда же переехали и конторы торговцев.

Для территории нового порта был насыпан отдельный остров западнее Санта-Кроче. Тут с названием не заморачивались, и размещался он на Isola Nuova – Новом Острове.

По акватории Nuova мы проплывали, когда мне показывали город с воды, и где это, я помню. А вот где был старый порт?

– Синьора Пальдини? – позвала я негромко, спускаясь вниз.

Из кухни выглянула Джузеппина.

– Простите, синьора, она вышла. В храм пошла, с дочкой у нее совсем плохо, вот и решила помолиться Великой Матери...

– Я не знала... а что случилось с ее дочерью?

– Да не говорила она, но вроде бы роды были неудачные. Ребеночек сразу умер, а у дочки вот горячка родовая, и никто помочь не может.

– Я вас поняла. Спасибо, Джузеппина. Пожалуйста, когда синьора Пальдини вернется, пусть зайдет ко мне в кабинет, – я пошла к лестнице, потом приостановилась и вернулась на кухню. – Джузеппина, вы ведь отсюда родом, из Серениссы?

– Да, синьора.

– Скажите мне, где был старый порт?

– Так за Кастелло, на Rimembranze! Там почти ничего и не осталось сейчас... хотели парк сделать, потом выставки какие-то, но так и не сделали.

– Спасибо, я поняла. Так я жду синьору Пальдини!

Вернувшись в кабинет, я открыла карту Венеции и нашла остров Rimembranze. Вроде бы добраться просто, думаю, на гондоле это займет минут пятнадцать – двадцать. Но я не уверена, что хочу показывать кому-то свой интерес к этому месту. А с другой стороны, Массимо ни разу не показал какой-либо заинтересованности в том, куда я иду и зачем. Он доставлял меня до нужной точки, надвигал шляпу на глаза, закутывался в плащ и спал.

Нет, пешком туда не дойти – от дома до Сан-Марко мне минут двадцать ходу, и потом еще пара миль по набережным... Да там посмотреть где что, да еще обратно. Не годится.

– Войдите! – откликнулась я на стук в дверь кабинета.

- Синьора, вы просили зайти? - в дверях появилась домоправительница, невозмутимая как всегда.

- Да, зайдите и присядьте, пожалуйста.

- Я постою, если можно, - она сложила руки под белоснежным фартуком.

- Синьора Пальдини, расскажите мне, что случилось с вашей дочерью?

Каменное лицо дрогнуло. Я слушала и в очередной раз возмущалась, про себя естественно, как можно быть настолько зашоренной?

- ...Раз так все случилось, значит, на то воля Великой Матери, никто не смеет идти против нее.

- Где она лежит? - прервала я рассказ домоправительницы о сегодняшней молитве.

- Дома, синьора, в госпиталь ее не взяли, сказали, что бесполезно.

Вот теперь она промокнула глаза фартуком и снова застыла неподвижно. Я взяла в руки коммуникатор.

- Пьетро? Да, я понимаю, что вы еще ничего не выяснили. У меня другой вопрос. Вы знаете того коновала, который руководит городским госпиталем?

- Госпиталем Заниполо? Ну конечно. У вас что-то случилось?

- Да, - знаком руки я остановила синьору Пальдини, попытавшуюся броситься на колени. - У моей домоправительницы очень плоха дочь. Послеродовые осложнения. Так называемый врач из госпиталя Заниполо отказал в госпитализации на прекрасном основании, что это якобы бесполезно.

- Нора, я немедленно отправлю к ней санитарный катер, говорите адрес! - голос Пьетро звучал и в самом деле встревоженно.

- Да уж, пожалуйста. И предупредите на всякий случай их главврача, что, если женщине не помогут, я лично положу все свои силы на то, чтобы его выкинуть из профессии. Пусть улицы подметать идет!

Я отдала синьоре Пальдини коммуникатор, чтобы она продиктовала адрес, а сама села в кресло и сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Да тьма вас побери, даже для отказа от пластической операции нужны объективные показания! Нет, я лопну, но этот мерзавец, посмеявшийся произнести слово «бесполезно» в приемном покое, точно даже в морг санитаром не устроится. Я прослежу.

Домоправительница вернула мне коммуникатор и спросила, перебирая пальцами оборки фартука.

- Я... могу идти, синьора?

- Вы можете бежать! К дочери, синьора Пальдини, бегите к дочери и не возвращайтесь, пока кризис не минует. Думаю, мы с Джузеппиной и девочками управимся как-нибудь сами...

Отправив экономку на гондоле просто для скорости, я еще некоторое время пыхтела, словно перегретый чайник, пока меня не привел в относительное равновесие обед: ризотто с мидиями и телячьи рулетики с кремонской горчицей. На свое счастье, дотторе Травески, главный врач госпиталя Заниполо, позвонил мне именно в тот момент, когда я допила последний глоток кофе.

Представившись, он заговорил так быстро, да еще и перескакивая со всеобщего на латинский, что я не могла понять и половины сказанного. Наконец у меня зазвенело в правом ухе. Я переложила коммуникатор к левому и сказала:

- Стоп, синьор Травески!

- Э-э-э... дотторе Травески, простите, синьора, – посмел он меня поправить.

- Ну, если на то пошло, то будьте любезны обращаться ко мне профессор Хемилтон-Дайер! Это понятно? – на том конце линии сопели и молчали. – Так вот, если вы хотите извиниться за вашего бывшего сотрудника, посмевшего употребить слово «бесполезно» в разговоре с матерью пациентки, даже им не виденной, то я готова выслушать оправдания. Если хотите рассказать мне о состоянии женщины, я могу вас послушать. Прочее меня не интересует.

- Синьора профессор, у меня не хватает врачей! Он просто устал после ночной смены! Я сам работал сутки и еще не успел посмотреть пациентку!

- Вы меня услышали, синьор дотторе. До свидания!

Я раздраженно отключила коммуникатор. Этот поганец нашел время и силы, чтобы добыть мой номер коммуникатора и позвонить. А на пациентку у него сил не хватило!

К Темному! Не буду ждать возвращения Массимо. Возьму водное такси и отправлюсь в старый порт сама.

Остров Rimembranze, или остров Воспоминаний в переводе на всеобщий, длинным языком выдавался в воды лагуны, словно стремясь дотянуться до Лидо; на конце этого языка, словно типун, виднелась слегка осыпавшаяся башня старого маяка. Все причалы и постройки этого некогда грандиозного сооружения располагались на противоположной от лагуны стороне, с видом на Isola La Certosa.

Катер водного такси подошел к причалу, водитель помог мне выйти и спросил, оглядываясь:

- Вы надолго сюда, синьора?

- Подождите меня полчаса, я думаю, мне хватит этого времени, чтобы осмотреться, – ответила я, отдавая ему оговоренные шесть с половиной дукатов.

Пожав плечами, он устроился удобнее на своем сиденье и включил погромче музыку, доносившуюся из небольшого кристалла – музыкального амулета. Я сделала шаг вперед и осмотрелась.

Четыре длинных мола, выложенных каменными плитами, отходили от берега; причальные столбы, почерневшие от времени, все еще крепко стояли на месте. Метрах в десяти от края набережной стояло длинное двухэтажное здание, ничуть не похожее на привычный уже стиль дворцов Гранд-канала – никаких стрельчатых окон, асимметрии, колонн, ничего лишнего. Только шесть дверей, равномерно расставленных по фасаду, слегка оживляли его вид. Пожалуй, более суровый критик назвал бы это здание унылым баракком, выкрашенным в грязно-желтый цвет. Левее располагались несколько отдельных домиков поменьше, тоже не большой красоты. Куда вел проход между ними, мне видно не было. Шагнув вперед, я оглянулась на свой белый с синей полосой катер: водитель дремал, свесив голову на грудь. Ладно, ничего страшного тут нет: пусто и заброшенно, вот и все.

Все двери в желтом бараке были одинаковыми, никаких табличек не сохранилось. Подергав за ручку одной из них, я убедилась, что заперты они на совесть. Ну и как искать здесь бывшую контору купца Ансельмо Виченте?

Проход между зданиями вывел меня на небольшую площадь с традиционным колодцем в центре и церковью в глубине. На доме справа сохранилась вывеска: «Trattoria Serena». Порыв ветра вдруг покачнул вывеску, проржавевшие петли заскрипели; я передернулась.

- Синьора! – раздался голос из переулочка рядом с церковью. – Синьора, минутку!

Оттуда показался высокий старик в длинном сером плаще и шляпе с мягкими полями, прихрамывающий и опирающийся на трость. Я подождала, пока он подойдет поближе, и поздоровалась.

– Прошу простить, синьора, что вы здесь делаете? – спросил хромой... нет, пожалуй, стариком он не был. Лет сорок пять, судя по вьевшемуся загару – бывший моряк.

– Осматриваюсь, – честно ответила я.

– Извините, но вообще здесь закрытая зона. Небезопасно, – серые глаза из-под нависших бровей смотрели неприветливо.

– Ну, никаких запрещающих надписей нет, так что упрек не мне адресован.

– Так все-таки что вы здесь делаете?

Видимо, на меня набрел местный сторож. Если кто-то знает, где здесь что, так это он, подумала я, и решила, что вполне могу сказать правду.

– Я ищу дом, где в 1788 году была контора Ансельмо Виченте.

– Зачем? – вытаращился на меня хромой. – Капитана Виченте нет на свете уже почти четыре сотни лет!

Ага, значит, капитана, а не купца. И все-таки располагался он здесь, иначе откуда бы этот почти призрак знал фамилию Виченте?

– Мне принадлежит теперь Ка'Виченте, и история семьи меня заинтересовала, – пожала я плечами. – Так что, покажете мне, где он располагался?

– Нет, – неуступчиво ответил сторож и покрепче ухватился за трость. А трость-то у него непростая: черный лак, серебряная ручка в форме собачьей головы, какие-то значки золотятся на черном фоне.

– Почему?

– Не положено. Придете с разрешением от старшины Торговой палаты, тогда милости просим.

Я отвернулась с равнодушным видом, хотя внутри все пело: здесь, здесь надо искать!

К счастью, белый катер с синей полосой все так же покачивался возле причального столбика. Сказав таксисту отвезти меня к госпиталю, я откинулась на спинку диванчика и задумалась: кто такой старшина Торговой палаты, с чем его едят и кому он подчиняется?

В госпитале, к моей радости, все было хорошо: женщину привезли, сделали срочные анализы, и рядом с ней уже был маг-медик, постепенно очищающий кровь и сумевший снизить температуру до приемлемой. Синьора Пальдини сидела возле кровати и держала дочь за руку.

Я предупредила ее, что пока забираю Массимо вместе с лодкой, и отправилась домой, к компьютеру. Меня ждал очередной поиск в Сети: пришло сообщение от Пьетро, что личным врачом монсеньора Паоло Гвискари является доктор Руджеро Молоне из Университета Вероны. У меня нет там знакомых, но медицинский мир весьма тесен. Уверена, выяснится постепенно, что кто-то из моих коллег с доктором Молоне знаком, вместе работал, а то и соавторствовал.

Правда, может оказаться и так, что у них семейная вражда вот уже тыщу лет и они не здороваются даже на заседании какого-нибудь общего комитета...

Архиепископ Венеции, Фриули и Альто-Адидже, монсиньор Паоло Гвискари хохотал. Его обширное чрево, обтянутое фиолетовым шелком, колыхалось, он утирал слезы белоснежным батистовым платком и снова начинал хохотать.

Ну, честное слово, если бы я знала, что таким успехом будет пользоваться анекдот про монашек, одна из которых увлекается логикой, а вторая математикой, я бы еще пару-

тройку аналогичных историй нашла и запомнила!

Наконец монсеньор отхохотался и сказал:

– Я знал, что наша встреча меня порадует, но не думал, что настолько! Итак, синьора Хемилтон-Дайер, расскажите же, зачем вам понадобился скромный пастырь?

Ну, насчет его скромности многое можно было бы сказать, только взглянув на упомянутое уже чрево, роскошную рясу тонкого шелка, кубки из рубинового стекла с острова Мурано... Кстати, уж не родственники ли эти кубки моему браслету? Задумавшись, я задала этот вопрос моему собеседнику.

– А можно взглянуть на ваш браслет?

– Конечно! С некоторых пор я ношу его не снимая...

Гвискари нацепил на нос изящное пенсне в золотой оправе и внимательно осмотрел браслет. Потом снял пенсне, потер переносицу и поглядел на меня внимательно и без всякой улыбки.

– Вы говорите, просто купили его в магазине при фабрике?

– Да, монсиньор! Правда, он не лежал в витрине. Мастер Вельди достал его из ящика...

– Эти вещички не так просты, как может показаться с первого взгляда, – проговорил он, поглаживая кончиками пальцев свой кубок. – И, если одна из них уже решила попасть к вам в руки, лучше и не сопротивляться.

– Я и не сопротивлялась...

Мы помолчали, думая каждый о своем, наконец я нарушила тишину.

– Монсиньор, в горах возле деревни Фоллоне есть монастырь святой Авеллии.

– Есть, да.

– Мне необходимо поговорить с одной из монахинь, а может быть, и вытащить ее оттуда.

– Однако, – Гвискари откинулся в кресле. – Вы не мелочитесь, синьора.

– Мне не к лицу и не по летам заниматься мелочами, – улыбнулась я. – От этой девушки зависит успех операции и жизнь пациента. Со своей стороны я готова любым доступным мне способом... э-э-э... возместить потери церкви. Скажем, щедрый взнос на строительство храма?

– Вы ведь не из нашей паствы?

– Нет, монсиньор. Моя семья исповедует веру в Пятерых.

– Да-да. Новый Свет, Бритвальд... Понимаю, – он вздохнул. – Вы выбрали монастырь с самым строгим уставом. Послушница из обители попроще не подойдет? Шучу, шучу!

Архиепископ встал, подошел к книжному шкафу, провел пальцами по золоченым корешкам, потом выдернул книгу, раскрыл на закладке и прочел вслух:

– «Добродетели ума суть следующие: правая вера, знание, благоразумие, смирение, непрестанная в сердце память о Боге, память о смерти, чистые помыслы, удаленные от житейских и суетных вещей мира, как то: разнообразной пищи и питания, стяжаний, бесполезных связей с людьми и подобного сему, чем оскверняется душа безмолвствующаго». – Захлопнув том, он пояснил: – Это «Митерикон», послания аввы Исайи блаженной Федоре. Так вы хотите лишить послушницу всех этих чистых помыслов и возобновить ее «бесполезные связи с людьми»?

Глаза его теперь вовсе не улыбались, а были холодны и почти суровы. Столь же сухим и холодным тоном я процитировала в ответ:

– «Владыка всяческих, человеколюбивый Бог, всегда дает человеческому роду

действительные средства к познанию будущего и, желая, чтобы каждый преуспевал, восходя к совершенству, вразумляет нас мановениями Своей благости, постоянно привлекая к добру созданного по образу Его человека». Это из наставлений преподобного Ефрема Сирина. Вы хотите лишить молодую женщину этого вот привлечения к добру и спасения ближнего?

Гвискари расхохотался, вновь превращаясь в добродушного и веселого толстяка.

– Синьора профессор, я восхищен! – он позвонил в колокольчик, и на пороге немедленно появился сухопарый монах в серой рясе, подпоясанный веревкой. – Серджо, дорогой мой, свяжи меня с матерью Прокопией, и поскорее. Как зовут вашу протеже?

– Беатриче. Ее зовут Беатриче Каталани, – ответила я.

Глава 4. Moretta

Удивительно, насколько эффективно работают службы церкви Единого, когда хотят.

Закатные лучи еще не позолотили окна моей гостиной, когда в дверях появилась синьора Пальдини и сказала:

– Синьора, возле дверей лодка. И, мне кажется, вам лучше спуститься.

Возле водного подъезда Ка'Виченте действительно покачивалась на волнах лодка – длинная, цвета охры, с довольно большой кабиной. Окна кабины были закрыты занавесками того же золотистого цвета, а на носу трепетал фиолетовый флажок со знаком Единого: двумя рыбками, будто нарисованными детской рукой. Личный транспорт архиепископа, надо полагать.

Из лодки ловко выпрыгнул уже знакомый мне секретарь в серой рясе, открыл дверцу и помог перебраться через борт хрупкой фигурке, закутанной в коричневый плащ.

– Синьора Хемилтон-Дайер, – он слегка обозначил поклон. – Монсиньор просил передать вам всяческое благоволение.

– Благодарю вас, – я столь же церемонно склонила голову.

Мужчина вернулся на борт, и лодка мгновенно сорвалась с места, оставив за собой длинный пенный след. Я повернулась к девушке.

– Беатриче, я полагаю? – она кивнула, не поднимая глаз. – Пойдемте, что-то похолодало. В доме будет теплее. Синьора Пальдини, попросите, пожалуйста, Джузеппину сделать нам кофе... Или чаю? В общем, чего-нибудь горячего. И по-моему, из кухни пахло булочками с кремом.

Домоправительница присела в реверансе и исчезла за дверью кухни, а я пошла к лестнице. Девушка не последовала за мной: она стояла посреди холла, на мраморном полу, выложенном в шахматном порядке темными и белыми клетками, и с восторгом осматривала сверкающие зеркала, золоченые подсвечники в рост человека, хрустальные подвески люстр. Я вспомнила, как сама приехала сюда в первый раз – месяц прошел, а кажется, я живу в этом доме всегда...

– Пойдемте, Беатриче, – я мягко взяла ее за руку. – Мне хотелось бы, чтобы вы посмотрели вашу комнату.

Девушка посмотрела на меня. Глаза у нее были серо-голубые, огромные на осунувшемся личике. Да что их там, вовсе не кормили, что ли?

– Вы здесь живете, синьора?

– Да.

– И зачем здесь я? – голос ее был твердым; кажется, у девочки есть характер. Это хорошо.

– Я все расскажу за чашкой кофе. Если вам что-то не понравится, вы всегда сможете вернуться в монастырь.

– Вот уж туда я точно не вернусь! – ее передернуло.

– И об этом тоже расскажете.

За кофе и булочками Беатриче слегка оттаяла, и я наконец решилась спросить:

– Ну как, вы готовы поговорить?

– Да, синьора, – ответила она, опустив глаза и сложив руки на коленях.

– Для начала – меня зовут Нора Хемилтон-Дайер. Вы можете называть меня по имени, если хотите. Я медик, хирург, но вообще сейчас в длительном отпуске. Мне

понадобилась ваша помощь, поэтому я и обратилась к монсеньору Гвискари с просьбой доставить вас сюда из монастыря.

- Синьора... Нора... я ничего не понимаю в медицине! Как же я смогу помочь?

- Я все расскажу. А пока, Беатриче, расскажите мне, как вы попали в монастырь?

- Но дело в том, синьора, что я этого не помню! - девушка посмотрела на меня. Сейчас, когда гадкий коричневый плащ был оставлен в гардеробной, на ней было серо-голубое платье и белый платок послушницы монастыря. Среди ярких красок моей гостиной глаза ее тоже стали ярче и засияли голубым.

- Как это - не помните?

- Мой брат... У меня есть брат, Гвидо. Он учится у синьора Гвискальди, мага.

- Почему не в университете?

- Так получилось, - она снова опустила глаза. - Из университета он ушел, его там... не понимали, не давали тренироваться. А он говорил, что для мага самое важное - тренировки. Поэтому он стал учиться у наставника, частным образом.

- Понятно. Так при чем тут ваш брат?

- Ну, я... - она опустила глаза и стала дергать за ниточку, торчащую из белоснежной манжеты. Потом снова взглянула на меня. - У меня был возлюбленный, Карло. И однажды он... остался у меня. На ночь, понимаете? Брата не должно было быть в городе, но утром он вдруг ворвался в мою комнату и увидел... нас с Карло. Дальше были крики, шум, Карло вскочил с постели, потянулся за одеждой. Тут Гвидо рассмеялся... и все, больше я не помню ничего. Я пришла в себя от пощечины матери Прокопии, уже в монастыре.

- Вот как... - Я покачала головой. - В следующий раз надо покрепче запирайте двери, дорогая Беатриче!

- Какой следующий раз, синьора! Неужели вы думаете, настоятельница выпустит меня из-под своего надзора?

- Ну, вы же здесь, не так ли? И это значит, что ни мать Прокопия, ни прочие... гарпии из монастыря авеллинок больше над вами власти не имеют. У меня есть для вас новости и информация, - я прищелкнула языком. - В основном, новости неприятные. Готовы вы их выслушать или хотите вначале отдохнуть?

- Знаете, если я должна узнать что-то скверное, так лучше поскорее.

- Понятно. Итак, Гвидо, по всей вероятности, усыпил вас и отвез в монастырь. Не знаю, хотел ли он вас забрать оттуда через какое-то время или был настолько зол, чтобы оставить навсегда, это уже неважно. Мы не знали имени его учителя, поэтому никак не могли выяснить подробности произошедшего. Все, что нам известно, - он умер, настав на вашего Карло посмертное проклятие.

- Карло... умер?

- Нет, он жив, но выглядит он теперь вот так.

Я развернула к Беатриче коммуникатор с картинкой: серебряная маска Volto, под ней живые карие глаза.

- Ох! - девушка побледнела. - И он целый год живет вот так?

Интересно, о брате она не спрашивала ничего. Что-то подсказывает мне, что их отношения вовсе не были безоблачными. Впрочем, это можно было понять хотя бы по тому, что монастырь он для сестры выбрал самый людоедский...

- Да. Меня попросили прооперировать его, убрать эту маску. Но без снятия проклятия можно даже не пытаться начинать операцию. Снять посмертное проклятие можно лишь с помощью кровного родственника мага, наложившего заклинание.

– Я понимаю, – глаза Беатриче горели решимостью. – Все, что от меня зависит...

Она пристукнула по колену кулачком. Кулачок был небольшой, но вполне убедительный. Ой, кажется, все семейство Контарини ждут еще немалые сюрпризы!

– Пойдемте, – я встала. – Я покажу вам вашу спальню. И вот еще что... вы, наверное, захотите переодеться?

Девушка осмотрела свой монастырский наряд, потом кивнула:

– Да уж, хотелось бы.

– Мои джинсы вам, боюсь, не подойдут, но у меня есть отличная юбка с запахом. Ванная комната вот здесь, – я распахнула дверь, – по-моему, все шампуни и прочее на месте. Отдохните, полежите в ванне, через часа полтора поужинаем, а завтра будем начинать новую жизнь.

– Ванна, с ума сойти! И горячая вода... Знаете, Нора, – она повернулась ко мне, – там, в монастыре, горячей воды не было. Совсем. Даже зимой мы мылись холодной. И как-то раз, в начале января, когда был особенно сильный мороз, я попросила на кухне горячей воды из чайника.

– И как, дали?

– О нет, сестра Казимира нажаловалась настоятельнице, и меня отправили в карцер. Неотапливаемый. Я думала, что я там замерзну насмерть и все кончится. Меня спасло воспоминание о Карло, мы с ним однажды дурачились и влезли вместе в ванну. Залили все вокруг, конечно...

Неожиданно она шмыгнула носом и оглушительно чихнула. Мы обе рассмеялись, после чего я решительным жестом подтолкнула ее к двери ванной комнаты.

– Юбку и все прочее я принесу и положу на кровать, халат там есть. Когда Джузеппина позовет ужинать, я за вами зайду.

Вернувшись в кабинет, я взяла коммуникатор и набрала номер Пьетро. Он откликнулся сразу, будто ждал этого звонка.

– Нора? Вы с новостями?

– Да, и с хорошими. Девушка у меня, и она согласна участвовать в ритуале снятия проклятия.

– Великолепно!

– Скажите мне, Пьетро, завтрашний прием в Ка'Торнабуони – туда нужно приходить в маске?

– Как пожелаете, – ответил он несколько удивленно. – В приглашении это не оговаривается, значит, на ваше усмотрение. А что? Погодите, вы хотите взять с собой эту... Беатриче?

– Да. Почему бы нет?

– Но она никому не известна!

– Бросьте, дорогой мой! Месяц назад и меня здесь в Венеции никто не знал, кроме двух-трех специалистов. В конце концов, скажем, что это моя родственница.

– Лучше – воспитанница, – мой собеседник хмыкнул. – Это интересный ход.

– Я-то думаю не о ходах, а о том, что девушке после года практически тюремного заключения нужно радоваться! – сердито ответила я.

– Ну, не гневайтесь, прошу вас! – теперь Пьетро улыбался. – И знаете что? Ей нужно

будет надеть специальную маску, moretta. В былые времена их делали без завязок, со шпёнком внутри, который синьора держала зубами.

– Но это же не дает разговаривать!

– Вот именно, дорогая Нора, вот именно!

– Я не видела в городе таких масок...

– О, их теперь делают лишь на заказ! Я пришлю вам одну из своих. И не волнуйтесь, Беатриче не придется молчать весь вечер: уже давно moretta крепят на специальном клее, активируемом магически.

– Ну, хорошо, я посмотрю...

– Завтра утром маска будет у вас!

Мы дружески распрощались, и я переключилась на Франческу. Подруга моя ответила не сразу и была изрядно запыхавшейся.

– Прости, Нора, я спорила с Марией – девчонка после отравления наотрез отказывается от уроков по магии металла и огня и требует обучения целительству! Может, ты ее сумеешь убедить?

– Конечно, я с ней поговорю...

– Прекрасно! А чего ты хотела?

Мы договорились, что Чинция привезет утром несколько своих платьев, чтобы можно было подобрать что-то для Беатриче на вечер, и распрощались. Меня и мою гостью ждал ужин, очередной шедевр драгоценной Джузеппины.

Перед сном я решила просмотреть внимательнее информацию по снятию проклятия. Конечно, это будут делать маги клана Контарини, но мне не хотелось бы стоять столбом, ничего не понимая. Я так не умею. Итак, что же пишет о посмертных проклятиях почтенная старушка, профессор Лавиния Редфилд?

«Для мага, способного увидеть ауру любого разумного, посмертное проклятие легко различить в том случае, если он настроил послышное зрение. Проклятие видно как клубок черных, темно-коричневых или темно-фиолетовых лент, имеющий четкую локализацию в зависимости от вербальной составляющей проклятия. В случае, если использовалась формула Генца-Крамера, клубок располагается в затылочной зоне и воздействует в первую очередь на зрение, затем на логическое мышление и далее на все функции мозга в целом. Если же маг, решившийся на посмертное проклятие, произносит формулу Айзенштайна, то клубок обнаруживается в районе сердца; такое проклятие действует медленнее, но при этом затрагивает все сферы жизни и снимается существенно труднее.

Что же представляет собой эта лента?

Лента, а точнее ленты, образующие клубок, представляют собой матрицы, на которых записана последовательность событий, определяющих процесс реализации проклятия. Для снятия проклятия необходимо четко соблюдать алгоритм действий, что не всегда бывает просто. Собственно, начинать нужно с поиска кончика этих лент. Как правило, они сначала скручиваются в спираль, а уж затем в клубок. Теоретически это упрощает дело, поскольку концы лент находятся рядом, но это только теоретически. Практически, найдя один кончик, на поиск второго можно потратить всю свою жизнь, ну, или остатки жизни проклятого. Спирализованные ленты, смотанные в клубки, занимают очень мало места, что не способствует легкому поиску концов. Если оба конца удалось найти и прихватить, начинают процесс раскручивания, то есть ленты сматываются с клубка и раскручиваются из спирали в две параллельные линейные цепочки. Только теперь можно считать с них информацию и начать нейтрализовать собственно проклятие. Тут применяются различные методы. Кто-то предпочитает стирать информацию и после затирки просто отпускает ленты. Они тут же скручиваются обратно в клубок, но

преобладающим цветом в нем становится уже светло-серый. Это служит признаком нейтрализации проклятия. Другие маги после затирки рвут ленты на мелкие кусочки, что, на мой взгляд, не очень эстетично, так как при изучении и рассматривании ауры «обрывки» отчетливо видны в течение долгого времени (до пяти лет). Кроме того, не всегда возможно в принципе различить, является ли конкретный небольшой объект фрагментом нейтрализованного проклятия, или это следы повреждения ауры, вызванного иными магическими, механическими или другими воздействиями. При выборе метода снятия проклятия следует учитывать также, что первый способ очень трудоемкий: ленты отпускать нельзя, пока не будет полностью закончена очистка. Нужно также помнить, что в этом случае необходимо, чтобы в процессе воздействия принимали участие не менее двух магов в ранге магистра и выше. Второй метод существенно проще, так как по мере очистки матрицы «кончик ленты» можно отрывать, не разматывая весь клубок.

Как удалось выяснить (результаты лабораторных экспериментов см. в Приложении 2), при создании матрицы посмертного проклятия маг использует часть своей силы, как магической, так и жизненной. Расход этот невосстановим, поэтому проклинаящий лишается любого вида посмертия, и призвать его дух для снятия проклятия невозможно.

Таким образом, при рассмотрении вопроса о призвании духов...»

Ну вот, здрасте... Самое главное автор и не написала, саму технику снятия проклятия, разматывание клубка. Как это сделать?

Я задумчиво поскребла ногтем обложку «Ежегодника Магической академии Лютеции». А собственно, что я теряю? Десять вечера, для звонка время вполне приличное, можно попробовать ее найти.

Первая же попытка увенчалась успехом. Я набрала на коммуникаторе общий телефон академии – гудок, второй, третий... наконец запыхавшийся юношеский голос произнес:

– Приемная, слушаю вас!

Представившись, я попросила передать профессору Редфилд номер моего коммуникатора. Будем надеяться, что старая дама достаточно быстро откликнется...

Не прошло и десяти минут, как мой аппарат засигналил.

Беру назад все свои слова насчет старушки и прочего: появившаяся на экране женщина была какой угодно – мудрой, опытной, смертельно опасной, но назвать ее старой я не могла бы. Даже с точки зрения косметолога.

– Добрый вечер, госпожа Хемилтон-Дайер!

– Добрый вечер, госпожа Редфилд! – невольно я скопировала интонацию собеседницы. – Прошу прощения, что побеспокоила вас в позднее время...

– Ничего страшного, – мягко улыбнулась она. – Я не так давно вернулась домой, но уже успела перекусить. Все в порядке. Итак, чем я могу быть вам полезна? Вроде бы в сфере хирургической косметологии мои разработки пока не применялись!

– Я прочла вашу статью в «Ежегоднике», – для убедительности я приподняла том, – и меня крайне заинтересовали ваши разработки по проклятиям.

– Хм... Подробнее рассказать можете?

Не называя никаких имен, я описала ситуацию и сразу же отправила электронной почтой снимок маски. Госпожа Редфилд выслушала меня внимательно, задумчиво постукала ногтями по краю стола и поинтересовалась:

– А когда предполагается, так сказать, первая часть операции?

– Вы имеете в виду, работу с проклятием?

– Да.

- Не знаю, думаю, дня через два-три.

- Пожалуй, я хочу присутствовать. Минуту, я взгляну в рабочий календарь... - она какое-то время перелистывала записи, потом подняла на меня взгляд. - Ближайшие три дня у меня забиты под завязку, а вот среду и четверг я могу освободить. Вы сможете открыть мне портал от Медиоланума?

- Увы, - я развела руками. - Портальная магия мне не по силам.

- Ну, неважно. Я свяжусь с Джан-Марко...

- Торнабуони?

- Да, он мой ученик.

- Я завтра увижу его на балу в честь юбилея главы клана.

- Вот как? Интересно... а мне ведь тоже приходило приглашение... - госпожа Редфилд порывалась на столе, потом с досадой отбросила какие-то конверты. - Опять Марджори навела порядок в бумагах, ничего не найдешь! Ладно, неважно. Все равно завтра я не могу... Хорошо, договорились. В понедельник свяжемся и решим все окончательно!

Экран погас, и я озадаченно потерла лоб. Может, напрасно я выпустила из бутылки этого джинна?

Наутро Чинция прибыла с платьями для бала ни свет ни заря, в девять утра. Впрочем, Беатриче, как оказалось, уже давно проснулась и сидела на кухне, разговаривая с Джузеппиной.

- Доброе утро! - радостно улыбнулась она, вскочив из-за стола. - Я так привыкла в монастыре вставать с рассветом, что просто не могла больше спать! Услышала вот, что синьора Джузеппина уже встала, и пришла ей помочь.

- Во-первых, просто Джузеппина, можешь называть меня тетей, раз уж я была знакома с твоей бедной матушкой, - кухарка ловко поставила на поднос чашки с капучино, блюдо с булочками, масло и джем. - Во-вторых, если на моей кухне понадобятся помощники, я об этом скажу. А теперь беги отсюда наверх, девочка, и госпожу с собой захвати. Поднос я принесу.

- Джузеппина, добавьте, пожалуйста, еще чашку для Чинции. Беатриче, пойдемте, она привезла вам платья для сегодняшнего бала.

- Бала? - девушка затормозила так резко, что я чуть не врезалась ей в спину. - Но я не могу... мне нельзя... Я же послушница, почти монахиня!

- В одной старинной сказке фея говорила, что очень вредно не ездить на балы, когда этого заслуживаешь, - я взяла ее за руку и потянула за собой к лестнице. - На мой взгляд, за год такого пребывания в монастыре, как вы описали мне, вам положено как минимум пятьдесят два бала.

- Пятьдесят два?

- Да-да, за каждую неделю года, - кивнула я, а про себя добавила: это я еще не считаю того, что твой братец попросту продал тебя в рабство этой «настоятельнице». И очень интересно, что ему за это пообещали?

- Но...

- В конце концов, если уж так необходимо, я получу для вас разрешение на светскую жизнь лично от архиепископа! Нужно?

- Нет, наверное... - пробормотала Беатриче и надолго задумалась.

Чинция уже нетерпеливо мерила шагами будуар. Когда открылась дверь, она резко повернулась, внимательно осмотрела Беатриче и воскликнула:

- Отлично! Мои платья должны подойти, только нужно будет чуть убрать длину! Я привезла желтое и голубое, которое прекрасно пойдет к твоим глазам, а также вот это, бледно-розовое с серебряной вышивкой. Но вышитое, мне кажется, больше пойдет для бала на Перелом года. Хотя все равно надо мерить. С какого начнем?

- Тише, дорогая, ты собьешь нашу гостью с ног таким напором! - рассмеялась я. - Беатриче, выбирайте, с какого начнем?

Девушка робко погладила шелк голубого платья, потом посмотрела на меня:

- Синьора, очень вас прошу, называйте меня на ты. А то я себя неловко чувствую...

- Хорошо, договорились.

Беатриче померила голубое платье, потом желтое, потом все-таки серебристо-розовое. Через полчаса обе девушки раскраснелись и трещали уже совершенно одинаково, пересыпая речь местными словечками и каким-то молодежным сленгом. В конце концов остановились на голубом платье. Беатриче вновь надела его, а Чинция с торжественным видом достала из коробки, обтянутой белым шелком, черную бархатную маску.

- Моретта, синьоры! - торжественно провозгласила она.

- Это... для меня? - запнувшись, спросила Беатриче.

- Да. Если ты не возражаешь, конечно, - кивнула я.

- Нет-нет, это прекрасная идея! Только... там же должен быть такой шпенек, за который держат зубами? И получается, ни разговаривать, ни есть, ни пить невозможно.

- Ну, это моретта, так сказать, усовершенствованная. Есть и пить ты и в самом деле не сможешь, пока будешь в ней, ну, если уж очень проголодаешься, можно будет снять. А крепится она вот так...

Чинция ловко приложила маску к лицу Беатриче и сказала:

- Er anta!

Та ойкнула, потрогала маску и бросилась к зеркалу. Да, моретта шла ей чрезвычайно, подчеркивая рыжевато-золотистые кудри и белоснежную кожу.

- Замечательно! Спасибо вам! А как снимать?

- Ataltane er! - И маска осталась в руках девушки.

- Ну, хорошо, - сказала я, когда обе юные синьоры наконец-то успокоились, - а теперь, может быть, ты расскажешь нам, чего ты боялась?

- Расскажу, - кивнула Беатриче. - Дело в том, что незадолго до... до того, как все случилось, меня остановил на улице пожилой синьор. Он долго что-то говорил о моей красоте, что у него была почти такая же дочка, а потом сказал, что его господин, очень высокопоставленный, один из нобилей, хотел бы... встретиться со мной.

- В интимной обстановке, надо полагать, - хмыкнула я.

- Ну, конечно, - согласилась девушка.

Уши ее горели, но она смотрела прямо и голову больше не опускала.

- И что было дальше? - Чинция наклонилась вперед и сжала руки, так что косточки побелели.

- Я засмеялась и пошла дальше, а он меня догнал и сунул в руку бумажку с номером коммуникатора. Сказал, что я не пожалею, если соглашусь, и что его господин очень во мне заинтересован.

– А ты?

Беатриче пожала плечами:

– Разорвала листок и ушла. Но дело в том, что я заметила причалившую гондолу с закрытыми занавесками. Кто в ней сидел, я не видела, но старик, как мне показалось, пошел к этому причалу. И на подушках был вышит герб, сокол на правом синем поле, в левом белом – оливковая ветвь...

– Сокол, значит... – лицо Чинции заострилось. – Хотите, дамы, я вас повеселю? Однажды я получила аналогичное предложение. Практически слово в слово. Только мне тогда было всего пятнадцать...

Беатриче взяла ее за руку и сочувственно сжала.

– Ужас какой, – сказала она. – Мне все-таки было уже двадцать, и я росла среди мальчишек, умею за себя постоять.

– Да, а я в пятнадцать лет отлично знала все формулы алхимического превращения металлов, водяной плетью могла бы, наверное, слона убить, а такого вот старого развратника испугалась.

– И что ты сделала?

– Пошла к дяде и все ему рассказала. Я не сказала, это было на ежегодном праздничном обеде в Ка'Контарини, а на этот обед приглашают только нобилей. Поэтому мне кажется, что истории наши про одного и того же человека. Вот только герб такой мне незнаком, он не венецианский... – Чинция протяжно выдохнула, встряхнула головой и улыбнулась. – На следующий день я уехала учиться в Медиоланум, в магическую школу-интернат. Там было, конечно, довольно строго, но здорово.

– И кто был этот... нобиль, удалось выяснить? – поинтересовалась я.

– Не спрашивала. Тогда не спрашивала, а вот сейчас непременно спрошу.

– Погоди минуту, – я позвонила в колокольчик и попросила синьору Пальдини принести нам по бокалу охлажденного белого вина. Ну и что, что нет еще полудня? Кажется, нам всем нужно остыть.

Вино было нужной температуры, несколько кусочков острой горгонцолы с медом окончательно подняли мне настроение, и, отставив бокал, я предложила:

– Давайте так, дорогие мои: вечером мы все при любых обстоятельствах увидимся с Пьетро. Вот и обсудим с ним и эту историю, и все прочие вопросы. А сейчас, я думаю, тебе, Беатриче, предстоит встреча с маникюршей, косметологом и прочими кудесницами.

– А зачем мне косметолог, если я буду в маске? – удивилась девушка.

– Ну, хотя бы просто для удовольствия! – фыркнула Чинция. – И потом, сама подумай, в маске ты будешь два или три часа, а лицо тебе всю жизнь носить! Его беречь надо, а мне что-то подсказывает, что в монастыре у тебя со смягчающими масками было плоховато. И знаешь что? А попробуй пока до салона и после него побыть в маске! Может, тебе моретта не подойдет категорически, тогда надо будет другую выбрать. Кстати, проверим, можешь ли ты в ней говорить...

Проверка показала, что говорить моретта не мешает, но тембр голоса изменяет. У меня засигналил коммуникатор, и я махнула девушкам рукой, выпроваживая их. Слава светлым богам, звонила Альма!

– Ну наконец-то! – воскликнула я, увидев ее лицо на экране. – Я тут без тебя просто как без рук! Где ты?

– Совсем рядом, у меня оказалась okazia до Медиоланума, так что сейчас я сяду в поезд

и буду в Венеции через три с половиной часа, – невозмутимо сообщила моя секретарша.

– Прекрасно! Я встречу тебя на вокзале.

Отключившись, я готова была от восторга сплясать джигу, если бы умела. Конечно, синьора Пальдини с домом управляется прекрасно, все происходит будто бы само собой, но вот деловые вопросы тоже требуют решения... На радостях я связалась с Родерико Ди Майо и сообщила, что, весьма вероятно, проблема наша будет решена к концу следующей недели. Пообещав держать его в курсе, я отключилась и вдруг поняла, что ужасно хочу спать, вот просто сил нет держать глаза открытыми. Попросила синьору Пальдини разбудить меня через два часа и еле добрела до спальни...

Венеция встречала Альму Хендерсон мелким дождичком и довольно сильным ветром. Массимо подхватил ее чемоданы, я взяла шляпную коробку, и мы почти побежали к стоянке гондол. На причале Альма затормозила, и ее лицо, обычно невозмутимое, приняло встревоженный вид.

– Это что, мы на этом будем добираться?

Я обернулась: рука в серой перчатке указывала на мою гондолу. Ну, обычная же гондола: черная, узкая, длинная, с высоким носом и кормой, с черной же кабиной и красными бархатными подушками на сиденьях.

– Ну да, конечно. На чем же еще?

– Там вода! И ветер!

– Альма, – я заговорила чуть громче, чем следовало, чтобы заглушить непочтительное фырканье Массимо. – В Венеции всюду вода. И транспорт здесь только такой. Даже «скорая помощь» и городская стража передвигаются на лодках. В этом нет ничего страшного, поверь мне.

Она мученически вздохнула.

– Ты же знаешь, меня укачивает!

– Первый раз об этом слышу, – пожала я плечами, подталкивая ее ближе к лодке. – И Массимо управляет гондолой гораздо лучше, чем Райан, который пытался водить экипаж.

Этот аргумент должен был ее сразить: Райан, предмет последнего недолгого романа Альмы, сумел разбить три экипажа, прежде чем понял, что дешевле нанять более или менее постоянного водителя.

Моя секретарша мученически вздохнула и полезла в гондолу.

Когда Массимо вывел лодку на простор лагуны, ветер разогнал тучи и выглянуло солнце. В золотой дымке перед нами покачивалась на волнах Венеция, Серениссима, прекраснейший город мира. Сияли купола церквей Единобожия, нестерпимо блестящие острые шпили храмов Великой Матери, возвышалась над площадью Сан-Марко красная кирпичная Кампанилла, сверкали волны лагуны и парили над ними чайки. Обе мы словно замороженные не могли отвести глаз от силуэта города, ждущего нас впереди.

Синьора Пальдини и Альма Хендерсон смотрели друг на друга без удовольствия. Да что там: глядели они так, будто готовы были немедленно схватиться, словно два пса за мозговую кость. С трудом прогнав из головы образ почтенных дам, вырывающих одна у другой полуобглоданный мосол, я строго сказала:

– Значит, так! Синьора Пальдини, дом и все хозяйство остаются на вас; лучшей домоправительницы я в жизни не видела! Синьора Хендерсон будет заниматься только и исключительно моей работой. Альма, насколько я помню, для тебя всегда было загадкой, откуда берутся яйца и картошка и как обновлять заклинания уборки, поэтому к

домашним делам ты все равно непригодна. Это всем понятно?

– Да, синьора, – экономка присела в реверансе, мазнула по Альме чуть высокомерным взглядом и спросила: – В какую спальню селить синьору Хендерсон?

– В голубую. Пожалуйста, попросите Джузеппину подать ужин не позднее семи. Мы с Беатриче сегодня идем на прием в Ка’Торнабуони, а Альма захочет пораньше лечь спать.

Повторив реверанс, синьора Пальдини ушла, а я повернулась к секретарше.

– Что это было, Альма? – поинтересовалась я самым суровым тоном, на какой была способна. Как-то раз от такого тона моя операционная сестра упала в обморок, и большой ее удачей было то, что шлепнулась она на пол, а не на пациента. Подействовал этот тон и сейчас: женщина вздрогнула и опустила глаза.

– Прости. Что-то я и в самом деле устала, со вчерашнего дня все еду и еду. Да еще лодка эта... – она потерла глаза. – Действительно, поужинаю и лягу пораньше, разберу вещи завтра.

– Завтра мы с тобой займемся работой, а вещи разберет горничная, – отрезала я. – Все, иди, устраивайся, а я приведу в порядок внешность. Как справедливо сказала Чинция, это лицо мне еще всю жизнь носить.

Прием в честь дня рождения главы клана Торнабуони был блистателен. Около пяти сотен человек, а также какое-то количество эльфов и два или три гнома, собравшиеся в Белом зале Ка’Торнабуони, чтобы поздравить мэтра Джан-Луку с очередной датой жизни, были воистину *scème de la scème* венецианского общества. Нобили, маги, члены Совета судей, дамы в масках и без, бриллианты и сапфиры, веселая болтовня и деловые переговоры... Я вздохнула и поискала взглядом свою подопечную: Беатриче пользовалась таким успехом, что при желании можно было бы еще до конца вечера выдать ее замуж раз пять или шесть, причем за самых лучших женихов. Вот сейчас она танцевала с невозможно красивым эльфом и весело смеялась какой-то его шутке.

– Добрый вечер, Нора, – услышала я за спиной мужской голос.

– Добрый вечер, Пьетро.

– Вы решили сегодня снова надеть маску?

– Да, – я дотронулась до шитой серебром белой коломбины. – Моя воспитанница в моретте, ну а я из солидарности с ней...

– Понятно, – он помолчал, потом сказал с деланой небрежностью: – Чинция рассказала вам о том случае, шесть лет назад, так ведь?

– Да, рассказала. Кто это был, вам удалось узнать?

Пьетро досадливо прищелкнул языком:

– Негодяй был в бауте, так что мы не опознали ни голоса, ни внешности; одежда скрывалась под плащом. А на обеде плащи и маски все снимают.

– Беатриче описала герб...

– Да. И я его найду. Герб какого-то старого южного рода, я его не встречал раньше, но мой секретарь сейчас над этим работает.

– Хорошо, – я отпила шампанского из узкого бокала-«флейты» и спросила о самом важном: – Кто из магов будет снимать проклятие?

– Пока не знаю. Там довольно сложный букет из ментальной магии и воздуха, все это дополнено некоторыми формулами магии крови и закреплено рунами. В каждой из этих дисциплин у нас есть сильные маги, но все вместе...

– Я говорила с Лавинией Редфилд...

- И?... - мой собеседник поднял левую бровь.

- Она заинтересовалась и готова прибыть через три дня, принять участие в... операции.

- Прекрасно! Тогда все решается очень хорошо. Джан-Марко Торнабуони ее ученик, они вдвоем сделают лучше, чем кто угодно другой.

В этот момент передо мной остановился высокий мужчина в потрясающе сидящем смокинге и маске с длинным крючковатым носом. Поклонившись, маску он снял, и я увидела серые глаза, загорелое лицо и маленький шрам над правой бровью.

- Вы позволите, синьора, пригласить вас на вальс? - спросил с улыбкой Джан-Баттиста Торнабуони. - Пьетро, бездельник, ты все равно не танцуешь, поддержи мою дзанни.

Он, не глядя, сунул Пьетро Контарини свою носатую маску и протянул мне руку.

Мы кружились в вальсе, и кавалер, склонившись к моему уху, шептал что-то. Его дыхание шевелило завитки волос, и сердце мое падало куда-то к каблукам, а на губы, я чувствовала, напознала глупая улыбка.

Что это со мной происходит, а? Я видела этого человека всего три или четыре раза, говорила с ним и того меньше, в сущности, только в тот, первый, раз, в Ка'Градениго. Мне ничего о нем не известно, кроме имени да нескольких мрачных побасенок. Так почему ж я веду себя словно шестнадцатилетняя девчонка на первом свидании? Хорошо еще, что полумаска хоть отчасти скрывает дурацкий румянец...

Танец закончился, но Джан-Баттиста не отпустил меня.

- Сейчас будет еще один вальс, синьора. Вы подарите его мне? - снова прошептал он мне на ухо.

Сердце пропустило удар, я кивнула, и вновь подчинилась ритму танца и умелым рукам партнера. Оркестр умолк, и пары разошлись. Джан-Баттиста негромко сказал:

- Это был последний танец, сейчас выйдут отец и матушка, он примет поздравления, а дальше только ужин. Могу я просить вас составить мне компанию за столом?

Я покачала головой.

- Простите, но я должна найти мою подопечную.

- И искать не надо, вон она, вместе с Карло Контарини, - он кивнул вправо.

Да, и в самом деле Беатриче стояла рядом с молодым человеком в знакомой мне серебряной маске. Карло склонился к ее уху и что-то шептал. Мой пристальный взгляд привлек внимание девушки, она повернулась и, узнав меня, быстро подошла.

- У тебя все в порядке? - спросила я, невольно поддаваясь инстинкту опекуна.

- Все отлично! - голос из-под моретты прозвучал чуть глуховато, но узнаваемо. - Вы не будете возражать, если я сяду ужинать вместе с Карло?

- Нет, не буду, - улыбаясь, я покачала головой. - Только я хотела бы уехать не поздно.

- Конечно, синьора, я буду рядом, - Беатриче присела в реверансе.

В это время толпа зашумела, раздалась, раззолоченный лакей в белом парике распахнул высокие двустворчатые двери, и из них показалась пара, Джан-Лука Торнабуони и его супруга Мелисса. Признаться, пару раз я присутствовала при выходах королевской четы в Бритвальде и в Барсе, так там все было обставлено, может, и попроще...

Я сделала полшага назад и укрылась за плечом моего высокого и широкоплечего партнера.

- Зачем? - прошептал мне на ухо Джан-Баттиста.

- Не люблю привлекать внимание...

Он хмыкнул и сдвинулся вперед, окончательно закрывая меня от взглядов.

За ужином мой спутник выбрал столик на двоих возле колонны; Беатриче и Карло устроились у нас за спиной, и девушка сняла моретту. Я внезапно сообразила, что не выяснила у Пьетро Контарини одну подробность касательно серебряной маски: а как, собственно, молодой человек ест? Ведь volto не предполагает такой возможности! Поэтому украдкой, краем глаза, рассматривала Карло, взявшего в руку бокал с шампанским...

Оказывается, часть маски вокруг рта загадочным образом позволяла губам приоткрываться так, чтобы можно было положить небольшой кусочек пищи. Ох, чувствую я, эта маска еще устроит нам сюрпризы...

Повернувшись к Джан-Баттисте, я улыбнулась:

- Прошу прощения, я прослушала вашу последнюю фразу!

- Я сказал, что в этой компании вашей подопечной точно ничего не грозит: на Карло навешано такое количество амулетов, что, если встряхнуть, он забренчит, точно посох шамана. Не волнуйтесь!

- Ну, хорошо, не буду, - я отставила бокал, оперлась подбородком на руки и внимательно взглянула на сотрапезника. - Расскажите мне о себе, Джан-Баттиста. Почему вы стали юристом?

- Очень просто, Нора. Как и у всех в нашей семье, у меня есть магия воды. Но, помимо этого, боги дали мне еще и Дар. Я запоминаю любой текст с одного взгляда и могу мысленно сравнивать до пяти документов. Вплоть до запятой. Когда этот Дар обнаружили, отец отправил меня учиться в Падую, а затем в Сорбонну.

- Как интересно! Все-таки одновременно и магические способности, и Дар встречаются нечасто... - протянула я и вновь опустила глаза, когда мужчина взял меня за руку.

- Нора, я могу вас попросить составить мне компанию в прогулке?

- Пешком? Где же?

- О нет! На моей личной лодке по моим любимым местам. Я знаю, вы уже бывали на Мурано, но уверен, что сумею показать вам что-то необычное!

- С удовольствием, Джан-Баттиста, но только после того, как закончится эта история с проклятием и маской, - я отняла у него руку. - Вот, кстати, скажите мне, кто такой старшина Торговой палаты?

- Один из нобилей, - с некоторым удивлением ответил он. - Переизбирается раз в десять лет, сейчас это Джованни Касторе.

- Вы с ним знакомы?

- Ну конечно! В Венеции все знают всех, просто не во всех знакомствах можно признаваться. А почему вы спрашиваете?

Подумав секунду, я решила рассказать. Не все, разумеется, - говорить о том, что именно оставил в наследство сестре Ансельмо Виченте, я не собиралась.

- Дело в том, что я хотела бы осмотреть старый порт, что на острове Rimembranze. Но тамошний сторож требует разрешение, непременно подписанное этим самым старшиной.

- Ну, получить такое разрешение - дело одной минуты, но зачем вам понадобились эти заброшенные полуразвалины?

- Вы знаете, я живу сейчас в Ка'Виченте? - дождавшись ответного кивка, я

продолжила: – Так вот, мне хочется узнать все о последних владельцах дома, носивших это имя. Я знаю, что одним из них был моряк, в конце восемнадцатого века имевший контору в порту. Собственно, именно он был последним, кто носил фамилию Виченте. Мне захотелось взглянуть на это здание...

– Необычное желание, синьора, но, пожалуй, понятное... Давайте так: я принесу вам разрешение, а вы возьмете меня с собой в старый порт?

– Я подумаю, Джан-Баттиста, – улыбнувшись, я подняла бокал. – Итак, за здоровье вашего отца!

Лавиния Редфилд позвонила на мой коммуникатор несколько не вовремя. Сигнал раздался в тот момент, когда я рассчитывала количество геля pellis, нужное для того, чтобы покрыть им человеческое лицо трижды: миллиметр для эпидермиса, два для дермы и плюс миллиметр слоя, в который впитаются заклинания и который нужно будет удалить через три дня. Помянув Темного, я записала получившиеся цифры и ответила:

– Добрый вечер, госпожа Редфилд.

– Добрый вечер, госпожа Хемилтон-Дайер, – она улыбнулась и сказала: – Понимаю, что попала неудачно, и постараюсь быть краткой. Вечером в среду я буду в Ка'Ботта, Джан-Марко откроет мне портал. Могу я пригласить вас в гости?

– В какое время?

– В восемь не рано?

– Отлично.

– Тогда жду! – и экран погас.

Вздохнув, я вернулась к расчетам.

Госпожа Редфилд ждала меня у водного подъезда, присев на высокий постамент рядом с мраморным львом. Лев вглядывался в даль, придерживая лапой щит, женщина курила трубку. Коротко стриженные совершенно белые волосы, стройная фигура в темных брюках, белой рубашке и куртке, высокие скулы, глаза ледяной голубизны – она впечатляла, и хорошо об этом знала.

Ка'Ботта показался мне несколько странным. Запущенный, какой-то пыльный холл, и при этом отличные, заново отделанные комнаты господского этажа. Госпожа Редфилд только усмехнулась, заметив мое недоумение:

– Это штучки моих коллег из Службы магической безопасности. Здание принадлежит им. Почему-то они считают, что незачем кому-то знать, есть ли в доме жилец.

– А свет в окнах?..

– Затенен магически, с воды ничего не видно. Да и какая здесь вода? Это не Гранд-канал, по нашей узенькой rio если раз в день проплывет лодка, то это уже час пик. Прошу вас, присаживайтесь, – она показала рукой на кресла возле камина. – Признаться, для меня в этом городе сыро. Все время хочется просушить туфли. Кофе, вина, aqua vita, келимас?

– Присоединюсь к хозяйке, – улыбнулась я.

– Ну, поскольку я происхожу с варварских островов, то в такой туманный вечер точно предпочитаю напитки покрепче.

Госпожа Редфилд достала пару невысоких стаканов с тяжелым дном, щедрой рукой плеснула в каждый из графина и добавила по паре капель воды. Слегка взболтала золотистую, слегка маслянистую жидкость и протянула мне.

– Разве аква-виту не со льдом пьют? – удивилась я.

- Ох уж эти уроженцы Нового Света! Ну, конечно, какой-нибудь кукурузный бурбон безо льда и в рот взять невозможно, но настоящий нектар с острова Айла – только с каплей воды, чтобы раскрылся весь букет напитка. Попробуйте глоточек, покатайте на языке...

Напиток был действительно хорош, хотя и несколько непривычен: копченый привкус, морская соль, аромат меда и цветов будили в душе что-то странное, не то надежды, не то сожаления. Сделав еще глоток, я не без сожаления отставила стакан. Все же лучше сперва поговорить о деле, а потом уже туманить голову шорохом вереска.

- Как я уже говорила, я прочла вашу статью в «Ежегоднике». Вы ничего не пишете о технике снятия проклятия. Если бы все дело было в «разматывании ленты», то проклятия давно вышли бы из употребления. Их мог бы снимать любой мало-мальски грамотный аптекарь, умеющий видеть ауры.

Моя собеседница тоже отставила стакан.

- Вы правы. Методика достаточно сложная, и одного лишь магического зрения недостаточно. Как я поняла, мы имеем дело с посмертным проклятием? – дождавшись моего кивка, госпожа Редфилд продолжила: – Нужны еще некоторые алхимические компоненты и довольно сложный набор артефактов. Я привезла с собой недостающее. Собственно, у меня не хватает только крови ближайшего родственника покойного мага и в данном случае того, что после операции заменит маску на лице, но все это есть у вас, так?

Она вздохнула и неожиданно сказала:

- Вы не будете возражать, если я предложу все-таки сократить официоз и называть друг друга по имени?

- Нисколько!

Мы отсалютовали друг другу стаканами, и я продолжила задавать вопросы:

- Хорошо, Лавиния, по вашему мнению, нам нужно совместить по времени снятие проклятия и хирургическую операцию?

- Думаю, нет, – ответила она быстро. – У меня был случай, когда формула оказалась двоякой, и снятое проклятие вернулось, словно бумеранг. Мы тогда справились, но повторять этот опыт мне бы не хотелось.

- Тут от нас ничего не зависит, увы. Значит, завтра операция магическая, а через два-три дня... хватит пары дней?

- Должно хватить. Нора, что вас беспокоит? Я же вижу, что какая-то мысль, связанная с этим молодым человеком, звенит у вас над ухом, словно комар.

- Понимаете, мне все время почему-то кажется, что вся история с маской – только верхний слой. Есть еще что-то, о чем мы не знаем, – я с досадой пристукнула ладонью по ручке кресла и подула на ушибленные пальцы. – Мальчишке, Гвидо Каталани, было двадцать два года. Да, маг, но не слишком высокого полета. Я расспросила о нем его сестру: стихии – вода и земля, уровень лицензиата, не больше. Из-за скверного характера в университете этот парень недоучился, значит, образование еще и полнотой не страдает. Откуда он взял формулу проклятия? И как с ним справился?

- Да, это интересный вопрос, – спокойно согласилась Лавиния. – Рассказывайте дальше.

- Дальше... У Беатриче этот роман продолжался довольно долго, месяца три-четыре, и вряд ли брат не был в курсе. Она вполне современная девушка, студентка, никаких патриархальных заморочек. С чего Гвидо вдруг вскинулся? Почему он вообще оказался в то утро в спальне девушки?

- Угу, и уже с заготовленным проклятием.

- Вот именно! Уже с заготовленным проклятием, уверенный в том, что он увидит сцену, так сказать, грехопадения сестры.

Мы посмотрели друг на друга, и Лавиния сформулировала то, что я уже давно заподозрила:

– За его спиной кто-то стоял. Некий маг, желавший причинить вред... семье Контарини, надо полагать?

– Интересный вопрос. Сейчас мы попробуем найти на него ответ, – я схватила коммуникатор.

Пьетро ответил не сразу и был, кажется, не слишком доволен моим звонком, но я, коротко извинившись, сразу задала вопрос:

– Если, предположим, Карло останется в нынешнем положении, как это скажется на клане?

– Кхе... – Пьетро поперхнулся, потом сказал кому-то в сторону: – Дорогая, я сейчас вернусь, подожди меня минуту.

Дорогая, судя по голосу, была очень недовольна...

Контарини включил заставку с приятной музыкой, и я усмехнулась внутренне: кажется, я вытащила его с любовного свидания? Ай-ай, а как же супруга – прекрасная Екатерина, дочь герцога Ломбарди? Наконец музыка смолкла, плавающие рыбки сменились лицом Пьетро, и он проговорил:

– Нора, вы умеете задавать вопросы! Если нам не удастся снять с Карло маску, клану придется несколько менять структуру наследования. Предполагалось, что он в свое время сменит меня и будет в дальнейшем заниматься защитой интересов клана, представлять в Совете магов и в Совете нобилей... В общем, его готовили к тому, чтобы стать правой рукой будущего главы клана.

– Маска этому помешает?

– Да. По законам Республики на заседаниях Советов и в ряде других случаев представитель клана должен присутствовать с открытым лицом.

– Это ослабит вашу семью? – быстро спросила Лавиния.

– Да, – глаза Пьетро вспыхнули. – Вы считаете, что целью был весь клан?

– Именно. Подумайте, кто бы мог стоять за спиной не очень умного молодого мага из людей, желающих неприятностей семье Контарини?

– Я подумаю...

Он отключился не прощаясь, и Лавиния протянула задумчиво:

– А интересно было бы, если бы проклятие другим концом ударило по своему вдохновителю...

– Как это? – я совершенно неприлично вытаращила глаза.

– Примерно как... детские качели. Или рогатка. Или лопнувшая струна. Если мы правы и Гвидо Каталани не мог сам придумать формулу проклятия, значит, ему кто-то ее дал. Гвидо мертв, и, в принципе, снятое проклятие можно было бы нейтрализовать поглощающим амулетом. Если этого не сделать, энергия проклятия должна куда-то деться. Мне нужно посмотреть на молодого человека! – Она вскочила. – Иногда можно зацепиться за хвостик и отправить эту энергию к ее создателю. И тогда мы будем точно знать, кто он!

Я снова взялась за коммуникатор. Бедный Пьетро! Боюсь, сегодня его свидание окончательно испорчено...

Карло стоял посреди гостиной Ка'Ботта спокойно, только глаза под маской лихорадочно блестели. Мы с Пьетро расположились в креслах у камина, я все с тем же стаканчиком

аква-виты, он с бокалом вина, а Лавиния ходила вокруг молодого человека, словно кошка вокруг клетки с канарейкой, только что не облизывалась. Наконец она остановилась, глубоко вздохнула, подошла к столу, налила себе немалую порцию ячменного напитка и залпом выпила.

- Ну что же, - сказала она удовлетворенно. - У нас есть немалый шанс, господа!
- То есть тот самый хвостик вы нашли? - уточнила я.
- Там не просто хвостик, Нора, там толстая веревка! И я надеюсь, она не оборвется.
- Можно ли теперь мне узнать, что это означает для меня? - отмер Карло.
- Это означает, что при благоприятном стечении обстоятельств мы завтра узнаем, кого благодарить за столь интересный случай в практике, - хмыкнула я. - Лавиния, спасибо! Я вас оставляю, нам всем нужно выспаться. Завтра... где и во сколько, Пьетро?
- В моей лаборатории, это район Каннареджо. В двенадцать дня годится?

Уже почти дойдя до двери, я остановилась.

- А скажите мне, синьоры, такую вещь: почему наш загадочный злоумышленник, сделав гадость Карло, на год затих?

Лавиния и Пьетро переглянулись. Карло шагнул вперед.

- Что вы имеете в виду?
- Он выбил одного человека из вашего, так сказать, наследственного древа. Клану от этого будет неприятно, но не слишком большая. Почему он не отравил главу клана, не подговорил ваших матросов требовать увеличения оплаты, не поджег склады? Почему ограничился одним точечным уколом? Может быть, мы делаем из мухи слона? Или я чего-то не знаю?
- Мне нужно проверить... - медленно проговорил Пьетро. - Конечно, были какие-то камушки под колесами, но я не смотрел на них с точки зрения единой системы.
- Проверьте, - кивнула Лавиния. - Нора права, это странно и нелогично. А завтра мы посмотрим, как откликнется магическое поле на снятие проклятия и по кому ударит другой конец порванной струны.
- Как поэтично, - пробормотал Карло.

Без четверти двенадцать Массимо пришвартовал мою гондолу возле унылого трехэтажного здания в районе Каннареджо и подал руку, помогая выйти мне и Беатриче. Я остановилась на причале и огляделась. Странное было место, будто и не в Венеции, а где-нибудь в промышленной зоне Штуттенгартена, что-то оно мне напоминало... Ну конечно - старый порт! Только там здания были поменьше, но такого же гадкого цвета горохового супа...

- Нора! - Пьетро стоял в дверях дома и махал мне рукой. - Сюда!
- А почему у вас лаборатория здесь? Какой-то промышленный пейзаж вокруг, не то склады, не то цеха... - поинтересовалась я, входя внутрь; Беатриче следовала за мной.
- Потому что в лаборатории, бывает, что-то взрывается. Или еще какие-то неприятности происходят. А здесь все магически защищено, есть отличный полигон для испытания заклинаний, и никто посторонний не пострадает. Да и лишних глаз не бывает, чужие здесь не ходят.
- Ну да, с этой точки зрения разумно, конечно.

В довольно большом и совершенно пустом зале посредине был раскатан лист толстой

плотной бумаги с расчерченной гексаграммой. Лавиния расставляла по концам лучей свечи и раскладывала пучки травы. Закончив, она отошла на пару шагов, полюбовалась делом своих рук и сказала:

– Полгода назад в Нувель-Орлеане я начала изучать техники магии вуду. Очень интересные оказались методики, и полезные!.. Так что теперь я стараюсь совмещать их с наработками по классической магии, вот как здесь. Звезда задает направление течения энергии, свечи и травы поддерживают интенсивность поля. Вот этот амулет, – Лавиния помахала перед нашими носами чем-то вроде хрустальной звезды-многоножки, – мы смажем кровью родственницы мага, чтобы заклинание проклятия распознало, так сказать, авторство... Все готово.

– Куда мне?.. – голос Карло дрогнул. Ну, я бы на его месте тоже боялась...

– Садись в центр гексаграммы, закрой глаза, положи руки на колени и молчи. Пока я не разрешу, ты не должен шевелиться, моргать, говорить. Желательно было бы, конечно, тебя обездвигить, ну да ладно, не маленький... Джан-Марко, ты берешь статические заклинания, а я занимаюсь динамикой. И не забудь, держи нижние слои, упустишь – шарахнет по всем!

– А кровь вы когда возьмете? – Беатриче холодной ладошкой ухватила за мою руку.

– Сейчас и возьму. Не волнуйся, девочка, мне нужно всего несколько капель...

Мы с Пьетро, бесполезные зрители, отошли к большому, до пола, окну. Осмотревшись, я поняла, что сидеть будет не на чем, махнула рукой и уселась на пол. Ничего моим брюкам не будет.

Лавиния зажгла свечи и пучки травы, вымазала кровью девушки хрустального ежа, стараясь, чтобы попало на каждую колючку, и встала на западный луч звезды. Джан-Марко Торнабуони занял луч напротив, развел руки и запрокинул голову...

Маги то бормотали, то пели; пару раз голос Лавинии, казалось, взмывал под потолок вовсе уж невообразимыми нотами. Пучок света собрался в хрустале, потом рассыпался огоньками по нарисованной шестиконечной звезде. Огоньки эти стекли в линии гексаграммы, засияли сильнее и начали менять цвет, проходя радугу и с каждым проходом успокаиваясь и затихая. Наконец погас последний сполох густого фиолетового цвета, и в воздухе вдруг возник низкий басовитый звук, будто гудение огромного шмеля. Раздалось БАМ-М-М! – шмель лопнул, все выдохнули, и Лавиния сказала обычным голосом:

– Все кончилось, Карло, можно открыть глаза.

Джан-Марко сел на пол там, где стоял, и со стоном спрятал лицо в ладонях.

Карло встал на ноги, вышел из гексаграммы и потрогал маску кончиками пальцев. Потом повернулся к Беатриче и обнял ее так, что, кажется, у девушки ребра хрустнули. Поверх золотистой макушки молодой человек посмотрел на своего дядюшку и сказал:

– Вне зависимости от исхода операции мы с Беатриче поженимся.

– Я, собственно, и не возражал, – пожал плечами Пьетро. – А ты невесту спросил? Впрочем, о чем это я...

Невесту и в самом деле можно было не спрашивать, так она сияла.

Лавиния потянулась, помахала руками и, поймав мой взгляд, пояснила:

– Почему-то во время работы ужасно затекают плечи и поясница. Ладно, от проклятия вы, молодой человек, избавлены. Теперь уже необходим скальпель, а не артефакт. А как мы узнаем, кого ушибло откатом?

– Сегодня с утра я разослал по всему городу приказ моей команде «ветерков»... – ответил Пьетро и, заметив наше непонимание, разъяснил: – Это работающие на нашу семью молодые бездельники, старушки и старички с палочками, пожилые дамы с собачками, которые гуляют, каждый в своем районе, и собирают сплетни и слухи. К вечеру я буду

знать все, что произошло в Венеции за день.

Я пригласила Лавинию вместе пообедать в городе. Джузеппина сегодня была выходной, так что никакие кулинарные шедевры меня дома не ждали. Можно было сесть где-нибудь на маленькой сампо с видом на облупившиеся дома с зелеными жалюзи, небольшие мостики и совсем уж крохотный рынок, пяток столиков с овощами, рыбой и непременно сувенирными масками и веерами. Массимо высадил нас возле Риальто, и мы медленно пошли по Riva de Vin, постепенно заворачивая вправо, в сторону Campo di San Silvestro. Март радовал солнечными и теплыми днями, вода в каналах блестела так ярко, что я купила у какого-то лоточника темные очки с неожиданно розовыми стеклами. Лавиния фыркнула:

– Это называется – я смотрю на голубом глазу сквозь розовые очки, и мне все фиолетово...

– Главное, чтоб глаза не слепило, – пожала я плечами. – Вон вроде бы симпатичная trattoria, сядем?

Худой и длинный мальчишка-официант, обмотанный длинным темно-красным фартуком, принес меню и сказал негромко, склонившись между нами:

– Я бы рекомендовал утря в белом вине, синьоры. И к нему Prosecco di Conegliano, такой день, как сегодня, просто требует Prosecco!

Он выговаривал «прошекко», слегка шепелявя, как все венецианцы. Я вспомнила Пьетро с его «ветерками» и сказала:

– Отличная идея! Начните с вина, а к нему расскажите нам, о чем говорят в городе сегодня?

– Сию минуту, синьора! – сделав пируэт, он исчез внутри trattoria, чтобы через мгновение вернуться с подносом, бутылкой и двумя бокалами.

Пригубив, я одобрителем кивнула: вино, свежее и легкое, пахло грушами, миндалем и медом, приближающимся летом и свободой. Лавиния посмотрела на этикетку и сказала с ноткой сожаления в голосе:

– Мы, конечно, делаем игристое у нас в Хокворде, но это лучше.

Официант тем временем вновь скрылся, чтобы через короткое время возникнуть возле нашего столика с тарелкой маленьких бутербродов, крохотных осьминогов, зажаренных в кляре, маринованных огурчиков и еще каких-то штучек на один укус, которые так приятно запивать хорошим вином, никуда не торопясь. Пока его не было, Лавиния поинтересовалась:

– Вы думаете, если что-то случилось с нашим злодеем, в городе это уже обсуждают?

– Вот и посмотрим, – ответила я. – По-моему, к нашему официанту слухи должны слетаться сами, как голуби на крошки.

Из рассказанных юным пронырой слухов мне показался наиболее интересным один: ни с того ни с сего огромная трещина пересекла фасад Ка'Дамиани, одного из дворцов, расположенных в стороне от Гранд-канала. Но был ли это сигнал для нас, мы так и не смогли решить...

Покончив с угрем, мы медленно цедили последние капли вина, уже немного согревшегося, и от этого ставшего еще более ароматным, когда Лавиния спросила у меня:

– Если я останусь посмотреть на операцию, вы не будете возражать?

– Не буду, – я покачала головой. – Мало ли, вдруг понадобится магическая поддержка, я могу и не потянуть.

– Хорошо, тогда я остаюсь до послезавтра.

Довезя Лавинию до Ка'Ботта, я покачивалась на воде вместе с гондолой, смотрела на залитые солнечным светом фасады дворцов вдоль Гранд-канала и думала вовсе не о предстоящей операции. Думала я о том, что завтра вполне успею съездить еще раз в старый порт и все-таки осмотреть пакгаузы. И почему бы мне не пригласить с собой в эту маленькую авантюру опытного мага-боевика? Нужно только напомнить Пьетро о необходимом разрешении...

В кабинете за рабочим столом сидела Альма, и вид ее мне не понравился. Какое-то уныние явственно было написано на ее лице, да и сидела она явно просто так – не работала, даже бумажки не переключивала.

– Что случилось? – спросила я, бросая куртку на спинку кресла.

Моя секретарша встала, взяла куртку, встряхнула ее и отнесла в гардеробную. Потом вернулась, встала передо мной, сжав руки так, что даже пальцы побелели, и сказала:

– Нора, прости, но я хочу уехать отсюда. Мне плохо в этом городе!

– Давай-ка присядь и разъясни поподробнее, – я подтолкнула ее к креслу. – В каком смысле плохо?

– Понимаешь, я совсем не сплю, все время что-то шуршит и скребется под окнами спальни. От здешней воды у меня испортились волосы, не укладываются, только слипаются все время. Да и вообще – от одной мысли, что вокруг не улицы, а каналы, опять проклятая вода, меня укачивать начинает. А оно еще и пахнет тинной какой-то!

– Тинной? – вот даже не знаю, что сказать, ни разу я не почувствовала никакого неприятного запаха...

– В общем, я хочу уехать, – сказала Альма твердо. – Я уже посмотрела билеты на дирижабль до Лютеции, через два дня есть удобный рейс.

– Хорошо, уезжай. Горничная поможет тебе сложить вещи, – я встала, подошла к сейфу, открыла его и стала бесцельно перебирать лежащие там документы. – Деньги я переведу на твой счет, как обычно. Только, пожалуйста, не забудь сообщить господину Хюльтениусу и всем прочим, чтобы они связывались со мной напрямую.

Господин Хюльтениус, наш семейный солиситор, был совершенно невыносим в общении, но я это перетерплю. Если она все решила, даже не поговорив со мной, то лучше резать сразу и не обращать внимания на ее страдальческую гримаску.

В этот момент в дверях кабинета появилась горничная со словами:

– Синьора, вам пакет из Торговой палаты!

– Спасибо, Мария! Положите на стол, пожалуйста, я сейчас посмотрю.

Ну вот и разрешение на осмотр старого порта. Джан-Баттиста не забыл о своем обещании, отлично! Не глядя больше на Альму, я взяла коммуникатор и набрала номер госпожи Редфилд:

– Лавиния, у вас на завтра нет никаких планов?

– Да вроде бы нет пока!

– Тогда я приглашаю вас на небольшую экскурсию в старый порт.

– Хм, это может оказаться интересно! Предложение принимается.

Мы договорились, что в одиннадцать утра я и моя гондола будем ждать у водного подъезда Ка'Ботта, и распрощались. Моя секретарша, теперь уже бывшая, все так же сидела в кресле с самым несчастным видом.

– Я могу для тебя еще что-то сделать, Альма? Если для тебя так невыносимо находиться здесь, я оплачу тебе проживание в отеле на Терраферме на эти две ночи, до отправления дирижабля.

– Нет, но... Может быть, ты просто вернешься в Бостон? Пусть не завтра, пусть через неделю! Я бы подождала, перетерпела пока... И миссис Ван дер Валлен будет так рада. Нора, ты ведь меняешься, живя здесь! Неужели ты сама этого не видишь? Ты стала совсем другая, не такая, как в клинике!

Вернуться в Бостон? Бросить Венецию, где я радуюсь каждой минуте жизни, ради чопорных гостиных моей матушки и ее заклятых подруг? Зря она это сказала: я ведь и уезжала для того, чтобы измениться, именно потому, что связка я-и-клиника вдруг стала невыносимой...

– Извини, Альма, но это исключено, – я сообразила, что мне нужно было в сейфе, снова открыла его и достала ключи от чердака. Взвешивая их в руке, я смотрела на совершенно чужую женщину, занявшую вдруг место близкого мне человека, и ждала, чтобы она наконец ушла. А когда дверь кабинета захлопнулась, я упала в кресло и опустила голову на руки. Нет, я, конечно, не плакала, глаза мои оставались сухими. Вот только непонимание и обида, кажется, были больше меня самой. Как же так? Альма была рядом со мной почти десять лет, поддерживала всегда и во всем, утешала, когда умер Фрэнк, помогала выдержать матушкин напор, когда той взбрело в голову привлечь меня к светской жизни... И теперь именно она предлагает мне туда возвратиться.

Нет, к Темному все эти ламентации! Я хотела пойти на чердак? Вот и пойду.

Дверь по-прежнему была заперта, а вот сетку заклинаний кто-то попытался тронуть. Слегка. Только попробовал и отступил. Интересно, кто ж это у нас такой любопытный? Я попыталась увидеть аурные следы – увы, все уже развеялось. Ладно, поставлю следилку, где-то был у меня простенький амулет, реагирующий на движение. Или кота попрошу, мысленно усмехнулась я, открывая дверь.

На чердаке вроде бы все оставалось по-прежнему: лился солнечный свет через мансардные окна, освещая мебель в белых чехлах... Подойдя к портрету, я сняла ткань, аккуратно свернула ее и отложила в сторону, не отрывая взгляда от холста. А ведь изображение снова изменилось!

Теперь герцогиня оставила туалетный столик за спиной и развернулась к нам левым боком, хотя ее светло-карие глаза по-прежнему внимательно смотрели на зрителя. А в глубине картины, как раз там, куда, кажется, сейчас должна была шагнуть Лаура Виченте дель Джованьо, смутно виднелось высокое зеркало в вычурной раме. Интересно... Нет, пожалуй, именно такого у меня в гардеробной нет, но, может быть, оно прячется тут, на чердаке?

Внимательно осмотрев все высокие предметы, которые могли быть искомым зеркалом, я стряхнула с рук пыль и с сожалением констатировала, что здесь его не было. Но зачем-то же она мне его показывает? Тут я слегка притормозила и задумалась: может, Альма права, и город этот влияет потихоньку на мой разум? Вот сейчас я вполне всерьез размышляю о том, что хочет мне сказать женщина, написанная маслом на холсте почти четырехста лет назад... Но портрет действительно стал другим, и это мне не мерещится! И в конце концов, письма я нашла, именно следуя за тем, что показала мне Лаура!

Н-да. Еще вчера я бы привела сюда Альму, показала ей картину и рассказала обо всех обстоятельствах. Теперь же делать это было бы, как минимум, неразумно, так ведь можно и в комнатке с мягкими стенами очнуться... Особенно если учесть, что до сего дня у моей секретарши был практически полный доступ к моим делам.

С другой стороны, советоваться с кем-то из венецианцев я тоже не хочу: неизвестно, к каким спрятанным секретам я в конце концов приду и на чьей стороне окажется местный интриган. Нужен кто-то сторонний, находящийся выше городских интриг. Может быть, поговорить с Ди Майо? Да нет, это бессмысленно, все, что не касается хирургии и пациентов, его не интересует. Так что, опять обращаться к Лавинии Редфилд?

Посмотрю.

В конце концов, пример Альмы показывает, что нельзя одному человеку давать слишком много места в своей жизни.

Закрыв замки, я обновила все запирающие формулы, не поленилась взять в кабинете амулет-следилку и пристроить его понезаметнее над верхней площадкой лестницы. Кстати, когда я вернулась к чердаку, возле двери сидел и умывался Руди. Оторвавшись от недомытой лапы, кот посмотрел на меня желтыми глазами, открыл пасть и беззвучно сказал:

– Мя?

– Да, – ответила я, уже не удивляясь своей ненормальности. – Ты уж, пожалуйста, присмотри, кто сюда шастает.

За ужином я Альму не видела, она забрала поднос в свою спальню, и я, поразмыслив, последовала ее примеру. Уснуть мне не удавалось долго, лезли в голову всякие мысли, вспомнился некстати муж... в конце концов я плюнула на правила, налила себе полстакана драгоценного пятидесятилетнего келимаса, выпила одним глотком и, переведя дух, наконец-то заснула.

Каким бы ценным, выдержанным и тонким ни был с вечера келимас, а наутро дышать лучше в сторонку от окружающих. Конечно, зубная паста, контрастный душ и кофе несколько улучшают ситуацию, но, увы, не полностью. Именно об этом я думала, откинувшись на бархатных подушках в кабинке гондолы и глядя, как приближаются пакгаузы старого порта. Лавиния тоже была молчалива сегодня утром, так что тишину нарушали лишь плеск волн да голос Массимо, мурлыкавшего под нос какую-то песенку.

Хромой сторож вышел нам навстречу из переулка между церковью и trattoria и молча протянул руку. Я положила в его ладонь свиток, который мужчина развернул и внимательно просмотрел, не забыв изучить и подпись, и подвешенную на шнурке печать магического нотариата.

– Хорошо, пойдемте, – буркнул он и, прихрамывая еще больше, двинулся в тот же переулок. Короткий, метров десять, проход вывел нас к зданию все того же грязно-желтого цвета, возле двери которого была прикручена темно-синяя табличка с облупившимися серебряными буквами: «Порт Rimembranza, Венеция. Комендант».

Ага, не сторож, а целый комендант!

Войдя в помещение, он сел за письменный стол, неуклюже вытянув вбок ногу, и спросил:

– Так что вам нужно?

– Мы бы хотели найти то место, где была контора капитана Ансельмо Виченте в 1788 году, – терпеливо повторила я то, что говорила в прошлый раз. – И осмотреть здание. Снаружи и изнутри.

– Не знаю уж, зачем это вам понадобилось, там после Виченте еще, по крайней мере, четыре раза хозяин сменился. А в последние годы... – он не договорил фразу, махнув рукой. – Ладно, разрешение у вас в наличии, так что делайте что хотите. Только мне в архив не влезть самому.

– Ничего, мы справимся, – голос Лавинии прозвучал прохладно и как-то успокаивающе.

– Вот ключи от архивного склада, – комендант порылся в ящиках стола и вынул устрашающих размеров связку ключей. Внимательно осмотрев ее, он выбрал два, отцепил их от кольца и протянул мне. – Годы там расписаны, надо искать тубус со схемой порта, квадраты А или F, не помню, где была эта контора. Церковь слева обойдете, там длинное серое здание, дверь в торце, это и есть нужный вам пакгауз.

– Спасибо, – сказала я, забирая ключи. – Какие-то запирающие заклинания на двери есть?

Комендант хмыкнул.

– Там и обычного замка бы не было, если бы я его не поставил!

Склад производил впечатление – во-первых, длиной, во-вторых, количеством накопленной пыли. Ну, понятное дело, кто будет тратить магию на то, чтобы убирать помещение, последний раз использовавшееся сто лет назад? Лавиния громко чихнула и остановила меня:

– Подождите, Нора. Просто так это делать нельзя, мы задохнемся.

Указательным пальцем правой руки она очертила помещение и произнесла заклинание, одновременно левой рукой словно сворачивая что-то в рулон и плотно скручивая. По складу пронесся будто бы маленький смерчик, но пыль не взвилась в воздух, а собралась и мгновенно сжалась, смоталась в... ну, больше всего это было похоже на бревно. Толстое такое.

Бревно плавно пролетело по воздуху, выплыло в дверь и улеглось возле стены.

– Ну вот, – удовлетворенно сказала Лавиния, покрутив кистями рук в воздухе. – Теперь можно и карту поискать.

Разумеется, по закону подлости нужный нам тубус оказался на самом верхнем стеллаже, на высоте метра три. Все так же невозмутимо госпожа Редфилд пролевитировала его вниз, а я похвалила себя за мудрость: я ведь могла и одна сюда отправиться, и кто бы мне помог?

– Удивительно, что комендант вообще помнит, что четыреста лет назад здесь была контора капитана Виченте, – проговорила я, задумчиво разглядывая карту нужных нам квадратов. – Он же не маг, чтобы столько прожить!

– Не совсем так; он маг, только выжженный. Но все равно, ему не четыреста. Лет восемьдесят, я думаю, еще год-два, и он начнет стремительно стареть, – Лавиния водила пальцем по рисунку, пытаясь прочитать затейливую надпись. – Да вот же оно!

Палец ее уперся в один из прямоугольников, обозначавших здания. Присмотревшись, я разглядела какие-то цифры и нужное нам имя: Ансельмо Виченте.

– Так, если привязываться к двум постройкам, которые есть до сих пор, к церкви и траттории, то получается... – Я покрутилась вокруг собственной оси, пытаясь сориентироваться.

– Туда! – махнула рукой Лавиния. – Давайте запрем склад, вернем коменданту ключи от архива и поинтересуемся, как открывать нужную нам дверь.

Дверь была закрыта простейшим заклинанием *Latya Fennes*. Я толкнула створку, она с легким скрипом качнулась, и мы вошли.

– Ну вот, мы на месте. И что мы здесь ищем? – поинтересовалась моя спутница.

В ответ я протянула копию письма и ткнула пальцем в строку: «Ты найдешь записи в моей конторе в порту, в кабинете. Нажми на плитку под левым настенным светильником».

– Тайник. Четыреста лет назад. Ну, я же не могла пройти мимо!

– Похоже, что детство у вас было не особо веселое, если эти игры вам еще в двенадцать лет не надоели, – хмыкнула Лавиния. – Как вы вообще это нашли?

– Потом покажу, у меня дома, в Ка'Виченте.

– Хорошо, договорились, – она обвела взглядом комнату. – Что-то никаких светильников и плиток я тут не вижу.

– Это какое-то общее помещение, вон четыре письменных стола, скамейки, шкафы какие-то. Но ведь у хозяина должен быть отдельный кабинет, так? – возразила я и шагнула к единственной внутренней двери.

Да, здесь все выглядело по-другому. Конечно, из мебели остались только неподъемный даже с виду письменный стол на огромных тумбах да такой же массивный шкаф, ну и сине-белая керамическая плитка на стенах, остальное вывезли. Вездесущая пыль толстым слоем лежала на всем. Но все равно видно было, что когда-то тут сидел хозяин. Кстати, светильники-то как раз сохранились...

Я умоляюще посмотрела на Лавинию, и она, улыбнувшись, снова движением пальца собрала пыль в компактную плитку.

– Значит, говорите, левый светильник?

Нажатие на нижние углы плитки открыло глубокую узкую нишу, где в свете магического фонарика мы разглядели толстую тетрадь в кожаной обложке. Подцепив тетрадь магической плетью, Лавиния вытащила ее наружу, покрутила в руках и отдала мне, не раскрывая.

– Владейте.

– Спасибо, – я попыталась сунуть тетрадь в карман куртки, но она не помещалась.

– Хотите – положу в пространственный карман, потом заберете, – предложила госпожа Редфилд. – Только я не понимаю, почему, если эти записи были так важны для Ансельмо, он их спрятал в таком легкодоступном месте?

– Он бежал из города и до более серьезных тайников добраться не успевал... Там длинная история, но важно, что Ансельмо очень спешил и при этом мог доверять только сестре. А она, видимо, так и не смогла сюда приехать.

– Ладно, буду ждать длинной истории. Знаете, Нора, раз уж мы пустились в это приключение, давайте все тут обследуем.

Мы понажимали на остальные плитки, подергали за разные детали вычурных светильников, открыли и закрыли дверцы шкафа и потянули за полки... Увы, больше никакие тайны не хотели открываться. Со вздохом я уже двинулась было к выходу, когда Лавиния меня остановила.

– Нора, погодите-ка минуту. Мне кажется, или с этим шкафом что-то не так? Посмотрите, какая широкая боковая стенка, а глубина внутри сантиметров на пять или семь меньше! Еще один тайник?

– А как его открыть? – азарт кладоискателя охватил меня. – Вроде бы мы уже все в этом шкафу излазили...

– Не все, – возразила госпожа Редфилд с таким же энтузиазмом. – Петли на дверцах мы не проверяли. И вот эту резьбу на выдвижных ящиках!

Наконец резной герб поддался нажатию, и задняя стенка шкафа медленно поползла вверх. На месте деревянной плиты зиял проход, прямо от его края начинались ступени вниз.

– Тьма меня побери, да это же подземный ход! – воскликнула я и шагнула вперед.

Лавиния схватила меня за руку:

– Ты куда?

– Так подземный ход же, неужели ты не понимаешь!

– Нора, послушай меня, – произнесла она мягко. – Мы не можем лезть в эту дыру без подготовки. Свет, оружие, охрана... поверь мне, если бы без всего этого я совалась в каждый открывшийся секрет, до таких лет я бы не дожила. Мы не знаем, что там, внизу.

Я потерла ладонями лицо. Как-то неожиданно мы с Лавинией перешли на ты, но,

пожалуй, это мне не мешало. Действительно, она права. Оружие и прочее...

- Ты думаешь, там может прятаться что-то... опасное? - спросила я уже спокойнее.

- Если бы об этом ходе ранее было известно, уверяю тебя, Служба безопасности его проверила бы и запечатала. А раз его не открывали четыре сотни лет, я не хочу даже предполагать, что могло завестись там, в темноте.

- Тогда что, закрываем и отдаем безопасникам?

- Ну, по правилам положено было бы сделать именно так. А ты, конечно, хочешь посмотреть сама? - Лавиния смотрела на меня с пониманием.

- Знаешь, последние тридцать пять лет, примерно с того момента, как меня отправили в школу, я всегда вела себя так, как положено, - я отошла от шкафа и присела на край стола, глядя в окно, за которым виднелась желтая стена соседнего пакгауза. - И вдруг передо мной оказывается тайна. Настоящая, первоклассная тайна, реальная, не придуманная затейниками из агентства по развлечениям. Конечно, я хочу туда пойти сама. Составишь мне компанию?

Она помолчала, что-то прикидывая, потом ответила.

- Завтра среда, и ты будешь оперировать Карло, - я резко повернулась, услышав в этих словах неожиданное согласие. - До следующего вторника мне из академии не вырваться. Значит, через неделю. И я возьму с собой ассистента, а ты потребуешь у Пьетро охранника.

Глава 5. Medico della Peste

Запирающие заклинания на чердачной двери снова кто-то тронул в мое отсутствие. Кота поблизости не было, поэтому осматривали их мы с Лавинией вдвоем.

– Снимай эту путаницу, – сказала она, наконец сделав шаг назад. – Будем выходить – я тебе покажу более экономичный вариант, а то ты сюда чуть ли не треть резерва вкладываешь. Пока магическую силу не расходуешь, ничего, а вот завтра она тебе понадобится, что будешь делать?

– Договорились, – ответила я несколько нетерпеливо. – Так кто сюда пытался войти, ты можешь сказать?

– Не могу. Такое впечатление, что сетку твою просто задели, и все. Ну, ты ж амулет для записи поставила, посмотрим потом. Открывай, меня любопытство разбирает. Люблю старые чердаки.

Сейчас над Венецией висела дождливая дымка, и на чердаке было темновато. Мы подошли к картине, я привычным жестом сняла и отложила в сторону ткань, а Лавиния щелчком пальцев зажгла магический фонарик. Со вчерашнего дня полотно не изменилось: юная герцогиня по-прежнему требовательно смотрела на зрителей, маска-moretta валялась на полу, отброшенная, а в глубине комнаты виднелось зеркало в вычурной позолоченной раме.

Госпожа Редфилд обошла вокруг портрета, прочитала надпись на оборотной стороне и вновь остановилась перед Лаурой Виченте дель Джованьо.

– Вообще говоря, я слышала только об одном случае, когда портрет изменялся, так сказать, без участия художника, – сообщила она, не отрывая глаз от картины. – В Люнденвике, в 1892 году, знаменитый портрет Дориана Грея. Я тогда только пришла работать в Службу магбезопасности и участвовала в расследовании. Скверная была история и плохо кончилась и для художника, и для модели. Не боишься?

– Боюсь, – пожала я плечами. – Ну и что ж теперь поделаешь? Я имела неосторожность влезть в эту историю, и мне теперь кажется... только не смейся, ладно?

– Даже и не думала смеяться.

– Мне кажется, что эта девушка на меня надеется.

Лавиния повернулась и внимательно на меня взглянула.

– Экая ты... романтичная. Ладно, никаких темных следов я тут не вижу. Более того, в этом полотне вообще нет магии, только краски, холст и работа живописца.

– А в том, в Люнденвике, магия была? – жадно спросила я.

– И еще какая!

Тут я быстренько посчитала: история, упомянутая Лавинией, случилась почти триста лет назад. Мамочка моя, это сколько же ей лет? А я с ней на ты...

Видимо, мысли эти отпечатались у меня на лице, потому что госпожа Редфилд вдруг расхохоталась и похлопала меня по руке:

– Нора, я уже привыкла, что большинство окружающих младше меня намного, на целую жизнь. Меня это несколько не заботит. Так что, ты говоришь, менялось на картине?

Записывающий кристалл показал нам только горничную, которая мыла лестницу, и Руди, наблюдавшего за ней с верхней площадки.

– Кот и задел твою сетку, – сделала вывод Лавиния. – Ладно, ты про тетрадь не забыла? Прячь ее в сейф, да мне пора. Пройдусь до своего Ка'Ботта, может, какие-то подарки куплю. Маску, например.

Она усмехнулась каким-то своим мыслям и шагнула к двери, но в этот момент в кабинет вошла горничная с пакетом.

– Вам доставка, синьора, из Ка’Торнабуони.

– Спасибо, Мария, положите на стол, – рассеянно сказала я, запирая сейф. – Интересно, что там может быть?

Под упаковочной бумагой была довольно большая коробка, оклеенная красной с золотом тканью. Подняв крышку, я вытащила из упаковочных стружек маску – белую с нанесенным серебром и лазурью рисунком каких-то фантастических растений, с длинным изогнутым носом, больше напоминающим птичий клюв.

– Смотри, тут еще что-то, – Лавиния поворошила стружки и достала флакон из молочно-белого и синего стекла, свитого в причудливый узор. Она открыла крышку и осторожно помахала на себя ладонью, стараясь уловить запах. – По-моему, апельсин и что-то вроде бергамота. Яда не чувствую, магия наложена совсем слабенькая, только чтоб аромат долго держался.

Я поднесла к флакону браслет, но и он вел себя спокойно. Взяв в руки маску, приложила ее к лицу и подошла к небольшому зеркалу, висящему на стене в простенке между книжными шкафами.

– Маска доктора, – пояснила я. – Судя по всему, старинной работы. Там записки нет?

– Есть, – Лавиния протянула мне листок, на котором четким почерком было написано: «Удачи и твердой руки. Джан-Баттиста».

– Ну вот. Видимо, пожелание перед завтрашней операцией, – прокомментировала я.

– Слушай, а ты не боишься надевать маску, поглядев на Карло? Вдруг она не захочет сниматься... – неожиданно спросила Лавиния. – Мне вот жутковато как-то делается.

– Почему-то не боюсь, – я понюхала масло во флаконе и закупорила его. – Наверное, дело в том, что с самого начала Венеция приняла меня как свою.

– Будь осторожнее, – совершенно серьезно ответила мне госпожа Редфилд. – Смотри, куда шагаешь.

Я кивнула и неожиданно даже для себя сказала:

– Куда больше меня пугают старые зеркала. И от того, что на портрете Лауры Виченте появилось какое-то зеркало, мне не по себе.

– Да, пожалуй... Только тьма знает, кто и что может поселиться в глубине старого стекла.

Меня передернуло.

Перед завтрашней операцией мне нужно было поговорить с Карло. Меня ждали к ужину в Ка’Контарини, и милейшая Джузеппина чуть было не обиделась, когда я сообщила, что собираюсь есть вне дома. Гнев на милость она сменила только тогда, когда я отдала ей распечатки рецептов креольской и каджунской кухни, присланных мисс Ла Вироль, секретаршей моей матушки.

Выйдя из гондолы, я отправила Массимо отдыхать – неизвестно, насколько я задержусь у Контарини, и в любом случае домой меня отвезут на их катере. Беатриче, перебравшаяся в этот особняк еще вчера, пока не очень освоилась с ролью невесты и жалась к Карло. После ужина мне даже пришлось мягко попросить ее оставить нас с пациентом наедине.

Наконец двери малой гостиной затворились, и Карло устроился в кресле напротив меня.

– Волнуетесь? – спросила я.

– Уже нет, – ответил он спокойно. – В первый раз, когда пытались это снять, нервничал ужасно, а сейчас понял, что от меня уже ничего не зависит. Как будет, так и будет. А сколько продлится... операция?

– Это зависит от многих факторов. От полутора до четырех часов.

– Ну, то есть к вечеру-то я уже точно буду знать, с каким лицом мне жить дальше?

– Нет, Карло, – я покачала головой. – По окончании операции на семьдесят два часа, пока будет приживаться *rellis*, я погружу вас в сон. Нельзя оставлять даже малейшей вероятности, что вы заденете новую кожу.

– Понятно, – он потрогал серебряную маску на своем лице, потом, оживившись, сказал: – Я принес свой снимок, сделанный незадолго до... этого. Оказывается, он был у Беатриче.

Я взяла картинку. Очень красивый молодой человек, весело смеясь, протягивает бокал с красным вином навстречу невидимому собеседнику. Хорошее лицо, было бы здорово, если бы удалось полностью восстановить соответствие.

– Скажите, Карло, а почему вы не искали Беатриче тогда, год назад?

– Ну, тут все очень просто, – усмехнулся он. – Сперва я был в ярости и во всем винил Беа. Потом стал думать и анализировать и понял, что она-то уж точно ни при чем. Стал искать... ну, насколько мог искать с маской вместо лица. Даже у нас, в Венеции, все-таки не принято ходить в маске всегда. Отправлял слуг, просил друзей, куда-то обращался сам, но поиски мои словно упирались в стену – родных у нее нет, спрятать ее мог только брат, но он умер. Никакие официальные органы о Беатриче Каталани ничего сказать не могли.

Он встал, прошелся по гостиной, потом резко повернулся ко мне:

– Пьетро сказал мне о ваших подозрениях. Этого дурачка, Гвидо, я немного знал, и согласен: ему не по зубам такая сложная магия, как эта, – Карло вновь дотронулся до маски. – Но вот убейте, я не могу понять, кому я так помешал! Конечно, мой образ жизни был далеко не безупречным...

– Хорошо, что ты это понимаешь, – сказал вошедший в гостиную Пьетро. – Не помешаю?

– Мы практически закончили, – ответила я. – Вы хотели мне показать, где я буду работать завтра.

Взяв скальпель, я вознесла короткую молитву Бригите и сделала разрез точно по границе нормальной кожи и непостижимым образом соединенного с ней металла. Амулеты, останавливающие кровоток, исправно работали, те редкие капли, которые не улавливались, снимал тампоном Родерико Ди Майо. Я знала, что справа и чуть сзади, за щитом, отгородившим стерильную зону, стоят Лавиния, Пьетро и Беатриче. Напрасно, конечно, девушка пожелала присутствовать – зрелище будет неаппетитное. В роли анестезиолога сегодня выступал Джованни Тедеска, врач семьи Контарини. Его заботой было погрузить пациента в глубокий магический сон и следить за жизненными показателями.

Разрез дошел до конца, завершив круг, и я посмотрела на Родерико:

– Ну что, пробуем снять?

– Как ты думаешь, она полностью вросла в кожу или только по краям? – ответил он вопросом на вопрос.

– Ты же понимаешь, как бы там ни было, делать надо.

И, подцепив серебряный край маски, я осторожно за нее потянула...

Много позже, вспоминая эту операцию, я понимаю, что не взялась бы за нее ни за что, ни за какие блага этого и иных миров, если бы знала, что нас ждет. Больше никогда в

жизни мне не было так страшно.

Разумеется, серебро заменило кожу лица полностью, нечего было и мечтать, что это все срослось лишь по краям. И конечно, его пришлось срезать, по миллиметру проникая под треклятую маску. Амулеты не выдержали в какой-то момент, и кровь потекла сразу, заливая операционное поле. Доктор Тедеска тихо сказал: «Вот тьма, он просыпается. Придется добавлять медикаментозно!» Краем уха я услышала, как где-то, в тысяче километров от стола, раздался женский вскрик, и Пьетро раздраженно прошипел кому-то: «Уведите ее отсюда!»

– Лавиния, помогай, – рявкнула я, не заботясь уже о вежливости. – Если можешь, подпитай эти штуки!

– Попробую, – спокойный голос госпожи Редфилд прозвучал рядом, и через мгновение кровотечение уменьшилось, а потом и совсем прекратилось.

– Не могу подрезать возле глаз, – чья-то рука промокнула марлевым тампоном пот на моем лбу. – Родерико, ты не подлезешь?

– Нет, тоже не достаю, – ответил он. – Попробуем убирать маску по частям?

– погоди, я попытаюсь подобраться воздушным лезвием, – остановила его магичка. – Его можно изогнуть до нужной формы... вот так...

Я бросила взгляд на экран, куда еще один амулет, пока исправно работающий, транслировал схему операционного поля и пройденных участков. Слава Бригите, осталось немного, зато самое сложное: нос, виски и зоны около глаз...

Наконец скальпель полетел в лоток, воздушный нож истаял, и Лавиния сделала шаг назад. Так, вроде бы все? Подняв глаза на Родерико, я спросила:

– Взяли?

И мы сняли серебряного двойника с той анатомической модели лицевых мышц, которой предстояло стать нормальным человеческим лицом.

Еще через полчаса все было закончено. Спящего Карло увезли в комнату, где ему предстояло провести ближайшие семьдесят два часа под воздухопроницаемым абсолютным щитом. Слой pellis был нанесен по точно рассчитанной схеме, в соответствии со снимком, скреплен в должных точках соответствующими заклинаниями и уже начал свою работу. Всего трое суток, и, если никакие катаклизмы не разрушат этот дом, молодой человек очнется от наркоза и будет жить нормальной человеческой жизнью.

Я проконтролировала, как Карло был устроен, сказала пару слов сиделке, поблагодарила доктора Тедеску за отличную работу и пошла мыть руки и переодеваться. Ди Майо посмотрел на часы, отказался от предложения перекусить, сказав, что хочет успеть на поезд в пятнадцать десять.

– Так давайте я открою вам портал в Медиоланум, – предложила Лавиния, о чем-то тихо разговаривавшая с Беатриче.

– Увы, – Родерико махнул рукой. – К сожалению, я абсолютно не переношу порталов, сразу же давление подскакивает до критических значений...

Проводив его до катера, я вернулась к хозяину дома и, пока мы уничтожали sarde in saor, задала вопрос, давно вертевшийся у меня на языке:

– Пьетро, удалось ли найти, по кому ударил откат от проклятия? Что принесли ваши «ветерки»?

– Очень странные вести, – ответил он, откладывая вилку. – Единственный реальный ущерб – это Ка'Дамиани...

- Та самая трещина, о которой говорят даже рыбы в водах лагуны, - продолжила Лавиния.

- Вы думаете, это не может быть вызвано тем самым другим концом лопнувшей струны? - спросил Пьетро.

- Мне кажется, нет. В немногих предыдущих случаях, когда удавалось снять сильное проклятие, особенно посмертное, оно касалось не дома или имущества, а всегда самого мага, который его зарабатывал и...

- Или... - педантично добавила я.

- Или накладывал, - кивнула Лавиния. - То есть трещина, фигурально выражаясь, должна была не в фасаде дома случиться, а переломать кости умельцу.

- Слушайте, - меня осенила идея, - а не может ли быть, что автора формулы накрыло в момент ее использования? Мы ведь выяснили, что Гвидо Каталани был не слишком умелым магом. Мог что-то не так произнести...

- Ну, в принципе... - медленно проговорил Пьетро и переглянулся с госпожой Редфилд.

- Особенно в момент смерти... - добавила она.

Хозяин дома вскочил и вышел из столовой.

Вернулся он минут через пятнадцать, когда мы уже доедали risotto nero, а белое вино в бутылке достигло критически низкого уровня. Сев за стол, Пьетро залпом выпил то, что оставалось в его бокале, и сообщил:

- В тот же день, когда Карло получил свое проклятие, паралич разбил Франко Малипьеро.

- И что же здесь необычного? - я пожала плечами. - Резкий скачок давления, кровоизлияние в мозг...

- Франко - один из шести братьев Малипьеро. Они известны в городе своим необузданным нравом и несокрушимым здоровьем. Ему нет еще сорока, и незадолго до интересующей нас даты Франко проходил полное медицинское обследование. Никаких... даже тени, намек на проблемы не нашли.

- А зачем ему понадобилось полное медицинское обследование? - спросила вдруг Лавиния. - Ну, вот мои коллеги по Службе магбезопасности проходят его обязательно дважды в год, но это понятно. А к примеру, кое-кого из преподавателей академии можно к целителю или врачу загнать только угрозами.

- Я этого не знаю, - Пьетро покачал головой, - но выясню.

От десерта все отказались.

- Пожалуй, я попрощаюсь, - госпожа Редфилд встала из-за стола. - Завтра рано утром у меня практические занятия с седьмым курсом, а у этих студентов иной раз проявляется довольно злокозненное чувство юмора. Нора, вечером во вторник, если ничего не поменяется, я буду у тебя.

Она исчезла в голубом овале открывшегося портала, а я повернулась к Пьетро и сказала:

- Мне понадобится кто-то вроде охранника на пару дней, в среду и четверг на следующей неделе. У вас найдется?

- Маг, стрелок или просто квалифицированный телохранитель?

- Думаю, просто охранник, этого будет вполне достаточно, - улыбнулась я. - Завтра утром я загляну, чтобы посмотреть, как наш пациент.

Вернувшись домой, я нашла на письменном столе в кабинете большой конверт с

красными сургучными печатями донельзя официального вида. Внутри оказалось свидетельство о собственности на Ка'Виченте, заверенное Советом десяти, нотариальный контракт и выписка из реестра собственности. Все на мое имя. Ну что же, Пьетро Контарини щедро расплатился за выполненную операцию. Даже если я не получу гражданства Серениссимы, этот дом принадлежит теперь мне. Странное ощущение: до сих пор я жила, оказывается, будто на круизном корабле – все отлично, но завтра судно придет в порт, пассажиры сойдут на берег и отправятся кто куда. А сейчас я вдруг поняла, что вот это кожаное кресло, уголь в камине, зеркала в гардеробной, мебель в чехлах на чердаке и гондола вместе с красными бархатными подушками – все это принадлежит мне. Почему-то дом в Бостоне не казался мне настолько... личным. Впрочем, тот особняк выбирала и обставляла мама, пока я вместе с Фрэнком занималась организацией работы клиники, оперировала и преподавала. Что говорить, там даже сад оказался копией сада миссис Ван дер Валлен.

Так, нужно отослать копии всех документов господину Хюльтениусу...

Пока я сканировала бумаги и писала сопроводительное письмо, прошло довольно много времени. Нажав кнопку «отправить», я просмотрела все то, что насыпалось за сегодняшний день в электронную почту, с удовольствием ответила согласием на приглашение осенью прочесть курс лекций в университете Христиании и распечатала еще десяток рецептов, присланных моей матушкой. Пожалуй, уже можно устраивать небольшой прием с изюминкой в виде кухни Нового Света. Заодно и отпраздную вступление в ряды местных домовладельцев.

Я начала набрасывать список гостей, но в дверь кабинета постучали. На пороге стояла Альма.

– Нора, здравствуй, – сказала она и замолчала. – У тебя есть минута?

– Да, конечно, – я махнула рукой, предлагая ей сесть.

– Я завтра уезжаю... – она не смотрела на меня, крутя на пальце кольцо.

– Да, я помню.

– Ты... как прошла операция?

– Пока не знаю, все будет понятно через трое суток. Ты же помнишь, pellis должен сформировать все покровы.

– Мне очень жаль, что так получилось, – Альма наконец подняла взгляд. – Но в этом городе я жить не могу. Да и, честно говоря, секретарь тебе здесь без надобности...

– Наверное, ты права, – я вздохнула. – Во сколько у тебя завтра дирижабль отправляется?

– Посадка до восьми утра, отправление в девять. К пяти часам уже буду в Лютеции...

– Хорошо. Массимо отвезет тебя к причалам.

– Нет-нет, я уже вызвала катер, в гондоле меня укачивает! Не понимаю, как ты можешь передвигаться в этой... лодчонке! – в голосе Альмы прорвалось раздражение.

Я пожала плечами:

– В основном – с удовольствием.

– Ладно, Нора. Не буду затягивать прощание, – она встала и шагнула к двери, потом обернулась и добавила: – Я уверена, что ты пожалеешь о своем решении, и буду ждать, когда ты вернешься в Бостон!

Дверь захлопнулась, и я мысленно ответила: «Даже если я пожалею сорок раз, решение было мое. И ты все равно об этом не узнаешь».

Настроение испортилось, и составление списка гостей я отложила, убрав наброски в сейф вместе с документами на дом. Нужно взглянуть на бальный зал, я туда, кажется, и не заходила с тех пор, как перебралась в Ка'Виченте. Звонком я вызвала горничную и

попросила ее прислать в зал синьору Пальдини; Мария присела в реверансе и исчезла.

Зал был белым, с традиционными высокими стрельчатыми окнами, смотревшими на Гранд-канал. Мебели здесь практически не осталось, кроме пары пуфиков и рояля в углу. Получается, если звать гостей числом больше пяти, то нужно покупать всякие кресла и стулья сюда, большой обеденный стол в столовую и еще прорву всего...

– Как вы думаете, синьора Пальдини, мы сможем использовать что-то из мебели, хранящейся на чердаке? – озадачила я вопросом вошедшую экономку.

– Нужно посмотреть, синьора... – задумчиво ответила она, проведя пальцем по запылившейся поверхности лаковой консоли и покачав головой. – Насколько я помню, там были кресла и пуфы, которые когда-то стояли здесь, в бальном зале, и три или четыре ломберных столика. Только вот в каком они состоянии? Все нужно проверить...

Проверка привела к тому, что мы обе запыхались и слегка пропылились, зато нашли упомянутую мебель в очень приличном виде. Приведя себя в порядок, переместились в кабинет и обсудили, что же нужно купить, чтобы вернуть Ка'Виченте былой блеск, и удовлетворенная экономка отправилась наводить страх на горничных. Ну, пыль-то и в самом деле не была вытерта...

Я взглянула на часы и решительно взялась за коммуникатор. Не хочу ужинать одна.

Вообще-то, увидев на экране коммуникатора лицо Джан-Баттисты Торнабуони, я немного занервничала. То есть, говоря честно, у меня просто сердце ушло в пятки. Но он улыбнулся так радостно, что уже совсем легко я сказала:

– Простите меня, Джан-Баттиста, я съездила в старый порт без вас. Так уж получилось...

– Даже не знаю... протянул он, – можно ли такое прощать. Вам придется загладить свою вину, синьора!

– Ужин может ее слегка искупить?

– По-крайней мере, положит начало!

– Тогда...

– Я заеду за вами через час, успеете собраться? – не дал он мне договорить.

– Постараюсь! Но скажите хоть, куда мы поедem? Нужно маску, вечернее платье, что-то особое?

– Маска не помешает, а так – обычная одежда. Мы отправимся ужинать в одну старую тратторию на Торчелло, там отлично готовят крабов.

Ну, раз обычная одежда, пусть платья повисят в гардеробной. Ограничусь душем и сменю рубашку на свежую. Над маской я задумалась, протянула было руку к подарку Джан-Баттисты, *dottore dela peste*, но потом решительно взяла простую черную маску-коломбину. Сбежав с лестницы, заглянула на кухню и отдала кухарке новые распечатки рецептов, добавив:

– Я подумала над вашей идеей, Джузеппина, и планирую устроить ужин для друзей.

– Прием, синьора! – поправила меня эта повелительница миксеров и укротительница котлет. – Ужин в стиле Нового Света, музыка и танцы! М-м-м!

Она зажмурилась и повела носом; в воздухе явственно запахло ванильным кремом, и я слотнула слюну. Джузеппина открыла глаза и уставилась на меня с некоторой алчностью:

– Вы не обедыли дома, синьора, и вот теперь голодны, как бродячий котенок!

– Мр! – подлил масла в огонь Руди, запрыгнувший на высокую табуретку возле стола.

– Тарелку пасты, синьора? Или, может быть, минестроне для начала? – кухарка засучила рукава и взяла в руки половник.

– Нет-нет, моя дорогая, – торопливо сказала я. – Меня пригласили ужинать, вот я прямо сейчас уже иду! Не знаю точно куда, но мне сказали, там хорошо готовят...

– И я готов повторить сказанное! – раздался за моей спиной веселый голос Джан-Баттисты.

Вот интересно, с каких пор представители высшего света заходят на кухню в чужом доме, словно на свою? Однако его появление смягчило мою суровую кухарку, и я смогла без угрызений совести попросить к завтраку те самые ванильные булочки с кремом...

Ужин на острове Торчелло был очень спокойным. Меня наконец настиг откат после операции, навалилась усталость, и в какой-то момент я даже пожалела, что не ограничилась бокалом вина и тарелкой минестроне дома. Но еда оказалась действительно превосходной, домашнее вино освежало и разгоняло усталость, а мой сегодняшний компаньон, словно почувствовав мое нежелание говорить, и сам был молчалив... Волны бились о каменные ступени, и от ветки мимозы, стоящей на столе в простом стеклянном стакане, шел густой аромат. Промокнув последние капли восхитительного соуса кусочком белого хлеба, я жалобно посмотрела на Джан-Баттисту и сказала:

– По-моему, я съела свою норму на три дня вперед... И на десерт меня уже не хватит.

– Кофе? – мужчина помахал рукой официанту.

– Нет, иначе я не засну. Домой-домой, и завтра я буду спать до обеда!

В гондоле Джан-Баттиста спросил:

– Нора, вы смертельно устали или хватит сил на десятиминутную прогулку?

– М-м-м... – я прислушалась к себе: ноги умеренно гудели, но, в принципе, пока я не падала в изнеможении. – Должно хватить. Ваши предложения?

– Увидите!

Лодка причалила недалеко от Риальто, возле небольшого храма Ниалы, будто выросшего в землю. В окне горел небольшой огонек, и мой спутник сказал:

– Читают наставление над усопшим; у тех, кто поклоняется Белой богине, положено в течение суток после смерти читать священные тексты, чтобы душа умершего нашла верный путь. У этого храма небольшая община, всего человек двести, так что, я думаю, ночное бдение взял на себя здешний пастырь. Вот посмотрите, – он подвел меня к фасаду церкви и показал на мозаичное изображение женщины в белом хитоне, стоящей на каком-то цветке. – Этой мозаике столько же лет, сколько храму, а он построен в двенадцатом веке...

В колеблющемся свете магического фонарика я рассмотрела тонкое печальное лицо Ниалы, темные волосы, убранные в простую прическу, свиток в руках. Подумать только, больше тысячи лет этому изображению!

А Джан-Баттиста тем временем увлек меня в узкую calle, провел по мостику над узеньким, метра два шириной, каналом и остановился перед высокой узорчатой решеткой.

– Минутку, – проговорил он, жестом фокусника доставая откуда-то два огромных ключа, – теперь закройте глаза!

Я послушно зажмурилась. Брякнул металл о металл, заскрипели петли, и мужская рука уверенно повела меня вперед по гладким каменным плитам. Зажурчала вода, мы остановились, и мой чичероне разрешил мне смотреть.

Мы стояли в просторном квадратном дворе; в центре его пел свою песню небольшой фонтан, окаймленный кустами роз, и их аромат плыл в воздухе. Дорожка прихотливо извивалась под высокими деревьями, усеянными крупными белыми цветами, а запрокинув голову, я увидела россыпи звезд. Джан-Баттиста повернул меня к себе и поцеловал.

Я сдержала данное себе самой обещание и проспала на следующий день почти до обеда. Ничего удивительного в этом не было: десятиминутная прогулка незаметно превратилась в два часа, мы целовались на каждом шагу... Совсем уже не вспомню, как я добралась до постели. Если бы не аромат кофе и ванили, я бы и еще пару часов прихватила, но кофе хотелось все-таки больше, так что я села в кровати и открыла глаза.

Улыбающаяся горничная поставила передо мной поднос с чашкой, сливочником, тарелкой с булочками и вазочкой с алым маком. За окном в моем собственном маленьком садике перекликались птицы, день обещал солнце и тепло, и жизнь определенно была прекрасна.

Идея приема захватила Джузеппину, как гномий хирд захватывает неохранный рудник, то есть мгновенно и неотвратно. Теперь она тренировалась в приготовлении блюд по рецептам, полученным от моей матушки, а в тех случаях, когда каких-то ингредиентов найти не удавалось, настигала меня в любой точке Ка'Виченте и расспрашивала о том, что же такое каджунская смесь, и чем можно заменить копченый перец чили.

Процесс уплотнения геля и формирования эпидермиса и прочего шел вполне в штатном режиме. В принципе, по прошествии двух суток уже можно было бы разбудить пациента, но я придерживаюсь того мнения, что торопиться в данном случае ни к чему. Шесть раз в сутки Карло подпитывали капельницами, обратные процессы тоже не представляли труда для опытных сиделок. Вообще, медицинское крыло Ка'Контарини было столь обширным и так хорошо оборудованным, что невольно я задавала себе вопрос: к каким военным действиям они готовятся?

Не утерпев, я спросила об этом Пьетро; тот посмотрел недоумевающе, потом расхохотался:

– Нора, это традиция, идущая еще с моего прапрадеда! Лет семьсот назад, когда мессере Лодовико построил этот дом, в нем было три корпуса: жилой, казарма и госпиталь. И вот это крыло, – он широким жестом обвел рукой палаты, операционную, инструментальную и кабинеты врачей, – использовалось тогда ох как часто. С тех пор Ка'Контарини изрядно разросся, но госпитальный отсек мы сохраняем и совершенствуем.

– Понятно, – протянула я.

Ничего не было понятно, граф явно недоговаривал. Но зачем мне лишние тайны, мне и имеющихся хватает...

После утреннего визита к пациенту мы с Франческой отправились на Мурано. Мне хотелось купить новую лампу для письменного стола или просто абажур к старой, у моей подруги тоже были свои планы. Лампу я выбирала долго, сравнивала и предвкушала, какая будет лучше смотреться на моем рабочем столе и не станет слишком уж резко диссонировать с компьютером. Хороша была светящаяся ваза из золотистого стекла с букетом синих и фиолетовых ирисов, но свет получался слишком уж рассеянный. Или взять ее в качестве ночника? Забавная лампа-шар из красных и прозрачных стеклянных блинчиков, дрожащих на тонких ножках, показалась мне слишком уж модернистской, как и ее родственница из зеленых длинных листьев с молочно-белыми и золотыми бубенчиками на концах. Нет, хотелось классики, пусть и слегка вычурной; черный лак и золотые карпы моего кабинета требовали именно ее.

Наконец я нашла искомое: зеленое стекло с золотой гравировкой, классической формы

ваза, из которой вырастала невысокая ножка, заканчивающаяся изящным колпаком того же цвета травы, но только более светлого. Подозвав продавца, я попросила запаковать мою находку и доставить ее в Ка'Виченте. Потом вздохнула, махнула рукой и добавила вазу с ирисами. Поставлю на ночной столик и буду надеяться, что Руди не смахнет ее на пол. Я расплатилась и побрела по выставочным залам в поисках Франчески. Тут внимание мое привлекла распахнутая дверь. Странно, раньше она все время была закрыта. Появилось что-то новое? Я заглянула в проем: небольшой зал, даже, скорее, комната, две витрины с бокалами и вазами и высокое напольное зеркало.

Зеркало? Мне кажется, или именно его я видела, когда портрет Лауры дель Джованьоли очередной раз изменился? Высокое, в мой рост, на бронзовых массивных львиных лапах; рама, разумеется, стеклянная, со строгим пурпурным геометрическим рисунком...

– Вас что-то заинтересовало, синьора? – раздался за моей спиной голос. Знакомый голос, мастер... Вельди, да!

– Добрый день, – я повернулась к нему. – Да, очень красивое зеркало. Я таких больших здесь не видела...

– Мы их редко делаем, только если под заказ. Настенные пользуются куда большим спросом.

– А это?...

– О, это зеркало – особый случай. Дирекция решила расширить мастерские и поэтому стала сносить старый склад. Там, в одной из секций, его и нашли. Судя по орнаменту и тону отделки, это конец восемнадцатого века, работа, скорее всего, семьи Сальвиати.

– А для кого его делали, установить нельзя? – жадно спросила я.

– Можно попробовать... Вас оно заинтересовало? Должен сразу сказать, это очень дорого, даже без истории. Синьор Барузи, владелец фабрики, предварительно оценил этот предмет в восемь тысяч дукатов.

Восемь тысяч дукатов – это цена экипажа самой последней модели, с подкачкой энергии элементарей на десять лет. Да уж, недешево!

– Все равно, – решительно сказала я. – Такая вещь и не может быть дешевой. Конечно, я должна немного подумать, хотя бы о том, куда его поставить. Но, пожалуйста, на пару дней пометьте его как проданное!

– Да, синьора, до понедельника это зеркало будет ждать вас, – поклонился мастер Вельди и повесил на край рамы ярко-красный ярлык.

У меня хватило терпения найти Франческу, оценить ее приобретения – потрясающей красоты чайный сервиз и несколько блюд для фруктов – и неторопливо доплыть на ее лодке до Ка'Виченте, обсуждая предстоящую регату на Гранд-канале и шансы гондольеров на призовое место. Внутри у меня все кипело от желания скорее взбежать на чердак и увидеть то зеркало на портрете.

Да, я прыгала через ступеньку, и мне совсем не стыдно. Все равно никто меня не увидел, кроме Руди, умывавшегося на верхней площадке лестницы. Кот оторвался от задней лапы, посмотрел на меня, встал и подошел к чердачной двери, всем видом говоря: «Открывай давай, что тут тянуть?»

Привычным жестом сняв и сложив чехол, я посмотрела на Лауру. Нет, ее поза не изменилась, а вот зеркало теперь стояло совсем рядом, и нежный профиль девушки отражался в нем. Ну, точно, то самое! Рама, рисунок на ней, бронзовые лапы... Но позвольте, если зеркало нашли на складе совсем недавно, значит, его никак не могли изобразить? Или могли? Нет, глупо предполагать, что Лаура отправила бы его назад, на фабрику, – распорядилась бы отправить на чердак, и дело с концом.

Я стукнула себя по лбу. Да его же вообще не было на картине!

– Мр-р-р, – сообщил Руди, сидящий рядом с портретом.

- Дружок, - я наклонилась и почесала его за ухом, - я пока плохо понимаю по-кошачьи. Ты считаешь, нужно выкинуть кучу денег, купить загадочное зеркало и вместе с загадкой привезти его сюда?

- Мя, - подтвердил он и пошел к двери.

- Вот только этого приключения мне и не хватало, - вздохнула я. - Кажется, все остальные я уже обрела на свою голову...

В субботу утром, сразу после завтрака, я села в скоростной катер семьи Контарини и отправилась к Карло. Пора было оценивать результаты операции. Пьетро снял защитный купол, сиделки отключили все приборы, и доктор Тедеска произнес пробуждающее заклинание. Молодой человек открыл глаза.

Ну что же, без ложной скромности могу сказать, что работа мне удалась. Нам всем она удалась, не только мне, конечно. Это было именно то лицо, которое я видела на снимке: живое, красивое, с богатой мимикой. Карло улыбнулся, привычным жестом потянулся, чтобы дотронуться до скулы, и с тревогой взглянул на меня.

- Уже все можно! - я махнула рукой. - Умываться, тереть глаза, улыбаться и хмуриться. Вот, правда, бриться в ближайшие годы вам не придется...

- О, я не буду из-за этого плакать! - он вскочил с кровати, стиснул меня в объятиях и закружил по комнате. - Боги, я свободен наконец!

- Карло, вы помните о Дориане Грее? - спросила я, мягко высвобождаясь. - Теперь у вас будет такое лицо, которое вы зарабатываете...

- Да, синьора, - очень серьезно произнес он, склоняясь к моей руке. - Я буду просыпаться с этой мыслью и засыпать с нею же.

- Далее, - продолжила я, возможно, более строгим голосом, - никакого алкоголя в течение полугода. Потом еще год - не более бокала вина в день, лучше белого. До конца мая постарайтесь закрывать кожу от солнца. Потом можно потихонечку загорать - полчаса-час с утра и вечером. Впрочем, я все это распишу в подробностях.

- Я думаю, что мы уедем в свадебное путешествие в Данию и Норсхольм, - кивнул Карло. - Там у меня живут друзья, и в Христиании уж точно в апреле солнца будет немного.

- Прекрасная мысль, - одобрила я. - Ну что же, пойдете? Я бы хотела где-нибудь сесть и написать в деталях показания и запреты.

- Спасибо, Нора, - Пьетро обнял меня. - И вот еще один важный момент. Через две недели свадьба этого мальчишки и Беатриче, согласитесь ли вы представлять семью невесты?

- А что говорит сама девушка?

- Она согласна, - ответил Карло. - В общем-то, если бы не вы, она бы в этом монастыре и до лета не дожила, я так думаю.

- Ну что же... Родственников у нее нет, ничьего места я не займу, так что - да, согласна!

Мы вышли в коридор, и от стены тенью метнулась Беатриче, схватила Карло за руки, вглядываясь в лицо, и наконец радостно рассмеялась:

- Совершенно такой! Синьора!.. - она присела передо мной в глубоком реверансе.

- Пойдем, милая, - обнял ее жених. - Тебе тоже нужно выслушать все, что скажет доктор Хемилтон-Дайер.

Ка'Контарини я покинула уже поздним вечером. Слегка нетрезвая и перегруженная

информацией о своих обязанностях в качестве представительницы стороны невесты. Что нужно делать и что категорически нельзя, какое должно быть у меня платье на венчании и на приеме, что подавать правой рукой и что левой – все детали смешались в моей памяти в разноцветный клубок. Ну и ладно, на свежую голову расспрошу Франческу, она истая латинянка, все должна знать. Я сладко зевнула, представляя себе, как приму душ, полчаса послушаю музыку и лягу спать. В этот момент за открытой шторкой кабины я увидела гондолу, поравнявшуюся с моей и двигавшуюся. Гондольер что-то крикнул Массимо, тот ответил – оба говорили на местном диалекте, почти непонятном для меня. Кабина этой гондолы была наглухо закрыта темными плотными занавесями. Я невольно обратила внимание на небольшой золотой герб на дверце: павеза, рассеченная вертикально, с соколом в левом поле и оливковой ветвью в правом. Где-то я слышала о таком гербе, но вот где? Есть там внутри кто-то, отдавший лодочнику приказ, или, может быть, этот молодой человек просто знакомый Массимо? Тут шторка отодвинулась, и в окошке я увидела человека в бауте и треуголке. Невозможно было даже понять, мужчина это или женщина; впрочем, а для чего же еще и придумывали бауты, если не для того, чтобы носящий ее оставался неузнанным?

Чужая гондола прижалась к моей практически вплотную, и я услышала учащенное дыхание неизвестного, почувствовала даже запах духов, резкий и горький. Рука в белой перчатке ловко перебрала мне на колени конверт, шторка задернулась и черная длинная лодка мгновенно, без рывка или всплеска весла, ушла вперед. Почти сразу же я почувствовала, что Массимо остановился возле причала, а через мгновение он открыл дверцу и встревоженно спросил:

– Синьора, вы в порядке?

– Пока да. Что это было, Массимо? – спросила я несколько заторможенно. Могла бы и не спрашивать, и так понятно, что таким образом признания в любви не передают, так что угрозы, скорее всего...

– Тот гондольер предупредил меня, что его хозяин настроен очень решительно и чтобы я не пытался уйти. Вам, мол, хотят только передать известие.

– Ну, ты и не стал пытаться... я поняла.

– Нет, синьора, вы именно что не поняли. На веслах той лодки был Антонио Лукани, он трижды побеждал в гонках. Я бы все равно не сумел, от него не уйти. Он поклялся, что вам не причинят вреда.

– Если ты знаешь его имя, значит, знаешь, как зовут хозяина? – оживилась я.

Массимо только покачал головой.

– Антонио перешел к другому *proprietario*, и никто не знает к кому.

– Ясно. Ладно, Массимо, поехали домой.

– Слушаюсь, синьора!

Он исчез, и гондола отошла от причала. Я задумчиво повертела в руках конверт. Заклеен, вроде бы никакой магией не веет, а там кто его знает? Если б я еще умела это определять! Нужен кто-то из серьезных магов. С Пьетро я рассталась полчаса назад, и, судя по его состоянию, он немедленно отправился спать; кстати, у меня самой легкое опьянение прошло, будто я не пила вина неделю. Лавиния будет здесь только во вторник. Так, минуточку! Лавиния – это Служба магической безопасности. В Венеции глава этой Службы Джан-Марко Торнабуони, младший брат Джан-Баттисты. Так какого же Темного я торможу?

Набрав номер на коммуникаторе, я выждала несколько мгновений, пока пойдут гудки. Один, два, три... Вот же тьма, неужели он занят? Ну, понятно, вечер субботы, мало ли что...

Но тут сигнал в коммуникаторе прервался, на экране появилось раскрасневшееся лицо Джан-Баттисты, и его встревоженный голос спросил:

– Нора, что-то случилось?

– Все в порядке. Ну, почти. Я... мне нужно поговорить с Джан-Марко. Это возможно?

– Минутку, – он исчез, уступив место старшему брату, впрочем, такому же взмокшему. В футбол они там играют, что ли?

– Джан-Марко, я получила странное письмо, и опасаясь его вскрывать, – сказала я быстро. – Вы могли бы...

– Я буду у вас через час, – тут же ответил он. – У вас найдется противоударный бокс Коркорана?

– Вряд ли.

– Тогда... знаете что, суньте письмо в сейф и уйдите из кабинета. Пожалуйста. Я скоро буду.

В сейф! В кабинете! А если оно взорвется? Мои лаковые шкафы с очаровательными китайцами и золотыми карпами, мой компьютер, моя новая зеленая лампа!..

Я мысленно дала себе подзатыльник, пообещала Джан-Марко, что все сделаю, и отключилась.

Гондола остановилась у причала Ка'Виченте, я вышла, поблагодарила Массимо, и тут у меня будто что-то щелкнуло в памяти. Ну, конечно же – рассказ Беатриче, злое лицо Чинции, неизвестный нобиль – любитель молоденьких девочек, вот почему рисунок показался мне знакомым. Такой же герб девушка видела на подушках гондолы, и Пьетро собирался выяснить, кому же он принадлежит. Как все странно сплетается...

Братья Торнабуони появились в Ка'Виченте даже меньше чем через час. Это время я провела в будуаре за чашкой, кажется, ромашкового чая; не знаю, что именно принесла мне синьора Пальдини. Вполне могла принести цукуту, я бы и ее выпила, не заметив. Несколько успокоил меня Руди: пришел, прыгнул ко мне на колени, потоптался, чувствительно выпуская когти, лег и боднул руку лбом – чеши! Вот сорок минут я и чесала...

Джан-Марко попросил меня открыть сейф, надел на руку какую-то металлизированную перчатку, достал письмо и положил на стол. Пара пассов, шепотом сказанная формула, и маг расслабился, будто пар выпустил.

– Чисто, Нора. Не могу ничего сказать о содержании, но никаких магических ловушек нет. Будете читать?

– Да. Спасибо, Джан-Марко, – я протянула руку, взяла письмо и снова повертела его в руках. Почему мне показалось, что от него исходит угроза, чего я так испугалась, будто буки, прячущейся под кроватью? Вскрыла конверт и вытащила длинный листок. Четкий почерк, черные чернила, хорошая дорогая бумага.

Синьора Хемилтон-Дайер, хорошо относящиеся к вам люди советуют прекратить навещать в Rimembranza. Ваше любопытство не устраивает заинтересованных лиц.

Я подняла взгляд на Джан-Баттисту и протянула ему письмо:

– Что это, скажи мне? «Держитесь подальше от торфяных болот»? Признаться, я думала, такое вышло из моды уже лет двести назад!

Младший Торнабуони окинул взглядом две строчки и передал письмо брату, а я продолжала бушевать:

– Что, вообще, за манера, так передавать письма? По электронной почте для них недостаточно гламурно получается?

– Милая, электронную почту отследит любой первокурсник. Магический вестник – тем

более, – Джан-Баттиста погладил меня по руке. – А здесь ты ничего не можешь рассказать, ты видела лодку и маску. Гондолы и бауты все одинаковы... Кстати, а что за интерес у тебя в старом порту?

Хм, глаза у братьев вспыхнули совершенно одинаковым любопытством. Могу поспорить на тупой скальпель против доли в моей клинике, в СМБ работают оба...

– Мне теперь принадлежит Ка'Виченте, если вы не в курсе, – ответила я, постаравшись сделать максимально непроницаемое лицо. – Когда-то здесь жил капитан Ансельмо Виченте, последний из этого рода, и я хочу найти информацию о его жизни и смерти. А у него была контора в старом порту...

– Так, может быть, ты там уже все изучила? – рука Джан-Баттисты ласково поглаживала мою ладонь, и очень хотелось расслабиться, замурлыкать и со всем согласиться. Но я вспомнила: тайник, тетрадь, подземный ход... Да я же до смерти буду вспоминать, как повернула назад от порога настоящей, неподдельной тайны!

– Пока нет, – ответила я, отнимая руку. – Но в следующий раз я поеду туда с охранником, Пьетро уже обещал.

– А когда ты собираешься? Давай я разберусь с делами и поеду с тобой! – Джан-Баттиста не успокаивался.

Я лихорадочно соображала: придется показать ему свеженайденный подземный ход. Это минус. Но за спиной будет не один, а два сильных мага, а на деле – весь клан Торнабуони. Это несомненный плюс, и он пока перевешивает. Тетради с дневниками я оттуда забрала, хотя пока и не успела их почитать. Во всяком случае, никаких тайн герцогини Лауры я вроде бы не выдам и ни в какую венецианскую интригу не влезу. Хотя о чем я говорю: сегодняшнее письмо, переданное столь мелодраматическим способом, доказывает, что как минимум одна интрига меня уже захлестнула. И связана она как раз со старым портом...

– Хорошо. Я планировала отправиться туда с Лавинией Редфилд, она будет у меня во вторник вечером. Так что в среду, если сможешь, присоединяйся.

– Мм, и госпожа Редфилд участвует? – Джан-Баттиста рассеянно смотрел на меня, что-то прикидывая. – Это хорошо, это просто замечательно.

– Да уж, – вмешался в разговор его брат, тщательно складывая письмо. – Пожалуй, если бы мне предстояло смертельно опасное предприятие, то именно ее я бы хотел иметь за спиной. Конечно, ваша поездка в старый порт безопасна, но раз профессор заинтересовалась... Нора, скажите, я могу взять это письмо?

– Пожалуйста, – пожала я плечами. – Я его прочла и вряд ли буду перечитывать.

Братья Торнабуони ушли, обновив все защитные заклинания на Ка'Виченте, а я поняла, что спать не хочу абсолютно. Зато ужасно голодна; нервное, должно быть. И еще хочу начать читать дневники Ансельмо.

Стараясь ступать как можно тише, я спустилась на кухню. Время уже почти полночь, было бы жаль разбудить Джузеппину; когда она печет булочки, встает, по-моему, часов в пять утра. Но кухарка, неожиданно для меня, была на своем посту. Правда, все было убрано, плита погашена, кастрюли и сковороды надраены, а женщина, сидя за столом, увлеченно читала какую-то книгу.

Я нерешительно остановилась на пороге: что мешать-то, и так целый день крутится! Наверное, нужно ей помощника взять... Но тут Джузеппина подняла голову и увидела меня.

– Синьора, вы что-то хотели?

– Да, думала, может бутерброд какой-нибудь перехватить... Что-то разнервничалась и проголодалась, – призналась я.

– Да как же можно, на ночь глядя – и бутерброды? Не подросток небось, всухомятку питаться. Сейчас я вам рыбку... холодную будете? С острым соусом?

– Буду, конечно!

Рыбка была замечательно хороша. После моих уговоров Джузеппина налила бокал вина и себе и призналась, что читает любовный роман.

– Говорят, эльфы пишат! Такая любовь, синьора, читаешь – и таешь, словно мороженое.

Я посмотрела на обложку: мускулистый мачо держал в объятиях хрупкую блондинку с поволокой в очах. На заднем плане виднелись невыносимой красоты руины. Эльфы, говорите? Ну-ну... Ладно, не буду разрушать воздушный замок ее мечты.

– Идите спать, Джузеппина! – сказала я строго. – И утром никаких булочек не пеките, просто омлет, пожалуйста. Я встану часов в десять, так что рано не вскакивайте.

Кухарка украдкой зевнула и ушла в свою комнату.

Конечно, я не стала на ночь глядя читать дневники. Да и спать захотелось после еды совершенно невыносимо... А вот после завтрака, усевшись за стол в кабинете, я раскрыла перед собой первую из трех тетрадей, охватывавшую период между 1783 годом, когда Ансельмо стал капитаном собственного корабля, и концом года 1786-го. Рассуждения о том, какой из грузов надо взять... упоминания пары веселых домов и тамошних обитательниц... сдержанная злость по поводу перехваченного конкурентами выгодного фрахта... опять о девицах...

А, вот это интересно: опасения пополам с радостью из-за помолвки Лауры с герцогом дель Джованьо. С одной стороны, он герцог и богат несметно, с другой – на двадцать с лишним лет ее старше, да и слухи о нем ходят неприятные, и все больше о жестокости и гневном характере. Дальше опять о грузах... Так, у нас назрела дуэль из-за дамы с неким заезжим кавалером из Болоньи; со сдержанным торжеством Ансельмо пишет о том, что хватило финта с атакой, имитирующей укол в плечо справа, и внезапного удара в кисть, чтобы противник отступил и сдался. И снова с тревогой о грядущем браке сестры; пусть он и назначен через три года, после ее девятнадцатилетия, но герцог не становится моложе или добрее...

Я читала эти строки, то выведенные красивым четким почерком, то написанные в спешке или на корабле во время качки, и перед глазами вставал капитан Виченте в горячке боя, или, может быть, после шторма... Будто бы хорошо знакомы мне были его карие глаза и загорелое лицо под широкими полями простой шляпы, плотно надетой поверх ярко-красной банданы.

Так, спокойно, остудила я себя. Читай, Нора. Читай, тебе нужна информация, а не романтические переживания.

Продолжив изучение дневников, я уже спокойно отмечала белыми закладками страницы, где упоминалась Лаура, зелеными – с именами или должностями нобилей и просто венецианцев, желтыми – о Ка'Виченте, купленном как раз в этот период, в 1785-м. Красные закладки ждали своего часа, чтобы пометить сведения о любом из семьи Лоредано, но в первой тетради дневников их не было.

Встав из-за стола, я помахала руками, чтобы размять плечи, и спустилась на кухню за чашкой кофе. Мои домашние отправились в церковь в честь воскресного дня: Джузеппина и синьора Пальдини – к Великой Матери, горничные, кажется, к Единому; Массимо, подозреваю, под удобном предлогом улизнул к своей девушке. В доме я была одна, и это было даже приятно. Сделав себе бутерброд из толстого куска ноздреватого, еще теплого домашнего хлеба, намазанного острым красным соусом, с хорошим ломтем окорока, увенчанным маринованным огурчиком, я вернулась в кабинет и продолжила знакомство с дневниками капитана Виченте.

В конце концов красные закладкигодились в третьей тетради.

Был самый конец 1787 года, оставалось недели две до праздника Перелома, самой короткой ночи в году. Ансельмо уже месяца полтора был на берегу: шторма, ничего не поделаешь. Тратить деньги в трактирах и веселых домах на Fondamente delle Tette ему надоело, но чем еще заняться капитану, когда море бушует, обещая утянуть на дно его галеон?

Выйдя из таверны, где он встречался с возможным фрахтователем, капитан Виченте завернул за угол за известной надобностью. Затянув шнурки, он готов уже был отправиться домой, к сестре, когда услышал негромкие голоса над своей головой. Двое мужчин беседовали у окна, распахнутого по случаю неожиданно теплой погоды. Беседовали? О нет, они ссорились, и то, что разговор велся тихо, только добавляло накала. Тот, который говорил более низким голосом, обвинял второго в нечестном ведении дел, утаивании части прибыли, шельмовстве при расчете. Обладатель скрипучего тенорка отбивался, отвечая на упрек двумя, а на цифру – пафосом. Неожиданно звякнуло, раздался стон, и что-то тяжелое упало на пол.

Ансельмо прижался к стене, стараясь с нею слиться, и вовремя: из окна высунулся мужчина и внимательно осмотрелся. Лицо его было знакомым: Клаудио Лоредано, старший сын дожа Луки Лоредано. Похоже, только что капитан стал обладателем очень горячей тайны. По слухам, Клаудио собирался сменить отца на посту дожа, а закон Серениссы однозначно запрещал избирать на какую-то из высших должностей убийцу или любого члена его семьи.

Тем временем, судя по звукам, Лоредано подтащил тело к окну, рассчитывая попросту сбросить его в канал. Ансельмо нащупал рядом какую-то нишу, втиснулся в нее, благословляя Единого за прихотливую фантазию строителей и сгущающиеся сумерки. Мертвец шмякнулся о каменные плиты узкой fondamente, и свет из окна упал ему на лицо: мелкие черты, светлые брови, длинный и тонкий нос. В груди торчал кинжал с богато изукрашенной рукояткой и крупным рубином в навершии. Лицо незнакомое, но капитан Виченте запомнил его и сумеет нарисовать – слава святому Фра Анжелико, талант у него был.

Из-за угла вывернула тучная фигура Лоредано в роскошном камзоле; пыхтя, тот подтянул покойника к каналу и перевалил через край. Тело закачалось на воде и неспешно поплыло в направлении лагуны; если ему повезет, городская стража заметит и выловит. Если нет, то повезет рыбам...

Нобиль распрямился, отряхнул руки небрежным жестом и пошел в сторону Сан-Марко. Дождавшись, пока он скроется из виду, Ансельмо выскользнул из ниши и стал обходить здание, пытаясь понять, где же все происходило. Далеко идти не пришлось: за углом, со стороны маленькой площади Del Sturion над призывно распахнутой дверью болталась жестяная вывеска, изображавшая осетра. Ага, сообразил он, Locanda Sturion, старинная гостиница, куда традиционно селятся гости города, приглашенные дожем для участия в каких-то праздниках...

Я потрясла головой, приходя в себя. Надо же, прямо будто сама стояла в той нише и наблюдала, как убийца спихивает в канал тело жертвы! Перевернув страницу, я увидела два наброска пером и тушью. На левой странице, судя по тонкому длинному носу и светлым бровям, изображен убитый. На правой – толстые щеки, пронизательный и жесткий взгляд темных глаз, брюзгливо сложенный рот... Клаудио Лоредано? Интересно, а есть ли о нем информация в Сети?

В самом деле, кое-что нашлось... годы жизни – с 1751-го по 1912-й, маг воды в ранге магистра, трижды баллотировался на должность дожа, но так и не был избран. Убит в собственном доме ударом кинжала, убийца не найден. Однако, какая симметрия! А вот и портрет кисти Фонтебассо...

Да, талант рисовальщика у Ансельмо Виченте действительно был, его набросок передавал характер нобили куда лучше, чем парадный портрет. Ладно, а кто ж убитый, неужели капитан этого не узнал? Читаем дальше...

Осторожно расспросив замотанного слугу в Locanda Sturion, Ансельмо поощрил его разговорчивость серебряной монеткой, спросил в ближайшей таверне стакан вина и задумался. Покойник оказался представителем известной семьи из Ливорно, Кьеллини, им принадлежали самые крупные верфи на севере Лация, в частности знаменитая Cantieri Navali Lavagna. Убитого звали Андреа, и был он в компании человеком не маленьким, а занимался сделками, связанными с крупнотоннажными кораблями. Искал заказчиков, подписывал контракты, выяснял отношения с неплательщиками; сегодня его назвали бы коммерческим директором. Ну и помимо этого, именно он мог дать специалистам команду «фас» в случае, если деньги вовремя не поступали на счет. Ансельмо глотнул тягучего красного Valpolichella и подумал, что, по-видимому, Клаудио серьезно задолжал верфям за новый корабль, которым совсем недавно похвалялся в мужской компании. Андреа Кьеллини приехал, чтобы выяснить причины возникновения долга и попытаться договориться, прежде чем посылать горлохватов... И вот не договорился. Интересно, а известно ли дожу Луке Лоредано о солидных долгах сына и наследника? Впрочем, неважно, подумал капитан Виченте, допивая вино, не я буду тем, кто ему об этом сообщит. Но историю последнего разговора в жизни Андреа Кьеллини нужно сохранить. Клаудио Лоредано в один прекрасный момент может оказаться опасным.

Я перевела дыхание. Однако какой детектив почти четырехсотлетней давности, какие страсти кипели! Поискала в Сети информацию о семье Кьеллини – оказалось, ее немного; магами они не были, жили положенные обычному человеку восемьдесят – девяносто лет, и как-то быстро все закончилось. Еще в конце XIX века из всех потомков некогда разветвленного семейства осталась только дочь, Мариза, вышедшая замуж за герцога Висконти и умершая при родах. Верфи, естественно, достались семье Висконти.

Riposi in pace.

Ну что же, эта загадка разгадана. Что в конце концов случилось с Ансельмо, мне выяснить не удалось: после описания истории с Клаудио шло несколько страниц рассуждений о фрахтах и грузах, потом, после большого перерыва, информация о свадьбе сестры, и на этом третья тетрадь заканчивалась. В Сети о капитане Виченте не было вообще ни слова, а о Лауре упоминались лишь годы жизни; умерла она в 1872 году, последние двадцать лет провела в монастыре Ниалы близ Триеста, там и была похоронена...

Встав из-за стола, я потянулась, убрала дневники в сейф и решила позвонить Франческе. Если она не занята многочисленными обязанностями главной женщины в Ка'Контарини-Боволо, обсужу с ней предстоящий прием с кухней Нового Света, а заодно расспрошу о подробностях касательно моих свадебных обязанностей.

Франческа оказалась ничем не занята, и мы договорились встретиться через час в кафе «Квадри», выпить тамошнего кофе и поболтать.

В общем, до вторника я совершенно свободна!

Кофе со взбитыми сливками совершенно естественным путем привел нас к моде на ювелирные украшения, а затем к спору, следует ли невесте быть в белом – по устоявшимся традициям Старого Света, в зеленом – как принято было у венецов в незапамятные времена, или надеть красное – с учетом того обстоятельства, что дедушка и бабушка Беатриче были родом с юга, из Тарента. Или, говоря иначе, что семья Контарини хочет подчеркнуть: чистоту девушки, ее грядущую плодовитость и жизненную силу или ожидающие молодых богатство и роскошь?

– Слушай, а ты ж была замужем! – воскликнула Франческа. – Ты в каком платье была?

С удивлением я поняла, что вспомнить не могу; платье выбирала моя матушка, я же играла роль послушного манекена. Бежевое? Белое? Розовое?

– Не помню, – небрежно махнула я рукой. – Это было давно. Лучше расскажи, как ты выходила замуж?

Франческа пустилась в длинный рассказ о том, как она познакомилась с Витторе во время карнавала, и каждый раз на следующем балу, вечеринке или приеме он узнавал ее, несмотря на маски и костюмы. Как положено, мешала им будущая свекровь, не одобрявшая выбор сына, но Витторе все-таки добился согласия родителей... в общем, нормальная история счастливой семьи. Я кивала в нужных местах, старательно задавливая в себе зависть. Нет, не белую. Обычную такую бабскую зависть к женщине, счастливой в семейной жизни.

– А что ты говорила насчет приема? – спросила Франческа, перебивая мои мысли.

– Ну, наверное, пора мне продолжить вживаться в здешнее общество? Кухарка моя увлеклась рецептами из Нового Света, вот я и подумала...

– О! Слушай, потрясающая идея! С костюмами в индейском стиле? Или нет, латина! Будем танцевать сальсу, румбу и танго и пить маргариту.

– Ты думаешь, многие тут умеют танцевать сальсу? – скептически спросила я.

– Ну, ради такого дела пойдут и научатся!

Невольню ее энтузиазм захватил и меня.

– Может, тогда пригласить музыкантов, которые специализируются на такой музыке? Скажем, первая половина вечера – джаз, и танцуем фокстрот, чарльстон, что там еще?

– Мм... Квикстеп?

– Точно! – вдохновившись, я продолжала: – А после ужина латина – танго и прочее.

– А где ты возьмешь таких музыкантов?

– Ну, Альма и не такое находила... – я осеклась. Теперь я сама себе Альма.

Но Франческа моей осечки не заметила и продолжала задумчиво постукивать ногтями по кофейной чашке.

– Как бы наши ревнители традиций не приняли такие новшества в штыки... – сказала она. – С другой стороны, как еще создавать моду на что-то? Все равно мини-юбку кто-то должен был riskнуть надеть! Если тебя поддержит Маргарет, считай, полдела будет сделано. А она поддержит, это я гарантирую!

– Тогда скажи мне, с чего начинать? – все-таки сомнения меня одолевали. – Для того, чтобы приглашенные стали брать уроки джазовых танцев и латины, нужны две вещи.

– Преподаватель?

– Преподаватель – это самое простое. Я выпишу его для себя, пусть дает уроки еще тебе и прочим дамам Контарини, это уже немало. Вторая необходимая вещь – это их желание.

– Дорогая Нора, – Франческа хлопнула меня по руке. – Ты недооцениваешь семью Контарини. Слухи о грядущем празднике начнут летать по Серениссиме уже сегодня к вечеру, и, самое позднее, завтра тебя будут одолевать вопросами.

– Знаешь, давай тогда я еще чуть-чуть подумаю, найду, хотя бы теоретически, тренера и тогда скажу.

«А еще схожу на разведку в подземный ход в теплой компании двух боевых магов и охранника...» – добавила я про себя.

В гардеробной на пуфике лежал и вылизывался Руди. Странное дело, когда я переезжала в Ка'Виченте, я совершенно всерьез ставила синьоре Пальдини условие, чтобы кот не бродил по господскому этажу. И вот я обнаруживаю его то в гардеробной, то в своем будуаре, то в кабинете, и меня это вовсе не раздражает. Я даже стала

находить в его присутствии что-то успокаивающее – с тех пор, наверное, когда рыжий кот пришел спасать меня от дурных снов.

– Как ты думаешь, Руди, – спросила я, вытаскивая из сейфа связку ключей, – не сходить ли нам с тобой на чердак? Почему-то мне хочется поискать там портрет Ансельмо Виченте.

Мысль о том, как выглядел капитан, давно не давала мне покоя, а после прочтения дневников стала почти навязчивой.

Руди коротко мурлыкнул, прыгнул с пуфа и подошел к двери, поглядывая на меня. Положительно, этот кот понимает все, что я говорю, а соображает иной раз куда быстрее двуногих!

Мы поднялись по лестнице, я сняла магические сигналки и отперла дверь. Чехлы с большинства предметов мы с синьорой Пальдини в прошлый раз сняли, и часть мебели уже была отправлена на помойку. Остальная завтра-послезавтра будет перевезена в мастерские для реставрации. Пожалуй что, надо будет не захламлять больше этот чердак, а сделать здесь что-то... Ну, например, художественную студию. Если заменить мансардные окна на большие, света будет достаточно. Может быть, я снова начну рисовать...

Задумавшись, я обходила чердак, притрагиваясь к дверцам шкафов и покачивая стулья. Взгляд мой привлек большой сундук-кассоне, раньше совершенно скрытый под ворохом какой-то рухляди и обломков. Кассоне был из темного плотного дерева, с бронзовыми оковками на углах и сложным растительным орнаментом, вырезанным на фасаде. Орнамент этот сплетался, оставляя в центре место для красочного овального панно, отлично сохранившегося. По-моему, изображалась на панно сцена свадьбы – дама в зеленом и мужчина в богатом алом плаще, преклонившие колени перед священником.

– Интересно, а как его открыть? – спросила я у кота. Но Руди не ответил: кажется, он заметил в углу мышиную норку и, словно обычный хвостатый охотник, сторожил добычу.

Крышка сундука, конечно, не открывалась. Размер скважины подсказывал, что и ключ должен быть гигантским; такое мне пока нигде не попадалось, и я вспомнила детство. Старший кузен приехал на каникулы после первого курса Школы магии и, среди прочего, научил меня взламывать практически любые замки. Положив ладони на скважину, я произнесла затверженную когда-то формулу заклинания, в скважине хрупнуло, щелкнуло, и крышка ощутимо подалась под руками.

Нет, увы, зря меня вела сюда интуиция. Портрет Ансельмо Виченте не лежал в сундуке, свернутый в рулон. Там не было вообще ничего, кроме пыли и нескольких лоскутков истлевшей ткани... Я вздохнула, опустила крышку кассоне, отряхнула руки и позвала кота.

– Руди, я ухожу!

Рыжий неохотно оторвался от охоты и пошел к двери. Я подошла к портрету Лауры, поглядела на зеркало в глубине картины и решила, что завтра же позвоню мастеру Вельди и соглашусь заплатить восемь тысяч дукатов.

Перетащить, что ли, в гардеробную еще и этот сундук? Подумаю.

Глава 6. Joker

Мастер Вельди обрадовался моему звонку.

– Синьора, как же хорошо, что вы со мной сегодня связались! Вы представляете, пришел покупатель, – тут он опасливо понизил голос, – и предложил за ваше зеркало одиннадцать тысяч дукатов! И синьор Барузи заколебался, это практически полная стоимость нового цеха...

– Одиннадцать тысяч? Там что, в раме тайник с бриллиантами?

– Не знаю... – мастер протяжно вздохнул. – Не знаю, синьора Хемилтон-Дайер, но покупатель придет к восьми вечера. Хорошо бы вы до этого времени переговорили с синьором Барузи, и лучше лично. Да, лучше лично.

– Я поняла вас, мастер Вельди. Постараюсь быть в середине дня...

Собственно, никаких серьезных планов на этот понедельник у меня нет и не было. Конечно, я не собиралась лично являться на Мурано; на мой взгляд, довольно было бы просто сделать банковский перевод на восемь тысяч дукатов, но, раз уж надо самой отовоевывать свою покупку...

Вот с транспортом получилась осечка. Массимо пришел с покаянным видом, опустив голову и вертя в руках неизменное канотье:

– Синьора, мне пришлось отправить вашу гондолу в ремонт... Этот клятый Лукани ухитрился так стукнуть правый борт, что придется заново покрывать лаком, да еще и ferro править. Они обещали закончить за два дня, и я буду сидеть там днем и ночью, чтобы все было сделано как должно и вовремя!

– Нет, Массимо, не надо бдить в мастерской круглосуточно, кто меня-то возить будет? Возможно, мы возьмем пока на это время другую лодку, напрокат?

– Нет, синьора, что вы! Гондолы делаются под заказ, и лишних не бывает! Можно взять напрокат только катер...

Он выразительно сморщил нос, показывая свое отношение к любым плавсредствам, кроме традиционных. Я постучала по зубам кончиком карандаша. Катер, хм... вообще-то идея быстрого передвижения по Венеции не вызывала энтузиазма и у меня. Всю жизнь я спешила, жила по жесткому расписанию, покупала самые быстрые экипажи... Не хочу больше!

С другой стороны, каких-то два дня можно и катером попользоваться...

– А почему ты мне сразу об этом не сказал, Массимо?

– Ну... я рассчитывал, что они сегодня к вечеру закончат, а погода стоит влажная, и лак плохо сохнет. Только третий слой нанесли, а должно быть шесть.

– Понятно. Ну что ж делать, отправляйся за катером. По городу я бы пробежала пешком, но мне нужно на Мурано.

– Слушаюсь, синьора! – он исчез с похвальной скоростью, а я вернулась к письменному столу.

В электронной почте было письмо от Родерико Ди Майо, который сдержанно хвастался законченным, наконец, ремонтом виллы на Монте-Арджентарио. Сколько я понимаю, именно на оплату этого ремонта и пошел гонорар за участие в операции, полученный им от Контарини. Ну что же, неплохо! Можно будет воспользоваться приглашением Родерико и съездить на этот волшебный полуостров, искупаться в море. Но это потом, когда я хоть чуть-чуть наиграюсь венецианскими чудесами, надышусь воздухом Серениссимы, налюбуюсь своим домом.

Следующее письмо заставило меня на миг оторопеть. Моя матушка ласково хвалила меня, выражала удовольствие моим новым образом жизни и спрашивала разрешения посетить Ка'Виченте во время планируемого ею большого тура по Старому Свету, в мае-

июне. Мне захотелось протереть глаза... Надо проверить подпись – нет, все правильно, Джорджиана Ван дер Валлен. Спрашивает разрешения, ага.

Я подавила неуместный порыв немедленно ответить приглашением остановиться в Ка'Виченте и разрешила себе подумать об этом завтра. А еще лучше – послезавтра, после изучения подземного хода.

Катер был вполне комфортабельный: новый, белый с двумя красными полосами, со стеклянной крышей салона и мягкими подушками на диванчиках. Массимо сообщил, что при необходимости его двигатель на энергии воздушных элементарей позволяет разогнаться до семидесяти километров в час. Я мысленно перевела это в мили и одобительно покивала.

До Мурано мы долетели за двадцать минут.

Синьор Вельди уже ждал меня на пристани, раскланялся и повел в контору фабрики, приговаривая:

– Как вы вовремя, синьора, как вы вовремя! Тот покупатель уже явился! Рассказывает по выставочным залам, все трогает. И маска на нем такая нехорошая...

– А как же вы его опознали, если он в маске? – спросила я машинально.

– Но... по ауре, синьора! Неужели вы думаете, что можно стать Мастером, – он явно произнес это слово с прописной буквы, – без капли магии?

– Действительно, я не сообразила. Прошу прощения...

Тут мастер Вельди распахнул передо мной дверь выставочного зала, и крупный человек в маске и колпаке с тремя хвостами и бубенчиками повернулся на стук. Да, маска действительно была неприятная: зловещая ухмылка нарисованных ярко-красных губ обещала неприятности, а светлые серые глаза, блестящие за сдвинутыми к переносице прорезями, это обещание с удовольствием подтверждали.

– А, почтеннейший мастер Вельди! Соизволили вернуться, наконец? – дребезжащим тенорком пропел Джокер, а именно эта маска и была на незнакомце. – И прекрасная Нора Хемилтон, и даже, не побоюсь этого слова, Дайер! Просто ангел милосердия, правое крыло – великие Контарини, левое – всемогущие Торнабуони, ну и посередине... хе-хе...

Я вонзила ногти в ладони, чтобы удержать на лице равнодушную улыбку, кивнула, не взглянув на Джокера, и направилась к кабинету синьора Барузи. Человек в маске метнулся мне наперерез, звеня бубенцами, загородил дорогу и зашептал, пригибаясь и снизу заглядывая в лицо:

– Добрая синьора, прекрасная синьора, зачем вам, такой могущественной, такой талантливой, какая-то глупая безделушка? Уступите, ну уступите вещьцу мне! А я и денежки привез, все у меня с собой!

Он схватил меня за локоть руками в белых перчатках. Мысленно поморщившись, я стряхнула их, обошла Джокера, будто стул, и открыла наконец дверь в кабинет владельца фабрики. Мастер Вельди, который, кажется, потерял дар речи, поспешил за мной. Но и Джокер не остался за дверью, рассыпал по кабинету смешки и звон бубенчиков и замер возле окна.

– Добрый день, синьор Барузи, – приветливо сказала я. – Хочу оплатить свою покупку! Примете чек или лучше сделать электронный перевод?

– Э-э-э... – глаза синьора метнулись в сторону окна. – Присаживайтесь, синьора Хемилтон-Дайер, прошу вас. Как ваше здоровье? Впрочем, что я спрашиваю, такая юная леди...

– Как и обычно, я прекрасно себя чувствую, синьор Барузи, – я добавила в голос интонаций из матушкиного арсенала, и в кабинете слегка похолодало. – Вы не ответили,

какую форму платежа предпочитаете? Если вам все равно, то я выпишу чек!

Демонстративно я достала из сумочки чековую книжку, ручку и максимально четким почерком начала заполнять поля.

– Ах, прекрасная синьора! – запел над самым моим ухом дребезжащий голос. – Ах, как жаль мне вас огорчать, но добрейший, чудеснейший наш Барузи предпочитает полновесное золото!

И на полированную поверхность стола упал увесистый мешочек. Нарочно или случайно, но горловина его развязалась, и две или три монеты упали на пол, раскатившись. Хозяин фабрики дернулся было в их сторону, чтобы поднять, но остановился, сел и принял величественный вид.

– Синьор Барузи – не фокусник из Парса и не валахский цыган, чтобы требовать расчетов только наличным золотом, – пожала я плечами. – По-моему, милейший, вы здесь лишний.

Повисло молчание. Нарушил его хозяин кабинета. Самым любезным образом улыбнувшись мне, он сказал:

– Думаю, электронный перевод меня вполне устроит. Мы ведь говорили о цене в восемь тысяч дукатов?

– Я даю одиннадцать, Барузи! Двенадцать! Золотом! – Джокер бросился к столу и навалился на него всем телом.

– Мастер Вельди, вызовите, пожалуйста, охрану! – негромко распорядился владелец фабрики.

Но где-то в глубине зала уже звенел сигнал, в комнату ввалились два дюжих охранника и оттащили Джокера от стола. Тот вырывался и кричал, что мы еще попляшем, угрожал и всхлипывал, однако звуки эти удалялись и наконец стали не слышны.

Достав коммуникатор, я отправила банку распоряжение на перевод денег. Аппарат щелкнул, и в ответ ему звякнул сигнал в компьютере синьора Барузи. Тот сдвинул на носочки, нажал несколько клавиш и кивнул:

– Все отлично, деньги у нас на счету. Поздравляю вас синьора Хемилтон-Дайер, вы стали владелицей настоящей антикварной жемчужины!

– Благодарю! Боюсь, в мой катер оно не войдет?..

– Ни в коем случае, синьора, такие вещи требуют бережной транспортировки! У нас есть специальная лодка, особо устойчивая и повышенной грузоподъемности. Завтра во второй половине дня ваша покупка будет у вас. Удобно?

– Вполне.

Я распрощалась с мастером Вельди и синьором Барузи и неторопливо вышла на причал. Массимо, как обычно, дремал в лодке. Усмехнувшись, я вложила в рот два пальца и громко свистнула, чтобы его разбудить. Он вскочил, ошалело посмотрел на меня, засмеялся и подал руку, чтобы помочь перейти на катер.

Едва мы вырулили из узкой протоки, что вела от причала фабрики к простору лагуны, как откуда-то сбоку вынырнула, все ускоряясь, гондола. Ее нос, окованный металлом, целил точно в бок нашего катера. Массимо бросил взгляд на управлявшего веслом человека и крикнул, на мгновение повернувшись ко мне:

– Опять Лукани! Держитесь, синьора, сейчас эта малютка покажет, на что она способна!

Катер прыгнул вперед и полетел по воде, набирая скорость. Гондола тоже прибавила ходу, из окошка ее кабинки высунулась знакомая маска джокера, он грозил кулаком и что-то кричал. Крик его относил ветер. Конечно, даже самый умелый гондольер не мог тягаться в скорости с мощным новеньким двигателем на энергии воздушных элементариев. Черная лодка отставала все больше, и наконец она исчезла из виду.

Массимо не сбрасывал скорость, пока мы не вошли в Гранд-канал.

Причалив возле Ка'Виченте, мы оба пару минут посидели в катере, дыша так тяжело, словно соревновались на скорость вплавь, потом я сказала:

– Знаешь, Массимо, узнай, сколько хотят за этот катер? У нас ведь найдется место на две лодки?

– Да, синьора. Назовем ее «Грессиа», стрела, – мечтательно протянул он.

– Или, может, «Молния»?

– Fulmine? По-моему, некрасиво.

– Тогда пусть будет «Истиофорус», – предложила я со смешком.

– Кто? – Массимо вытаращил глаза.

– Istiophorus – род, к которому принадлежат самые быстрые в мире рыбы. Ну, например, марлин и рыба-парусник, а он, между прочим, развивает скорость до ста миль в час!

Надо же, чего только не хранится в моей голове...

Оставив Массимо в глубокой задумчивости, я поздоровалась с синьорой Пальдини, попросила подать ужин в восемь и поднялась в кабинет. Сегодняшнее столкновение – не шутка, нужно сообщить об этом Джан-Марко.

– Скоро буду, – лаконично сообщил он, выслушав краткий обзор моих сегодняшних приключений.

Скоро – это, надо полагать, примерно через час. Порталами они здесь практически не пользуются, так что глава Службы магической безопасности будет точно к ужину. Нужно предупредить Джузеппину, чтобы добавила еды для еще одного мужчины. А лучше – для двоих.

Я угадала и со временем, и с количеством, и даже с составом. Ну, почти угадала: братья Торнабуони и в самом деле появились минут через сорок, но с ними был Пьетро Контарини и еще один человек, невысокий и настолько закутанный в плащ, что и родная мама бы его не опознала.

– Рассказывай, – потребовал Джан-Баттиста.

– Для начала представь мне вашего спутника, – возразила я, – потом мы поужинаем, а потом займемся разговорами.

– Прости. Это мэтр Налы Сонтхи, наша гостья из Сиама...

Плащ слетел, и я увидела удивительно красивую женщину: невысокая ладная фигурка, очень длинные гладкие черные волосы, завязанные в простой хвост и спускающиеся ниже пояса, огромные темные глаза, гладкая, чуть оливковая кожа с нежным румянцем... Словом, фарфоровая статуэтка, пусть даже в обычных джинсах и блузке. Я сразу почувствовала себя длинной и неуклюжей саксонской коровой.

– Здравствуйте, госпожа Хемилтон-Дайер, – сложив ладони, красавица поклонилась. – Счастлива познакомиться с вами. Я виделась с господином Карло Контарини, мне показали результат вашей работы, и я, право же, восхищена.

– Мэтр Сонтхи, прошу вас, будьте моей гостьей, – я сделала приглашающий жест. – Значит, вы видели Карло? Как он?

За ничего не значащей беседой мы разместились в креслах в гостиной, я позвонила в колокольчик и попросила горничную подать нам аперитив. Все выбрали шампанское, а сиамская гостья, смущенно розовея, спросила, можно ли для нее приготовить коктейль «Беллини». К счастью, на кухне нашлось несколько белых персиков...

Я знала, что на ужин Джузеппина приготовила на пробу два блюда по рецептам, что прислала моя матушка, но не знала, что именно. Сама-то я съела бы все, а вот как они

понравятся гостям?

Но гостей и за уши было не оттащить от лобстера в сливочном соусе «Ньюбург» и устричного пирога, да и поданные к кофе заварные пирожные шу с персиковым кремом пошли на ура.

– Скажите честно, Нора, – поинтересовался Пьетро, когда мы, шумно поблагодарив зардевшуюся Джузеппину, перебрались в кабинет, поближе к келимасу, – сознайтесь, вы прячете где-то галльского шеф-повара из числа великих?

– Нет, никаких тайн и никаких галлов, только Джузеппина. Но вот нанять ей в помощь поваренка я подумываю!

– Ну, хорошо, – решительно сказал Джан-Марко, отставляя в сторону бокал с остатками келимаса. – Итак, вернемся к зеркалу, Джокеру и нападению.

Рассказ мой получился довольно долгим, но гости слушали внимательно, а мэтр Сонтхи даже помечала что-то в небольшом блокноте. Интересно, подумала я мельком, какая у нее специальность? Я сделала глоток келимаса, чтобы промочить слегка пересохшее горло и договорила:

– То есть получается, что нападение как-то связано со старым портом? Потому что гондольер-то тот же самый. Значит, тот, кто в прошлый раз был в бауте, просто сменил ее на маску джокера. А в письме были угрозы насчет старого порта...

– Расскажи нам, дорогая, почему все-таки тебя так тянет в старый порт? – спросил Джан-Баттиста.

А ведь придется рассказывать, ибо эта история перестает быть домашней и милой.

– Пойдемте, – вздохнув, ответила я и встала. – Я вам всем кое-что покажу, только нужно взять ключи от чердака.

– Не стану даже спрашивать, почему ты хранишь ключи от чердака в сейфе, а не отдаешь их экономке, – пробормотал Джан-Баттиста.

Мы поднялись наверх; как обычно, на площадке перед дверью сидел Руди. Посмотрев на гостей, он подошел к госпоже Сонтхи и коротко мурлыкнул. Она присела на корточки и протянула ему указательный палец. Кот обнюхал палец, потерся усами, потом посмотрел на меня и сказал:

– Мяк!

– Как скажешь, – ответила я, открывая чердачную дверь.

Братья Торнабуони переглянулись, но комментировать эту беседу не стали. Руди пошел впереди всех, запрыгнул на высокий комод и уселся, аккуратно обернув хвост вокруг лап.

Я подвела гостей к портрету и сказала:

– Итак, синьоры, разрешите представить вам герцогиню дель Джованьоло, в девичестве Лауру Виченте. Кто художник, я не поняла, но на обороте есть надпись, где указаны имя дамы и год, когда был написан портрет, – 1788. Здесь ей двадцать лет, и она только что вышла замуж. Вот так эта картина выглядела, когда я увидела ее впервые...

Найдя в коммуникаторе снимок, я продемонстрировала его всем и продолжила:

– Вот такой она стала через какое-то время... Ну, и вот что мы видим сейчас. Именно это зеркало было сегодня причиной такой теплой беседы с загадочным Джокером.

– Однако... – тихо проговорил Пьетро. – Вы умеете удивить, Нора.

– Поверите ли, и в мыслях не было этим заниматься!

Тем временем мэтр Сонтхи внимательно осмотрела портрет. Обошла, прочитала надпись на обороте. Потом спросила:

- Госпожа Хемилтон-Дайер, вы разрешите мне дотронуться до картины?

- Да, конечно.

Мне было очень любопытно, что же она станет делать: Джан-Баттиста шепнул мне, что неожиданная моя гостья – архимаг, некромант, практически самый сильный в мире. Ну, если не рассматривать колдунов Африки, но там все иное.

Женщина приложила ладони к полотну, закрыла глаза и напевно стала проговаривать заклинания, совершенно мне незнакомые. Даже и язык этот не был мне известен. Остальные следили за ее действиями так же напряженно, как и я.

Тихий голос умолк, мэтр Сонтхи открыла глаза, стряхнула нечто невидимое с ладоней и совершенно обычным голосом сказала:

- В картине нет ни капли некроэнергии. И вообще магии нет, ни темной, ни светлой. Даже странно: обычно талантливые живописцы все немного маги и неосознанно добавляют каплю волшебства в свои краски...

- Ну, некоторые и осознанно это делают, - ответил Пьетро. - Тициан был могучим магом, одним из сильнейших в свое время!

- Итак, господа, вернемся в кабинет? Как-то здесь стало прохладно...

Действительно, за окнами давно сгустилась тьма, застучали капли дождя и, судя по бегущим тучам, задул северный ветер. Погода меняется?

- Как бы завтра не поднялась высокая вода, - озабоченно сказал Пьетро. - Надо связаться с дежурными магами, пусть проследят. Прошу прощения, я на минуту...

Он вышел на лестницу, чтобы связаться с дежурными по коммуникатору, не мешая нам продолжать разговор. Руди спрыгнул с комода и пошел следом. Когда мы покинули чердак, его уже не было видно, наверное, ушел по важным кошачьим делам.

Мы вернулись в кабинет, и я разлила по бокалам новую порцию келимаса. Потом открыла сейф и достала тетради с записями капитана Виченте.

- Если вы заметили, когда портрет стал меняться, Лаура указывала на туалетный столик и письма, лежащие на нем. Туалетный столик цел до сих пор, стоит в моем будуаре. Я его потом вам покажу. И бумаги там действительно были – несколько посланий от Ансельмо Виченте к сестре. Вот последнее из них, даже не письмо, а короткая записка.

Мои гости по очереди просмотрели письмо, Джан-Марко вернул его мне:

- Надо же, убийственная информация о семействе Лоредано... Ей бы перед выборами дождя цены не было!

- У нас и сейчас нет дождя, - напомнил Джан-Баттиста. - И если в течение ближайшего года Винченцо Лоредано не появится, то нас ждут новые выборы.

- Вот же тьма, - выругался Пьетро. - Простите, дамы. Значит, тайник в конторе капитана в старом порту... Поэтому и нужно было разрешение от старшины Торговой палаты?

- Ну конечно.

- И там вы нашли дневники?

- Да. Я поехала туда вместе с Лавинией. Мы прогулялись по территории Rimembranza, посмотрели старые карты, нашли здание, где когда-то были контора и пакгаузы Ансельмо Виченте... И тайник, конечно, был, там тетради и лежали.

- Но вы хотите вернуться туда, Нора, именно для этого вам и нужен был серьезный охранник? Зачем?

- Зачем вернуться? – Я вздохнула. – Там был еще один тайник. Вернее, не тайник... Мы нашли место, где открывается подземный ход.

Пьетро длинно присвистнул и переглянулся с братьями Торнабуони. Мелькнули их пальцы в знаках тайного языка. Мэтр Сонтхи с интересом смотрела на этот безмолвный разговор, а я злилась на себя, что так и не удосужилась этот язык выучить. Наконец они, по-видимому, пришли к некоему соглашению, и Джан-Марко сказал:

- Скажи, Нора, а много ли ты видела здесь, в Серениссиме, домов с подвалами?

Я задумалась, потом пожала плечами.

- Понятия не имею. В моем доме его нет, но, может быть, их нельзя делать, потому что затопливает?

- Совсем не так, – покачал он головой. – Как-нибудь город, в котором живут преимущественно маги воды, с затоплениями бы справился. Просто в Венеции из любого сооружения, устроенного ниже уровня лагуны, довольно скоро начинает лезть такое, что лучше к ночи об этом и не говорить. Так что давным-давно, еще в 1598 году, тогдашний дож Агостино Барбариго внес в Совет десяти законопроект о запрещении строительства любых подземных сооружений на островах лагуны.

- Закон был принят и по сей день исполняется неукоснительно, – подхватил Джан-Баттиста. – И мне, как юристу и, следовательно, специалисту по исполнению законов, очень интересно было бы посмотреть на такую вещь, как подземный ход...

- Стоп-стоп, – подняла я ладони. – Напоминаю, что я этот ход не копала, не обустраивала и нашла совершенно случайно.

- Но ты понимаешь, что идти туда тебе не стоит? Не говоря о том, что это переходит в разряд государственных секретов, это просто может быть опасно.

Я лихорадочно стала искать доводы, чтобы доказать необходимость моего участия в изучении подземного хода, но меня опередили.

- Господин Торнабуони, прошу простить, но вы, мне кажется, не правы, – услышала я мелодичный голос некромантки. – И, если госпожа Хемилтон-Дайер не будет возражать, я бы просила ее позволения мне также участвовать в изучении подземного хода.

- Я согласен с вами, мэтр Сонтхи, – добавил Пьетро. – Даже если следовать букве закона, напоминаю, дорогой юрист, что Rimembranza – за городской чертой.

Приподняв левую бровь, я спросила с улыбкой:

- Не хочет ли кто-нибудь кофе?

- Да поздновато для кофе, – откликнулся Джан-Марко. – Капни мне, пожалуйста, еще келимаса.

Предсказанная Пьетро aqua alta, высокая вода, все-таки захлестнула город. Вся Riva Carbon была залита водой, вода покрыла причал Ка'Виченте, а в здании напротив, на том берегу Гранд-канала, волна плескала в окна нижнего этажа. Дождь несколько не утих, и я начала опасаться, что завтра до подземного хода мы не доберемся или он окажется затопленным.

Синьора Пальдини, погруженная в обновление бального зала и гостиной, отмахнулась от моих опасений касательно погоды:

- Вот увидите, синьора, сегодня к вечеру вода спадет, и ночь уже будет ясной. Скажите мне лучше, вы уже определились с датой приема?

С датой я не определилась, даже и вовсе об этом не думала, поэтому устыдилась, и мы вдвоем взялись за календарь. Получалось, что если свадьба Карло и Беатриче назначена на воскресенье, шестое апреля, то нам подойдет пятница, восемнадцатое.

- Отлично, – удовлетворенно сказала синьора Пальдини, разглаживая свой белоснежный фартук. – Яблоня во дворе будет в самом цвету, и розы уже начнут раскрываться. Кстати, синьора, а вы не хотите сделать во дворе пару клумб?

Сигнал коммуникатора избавил меня от решения этого вопроса. На экране было лицо Лавинии:

- Ну что, планы не изменились? Тебя еще не оттерли от двери в подземелье?

- Пока нет, хотя и пытались. А откуда ты знаешь?..

- Мужчины! Они предпочли бы считать нас с тобой хрупкими и нежными созданиями, с трудом пригодными для того, чтобы самостоятельно понюхать розу.

Представив себе нежную и хрупкую Лавинию, я фыркнула и чуть не подавилась кофе.

- Ну, тогда я попрошу Джан-Марко открыть мне портал из Медиоланума в Службу магбезопасности часов в семь вечера, – она взглянула на часы: – Да, к шести я закончу. Пока то да се, как раз. В этом вашем водном городе личные порталы размываются напрочь, приходится пользоваться стационарными. Ладно, до встречи!

Итак, на исследование подземного хода отправляются, кроме Лавинии и меня, Джан-Баттиста, мэтр Сонтхи и неизвестный мне пока охранник. Пять человек. Вот смеху будет, если весь подземный ход закончится в десяти метрах от входа и окажется просто холодным хранилищем для чего-нибудь скоропортящегося!

Примерно этим соображением я и встретила Джан-Марко и госпожу Редфилд вечером. Но она неожиданно серьезно покачала головой:

- Оттуда тянуло подземельем, Нора. Это не погреб. Там есть что-то скверное, а весь мой опыт показывает, что такое надо чистить, пока оно не распухло и не вылезло на поверхность. Так сказать, не дожидаясь перитонита.

- Собственно, поэтому я и осмелился вчера привести госпожу Налъи Сонтхи без предварительной договоренности, – сказал Джан-Марко, усаживаясь в кресло в моем кабинете. – Она приехала, чтобы поработать с материалами в библиотеке монастыря Великой Матери, что на острове Сант-Эразмо, но из-за высокой влажности они закрыли хранилище. Ты прости, пожалуйста, она и в самом деле оказалась у меня на руках неожиданно, а тут твое сообщение, Джокер, нападение и прочее.

- Про Налъи я поняла, знаю ее давно: она действительно мастер, каких мало, – вмешалась Лавиния. – А вот про нападение поподробнее, пожалуйста.

В нескольких фразах Джан-Марко обрисовал для нее произошедшее вчера; пожалуй, я бы рассказала красочнее, ну, у меня еще будет время.

- Значит, зеркало непростое, и сегодня его должны привезти? Интересно будет посмотреть...

Тут я спохватилась:

- Минуточку, так уже всякое время вышло! Вот-вот стемнеет, как его будут выгружать?

Номер коммуникатора синьора Барузи не отвечал, не было даже гудков, обозначающих, что на том конце идет сигнал. Мы переглянулись, и Джан-Марко связался с дежурным в городской страже. Весь его разговор состоял из трех или четырех коротких фраз, причем каждая следующая звучала мрачнее предыдущей. Наконец, отключившись, он посмотрел на меня и сказал:

- На грузовой катер, который вез твое зеркало, напали.

Я охнула, Лавиния выругалась сквозь зубы, а он продолжал:

- Водитель попытался сманеврировать, в этот момент катер ударили в бок, и он опрокинулся. Груз утонул. Произошло это посреди лагуны, там глубина метров семь-

восемь, наверное...

- Люди живы?

- Да, все живы. Больше всех пострадал твой синьор Барузи. Когда лодка стала опрокидываться, он разбил зеркало и сильно порезался.

- Великие боги... - я спрятала лицо в ладони. Зачем, зачем мне понадобилось это треклятое зеркало? Да пусть бы Джокер подавился им!

Словно отвечая на мои мысли - или я произнесла это вслух? - Лавиния спокойно сказала:

- Знаешь, есть предметы, которым лучше покоиться на дне моря, чем попасть не в те руки. Синьор Барузи в клинике?

Джан-Марко выдержал драматическую паузу, потом ответил:

- Нет, уже дома. Он больше напугался, чем пострадал. Нора, слышишь?

- Слышу...

- Ты вполне можешь отправить ему цветы и бутылку вина в знак сочувствия. Этого будет достаточно.

- Интересно, кто же он такой, этот Джокер? - спросила я. - Тебе не кажется, что он серьезно нарушает законы в этом городе, делает это не впервые и вдобавок уверен в своей безнаказанности?

- Кажется, - скрипнул зубами Джан-Марко. - И точно могу сказать, следствие по этому делу имеет все приоритеты. Антонио Лукани был еще вчера объявлен в розыск, и как раз перед тем, как отправиться сюда, я подписал распоряжение о его аресте.

- Никаких прокуроров, да?

- Это Венеция, Нора.

После ухода Джан-Марко я заперла двери, Лавиния лично обновила все охранные и запирающие заклинания на окнах, дверях, каминных трубах, катере, люке для дров и дверце для кота. Паранойя не просто цвела пышным цветом, она уже и плодоносить начала.

- Ты думаешь, он может напасть на дом? - спросила я.

- Не знаю уж, как принято тут, у вас в Венеции, - со смешком ответила она. - В Лютеции он бы уже сидел в антимантических кандалах и давал показания следователям Службы магической безопасности. А вообще, я полагаю, что нападение на дом означало бы попросту войну, причем войну не с Норой Хемилтон-Дайер, а с кланами Контарини и Торнабуони. Даже сумасшедший до этого еще не дозрел бы.

- А, ты тоже считаешь, что Джокер безумен?

- Конечно. Сосредоточенность на одном предмете, готовность на любые, самые большие жертвы ради обладания им... Я не психиатр, чтобы ставить диагноз, но, как по мне, комната с мягкими стенами и полным отсутствием магии ему прямо показана. - Она достала трубку и посмотрела на меня. - У тебя тут балкон есть?

- Лучше! У меня есть дворик, пойдем!

Мы вышли во внутренний дворик, сели в кресла, и Лавиния раскурила трубку. Синьора Пальдини оказалась права: дождь закончился, похолодало, и небо было ясным, а звезды крупными.

- Мне было бы весьма любопытно посмотреть, что же такое в этом зеркале, что он так стр-р-растно желает его заполнить, - моя гостья выпустила клуб дыма, и он изогнулся

знаком вопроса. – Но, с другой стороны, если ваш неизвестный Джокер балуется темными ритуалами...

– Ты считаешь, на то похоже?

– Темная магия, как и магия крови, и некромантия, сильно влияет на того, кто ее практикует... И человек слабый ломается довольно быстро, подчиняется потоку. Необратимо меняется психика, поведение, реакции... Но эти ритуалы дают такую силу, что очень быстро получение ее становится жизненной потребностью.

– Что-то сродни пыльце лотоса или опиуму? – кивнула я. – Да, я видела результаты регулярного приема... Погоди, а как же, например, Нальи Сонтхи?

– О, это совсем другое дело. Она от природы очень сильный маг с направлениями земли, смерти и алхимии. И некромантия для нее не источник повышения личной силы, ей это не нужно.

– А что тогда, если не источник?

Лавиния покачала головой.

– Не знаю. И, поверишь, не рискну спрашивать.

Мы помолчали, потом я сказала:

– Странно, а ведь две из трех загадочных историй последнего времени на меня накликал портрет Лауры. Началось с поиска дневников, как следствие – подземный ход, и вот зеркало.

– Интересно, как теперь изменится портрет... – Лавиния отложила докуренную трубку. – В сущности, это получается одна история, разве нет? Ну, Джокер-то тот же самый.

– Кажется, да... – ответила я неуверенно. – Поднимемся на чердак и посмотрим, что с картиной?

По-моему, этого я внутренне и ожидала: на портрете не было зеркала, он снова изменился, и теперь уже, по-видимому, окончательно. Вернее, картина снова стала такой, какой я и увидела ее в первый раз: молодая женщина в пышном голубом шелковом платье стоит боком к зрителю, и маска-gatto в левой ее руке.

– То есть мы сделали все, что Лаура хотела... – тихо произнесла Лавиния.

– А подземный ход?

– Видимо, это уже не ее часть истории... Ну что же, покойся с миром, герцогиня дель Джованьо, и теперь это навсегда.

Старинный шкаф стоял настежь открытым, потайная дверца была поднята, и прямо у моих ног начинались кирпичные ступени, уводящие куда-то вниз, в темноту.

– Ну что, я иду первой? – в голосе госпожи Редфилд слышалось веселье. – Следом вы, Джан-Баттиста, потом Нора, потом мэтр Сонтхи, и вы, молодой человек, замыкающим.

– Пожалуй, лучше я пойду последней, – возразила некромантка. – Мало ли что.

– Можно и так, – согласилась Лавиния.

Охранник молчал. За все время, пока мы добирались от офиса Службы магической безопасности до старого порта, он произнес три слова: «Buon Giorno, signori», и этим ограничился. Звали его Орсо, и даже об этом сообщил нам Джан-Баттиста.

Первые несколько метров после ступенек вожделенный подземный ход казался просто обычным коридором, выложенным кирпичом. Ну ладно, не совсем обычным: кирпич выглядел иначе, более плоским и скорее темно-красным, чем оранжевым, да и рисунок кладки был другим, непривычным. Метров через двадцать коридор слегка изогнулся вправо, и здесь за поворотом нас поджидал первый сюрприз – дверь. Запертая, разумеется. Дерево было неновым, потемневшим, местами почти черным. Металлические накладки намекали на то, что открыть ее будет не так уж просто.

– Интересно, что это тут у нас? – Лавиния медленно провела ладонями по контуру двери, фыркнула и сделала шаг в сторону. – Замок чисто механический. Есть желающие попрактиковаться во взломе?

Молчаливый охранник подошел к препятствию, присел на корточки возле замочной скважины, посмотрел в нее, подул зачем-то, потом сказал:

– Стиллет есть у кого-нибудь?

Мэтр Сонтхи вытянула длинную шпильку-стиллет из пышной прически, в которую сегодня были уложены ее волосы, и протянула ему. Орсо молча взял, поковырял в замке, периодически останавливаясь и прислушиваясь, потом резко повернул. В замке щелкнуло, и дверь чуть приотворилась.

– Отлично, – сказала госпожа Редфилд, – пожалуйста, все три шага назад.

Она тоже слегка отошла, толкнула дверное полотно воздушным кулаком, и нашим взглядам открылся новый темный коридор. Ничего не произошло – оттуда не вырвалось ни столба пламени, ни облака ядовитого газа, и даже страшная бука не переползла порог. Тем не менее Лавиния жестом велела всем оставаться на месте, зажгла магический фонарик и пошла вперед.

– О, как любопытно! – раздался ее голос через пару долгих мгновений. – Налъи, можно вас на минутку?

Некромантка последовала за ней, и мы услышали ее удивленное восклицание, а потом жуткий костяной стук и скрежет когтей по камню. У меня по спине с топотом пробежали мурашки... Охранник шагнул вперед и заслонил спиной меня и Джан-Баттисту. Вот интересно, он что, рассчитывает заткнуть пасть тому, с когтями, собственным телом?

В дверном проеме показалась Лавиния, усмехнулась и сказала:

– Пошли, ничего нового, как оказалось. Такой экземпляр у Налъи в коллекции уже есть.

Перешагнув порог, я увидела скелет... ну, если бы овчарку увеличить еще вдвое и приделать ей пасть крокодила, вот примерно и получилось бы то, что надо. Скелет смиренно стоял у стенки.

– Это оно такое на самом деле, или кто-то проявил творческую фантазию? – поинтересовалась я.

– Составной монстрик, конечно. Но с выдумкой сделано, – ответила мэтр Сонтхи.

– Я бы сказала, на четверку, если сдавать зачет нашему мэтру Кирикаве, – добавила госпожа Редфилд. – Ну что, идем дальше? Пожалуйста, будьте внимательнее, старайтесь идти за мной след в след и ничего не трогать на стенах, на полу и вообще.

Коридор между тем несколько сузился и явно пошел вниз. Кирпич на стенах выглядел влажным, иногда встречались пятна не то лишайника, не то чего-то еще неприятного цвета запекшейся крови. Справа и слева то и дело возникали ниши, в которых на полках аккуратно лежали то черепа, то какие-то камни. Что-то сверкнуло у самой стены, я дернулась было поднять, но остановилась и окликнула Лавинию.

Возможно, кому-нибудь это покажется странным или смешным, но там, закопанный в пыль, лежал кусок зеркала. Мэтр Сонтхи провела над ним рукой, нахмурилась и сказала:

– Это надо изучить поподробнее. Давайте я наложу стазис и уберу его подальше. Оно

еще и фонит очень...

Еще поворот, еще одна дверь. Уже привычно мы все отошли на три шага, а госпожа Редфилд распахнула ее ударом воздуха и скрылась внутри, за ней последовала некромантка. Почти сразу же мы услышали восхищенный присвист и голос Лавинии:

– Все могут входить, Нора, иди первая. Тебе понравится.

Я перешагнула порог и застыла: открывшееся пространство терялось во мраке, пара магических фонарей освещала только шесть ступеней вниз – полукругом, парадной лестницей, застланной ковром, – да высокие мраморные колонны.

Маги добавили освещения, и нашим глазам предстал... ну, наверное, это был рабочий кабинет. Но таким я бы представляла себе кабинет шейха Парса или какого-нибудь эмира Бухары: ковры, золотые канделябры, мраморные колонны, оттоманки и резные дубовые панели, многостраничные фолианты в книжных шкафах из драгоценного дерева, аромат благовоний... И все это в круглой, без единого угла, комнате размером чуть поменьше моего бального зала.

Лавиния тем временем запустила поисковое заклинание, которое должно было определить и обезвредить или хотя бы обозначить наличие чего-то вредоносного, какого-нибудь убойного сюрприза, поджидающего незваного гостя. Джан-Баттиста первым ступил на покрытый ковром пол, пробежал взглядом по книгам, дотронулся до двух или трех:

– Сколько я могу судить, здесь нет ни одного тома моложе ста лет. В основном литература по некромантии и магии крови. Хотя вот тут есть справочник по магии металлов, например. А вот это, – он осторожно вытащил толстенный фолиант форматом в четыре обычных книги, – это, синьоры, истинная драгоценность. «Теория и практика магической медицины» Лодевейка Бонавентуры, выпущенная Альдом Мануцием в 1502 году!

Я тихо ахнула: считалось, что единственный сохранившийся экземпляр этой книги был выкраден из королевской библиотеки в Люнденвике еще в конце XVIII века.

– Интересно было бы увидеть хозяина этих сокровищ, – прохладным тоном сказала Лавиния.

– Мне кажется, он сделал все, чтобы не встретиться с незваными гостями, – откликнулся Джан-Баттиста, продолжавший осматривать книжные шкафы.

– Тут еще три двери, – прозвучал откуда-то сбоку голос охранника. – А ну-ка...

– Не трогай! – крик Лавинии был заглушен грохотом.

Когда пыль слегка осела, мы увидели, что проход открыт, Орсо на полу держится за голову, а рядом с ним лежит здоровенный кусок мрамора.

– Ну, я ж говорила: никуда не лезть, сперва я все проверяю, – ворчала госпожа Редфилд, ощупывая пострадавшую голову охранника. – Повезло, что удар пришелся вскользь, а то дальше с тобой только мэтр Сонтхи смогла бы беседовать, и то недолго.

Одна из найденных дверей вела в роскошную ванную комнату, за второй была спальня, третья же открылась в новый коридор, опять ведущий куда-то вниз.

– Ну что, идем дальше? – спросил Джан-Баттиста. – Орсо, ты как, идти сможешь?

– Смогу, – сумрачно ответил охранник, с кряхтением вставая.

– Тогда подождите минутку, я оставлю пару сюрпризов на входе, чтобы здешний шутник нас непременно дождался, – попросила госпожа Редфилд.

Много времени сюрпризы не отняли, и вскоре наша маленькая колонна отправилась исследовать, куда ведет подземный ход дальше.

– А вот скажите мне, – поинтересовалась я, – ведь там, в конторе Ансельмо Виченте, все

было в таких залежах пыли... В подземном ходе ее значительно меньше, зато паутины и прочей гадости хватало. А в этом кабинете и в других... помещениях совсем чисто, да и на книгах ни пылинки. Получается, этот хозяин кабинета приходил с другой стороны?

– Скорее всего, да, – ответил Джан-Баттиста. – Конечно, сейчас стража уже оцепила всю территорию Rimembranza, и коменданта допросят как положено, но я сомневаюсь, чтобы мы нашли там какие-то следы этого человека. Думаю, мы идем со стороны, так сказать, запасного выхода.

По ощущениям, мы довольно глубоко ушли под землю. Или уже под воду? Не такой большой остров Rimembranza, чтобы под ним километрами тянулись коридоры. Но все когда-то кончается, и ход вывел нас в еще один подземный зал. Вновь зажглись магические светильники, и мы осмотрелись. Здесь своды были низкими, и поддерживали их не колонны, а сталагматы. По неровному полу журчал небольшой ручеек, стены поблескивали кристалликами. Карстовая пещера?

Внезапно мне показалось, что в глубине что-то шевельнулось. Я тронула Лавинию за плечо и ткнула пальцем вправо, в смутное белое пятно. Поисковое заклинание не нашло ничего опасного, так что мы подошли ближе. Мэтр Сонтхи тихо пробормотала что-то по-сиамски, Джан-Баттиста грубо выругался, а у меня попросту перехватило дыхание.

Наклонно к стене был поставлен большой плоский камень, по краю которого были тщательно выписаны руны. Вот же тьма, это явный алтарь, и поставлен он не Ниале и не святой Бригите! На полу алтарь этот окружала канавка, к которой вели прорезанные в камне желобки. А в центре черной каменной плиты лежал прикованный к ней человек в белом костюме Пьеро и белой маске с тщательно прорисованной кровавой слезой на ней.

Рука под белым балахоном была исхудавшей до состояния «кожа да кости», но пульс я нащупала; редкий, слабый, почти неразличимый, он все-таки был.

– Жив, но очень ослаблен, – сказала я, отходя на полшага. – По-моему, его морили голодом и жаждой. У кого вода, у вас, Орсо?

– Подожди, у меня вот есть вино, – протянул мне фляжку Джан-Баттиста. – Если разбавить пополам с водой, лучше будет. А мы пока собьем кандалы и снимем маску.

– Что там сбивать, – махнула рукой Лавиния. – Цепи железные, их ржавчиной взять – минутное дело. *Linyenva asto!*

Оковы действительно рассыпались ржавыми хлопьями. Пьеро, так и не пришедшего пока в сознание, осторожно перенесли на созданную магами воздушную подушку.

– А маска не снимается, – с изумлением сказала мэтр Сонтхи.

Я подошла и взгляделась внимательнее: да, это было точное повторение того, что я видела при осмотре Карло Контарини. Край маски составлял единое целое с кожным покровом.

– Лавиния, – позвала я внезапно охрипшим голосом. – Посмотри сюда...

Госпожа Редфилд присела на корточки, посмотрела, потрогала и протяжно присвистнула.

– Поздравляю вас, господа. Похоже, что у нас серия. Ой, как я это не люблю... – встав, она вздохнула и продолжила: – Ладно, все-таки, первостепенный вопрос сейчас – обратиться отсюда поскорее. Ты хотела его напоить?

– Есть какой-нибудь сосуд, чтобы смешать воду с вином? – спросила я у всех.

– Минутку, – мэтр Сонтхи извлекла из пространственного кармана и протянула мне серебряный стаканчик, я смешала воду пополам с красным вином и попыталась напоить мужчину. Кажется, пара капель даже попала ему в рот, но в себя он так и не пришел.

– Нам нужно его срочно отсюда вытаскивать, – я покачала головой. – Капельница с

питательным раствором, тепло, маг-медик... Я сейчас, сколько смогу, поддержу его, но это паллиатив.

– Очень не хочется идти назад по всем этим коридорам... – задумчиво потер подбородок Джан-Баттиста. – Может, сходим и проверим, что там дальше?

– Иди, – разрешила Лавиния. – Налъи, сходите с ним? Помимо всего прочего, наш поганец мог и там сторожа поставить, вроде того монстрика...

– Конечно, – некромантка легко поднялась с пола, отряхнула брюки и улыбнулась Торнабуони. – Идемте искать выход?

Я по капле вливала в пациента энергию, изредка прерываясь, чтобы дать ему глоток воды с вином. Охранник, изредка почесывая макушку, ходил вокруг, заглядывая то в один, то в другой ход. Госпожа Редфилд же изучала руны на алтаре, даже сделала снимок на коммуникатор.

– Эх, – пробормотала она, – плохо я знаю рунический койне... Надо будет отправить ректору, пусть кафедру рунологии загрузит расшифровкой.

Потом Лавиния пошла вдоль стен, изучая прочую обстановку этого то ли святилища, то ли тюрьмы. Заскрипела какая-то дверца, зазвенело стекло... Я разогнулась и хотела попросить ее помочь мне с энергетической поддержкой пострадавшего, но в этот момент услышала:

– Нора, подойди сюда, пожалуйста! – в голосе прозвучали изумление и тревога.

Лавиния стояла возле длинного стола, по виду лабораторного, во многих местах прожженного кислотами и пламенем. В руках у нее был металлический ларец с откинутой крышкой, и держала она этот ларец с явной осторожностью. Интересно, что там такое – бомба? Ну, не драгоценности же, с ними бы не нужно было обращаться как с тухлым яйцом...

– Загляни внутрь! – она подвела поближе магический фонарик.

Я посмотрела. Внутри ларца не было ни взрывчатки, ни золота – там колыхалась налитая почти до краев маслянистая жидкость, тяжелая даже на вид. Поначалу эта жидкость показалась мне непрозрачной, но я вгляделась и увидела: на дне лежала белая маска. Точно такая же маска Пьеро, как была на неизвестном мужчине, только примерно вдвое меньшая и без кровавой капли на щеке.

– Ты не поняла? – Лавиния смотрела на ларец, и в глазах ее были отвращение и злость. – Нора, он их *выращивает*!

Честно скажу, я отпрыгнула от ее гадкой ноши, будто маска могла выбраться из своей питательной среды и немедленно вцепиться в мое лицо.

– Убери это! Пожалуйста!

С осторожностью и все тем же отвращением магичка поставила ларец на стол, закрыла крышку и набросила на гадкую коробку стазис.

– Тьма с ними, с доказательствами, пусть посидит там, – сказала она, протирая руки платком.

– При чем тут доказательства? – не поняла я.

– При том, что после стазиса магические следы искажаются. И как доказательство для суда они не будут приняты. Но это меня в данный момент волнует меньше всего. Нора, он выращивает эти маски и приживляет их к лицам. Я уверена, у Карло проклятие просто совпало по времени с моментом, когда этот... экспериментатор его подловил и наложил подготовленную volto! Именно поэтому от нее так трудно было избавиться! – Лавиния покружила по пещере, налетела на сталагматовую колонну и остановилась. – Мы просто интуитивно пошли верным путем, иначе ничего бы не смогли сделать!

– Подожди-подожди, но тогда Карло явно должен быть не первым! Значит, где-то еще

есть люди, которые живут вот так же...

– А ты вспомни: если бы не было необходимости для семьи Контарини, чтобы их наследник в каких-то местах появлялся без маски, Карло бы и в голову не пришло от нее избавляться! Есть-пить она не мешала, весь город чуть не шесть месяцев в году носит эти... маски.

Подозреваю, что те слова, которые употребила для определения темпераментная госпожа Редфилд, она могла подцепить только у какого-нибудь опытного боцмана. Простому матросу, например, такая изысканность в формулировках недоступна.

– Ты считаешь, что в Венеции есть еще пострадавшие от таких экспериментов? – мрачно спросила я.

– Уверена в этом! Ну, или те, кто послужил подопытными кроликами, догнивают где-нибудь в грязной канаве...

– Жуть какая... – я поежилась. – Хорошо бы отсюда поскорее выйти. Что-то перестало мне нравится это приключение.

Джан-Баттиста и мэтр Сонтхи вернулись довольно быстро. Метров через сто ход заканчивался лестницей, которая выводила в развалины на крохотном острове.

– Остров этот безымянный; там поселился когда-то алхимик, лабораторию построил, работал, да и взорвался однажды вместе с лабораторией, – пояснил Джан-Баттиста.

– Над чем работал? – поинтересовалась я.

– Да, в общем-то, так и осталось неизвестным над чем; к себе он никого не пускал, законов не нарушал, так что и у стражи не было оснований для проверки. Он жил обособленно и никого не интересовал. Почти не выезжал в город. Лично я единственный раз с ним столкнулся – на улице возле мастерской Il Canovacchio в Сестриере, он покупал заготовки для масок...

– Заготовки? – быстро переспросила Лавиния.

– Да, нераскрашенные белые основы из папье-маше...

– Заготовки для масок... Вот вам и связь... А когда это было?

– Что именно? – начал раздражаться Джан-Баттиста. – Встретил я этого чудака... не знаю, наверное, лет пять назад, я бы и не запомнил этой встречи, если бы не обсуждал потом с Пьетро. А взрыв произошел вскоре после этого.

– Хорошо, – сказала я примирительно. – Мы все это обсудим, когда доберемся до дома. Сейчас нужно срочно вытаскивать нашего Пьеро. Мы сможем там выйти?

– С грузом – нет. Там винтовая лестница, – покачал он головой.

– Значит, ничего не поделаешь, нужно возвращаться...

Обратная дорога показалась мне куда более короткой. Впрочем, мы не останавливались, чтобы покопаться в книжных шкафах или осмотреть какие-то диковинки. Лавиния, задержавшаяся, чтобы оставить в пещере пару неприятных сюрпризов для посетителя, догнала нас буквально через пять минут. На мой немой вопрос она ответила, усмехнувшись:

– Войти он сможет, и даже подойдет к алтарному камню. А вот дальше сдвинуться с места – уже вряд ли.

Вместе с загадочным Пьеро и Лавинией я погрузилась на скоростной катер, не заметив даже, чей он. Мне важно было продолжать вливать в человека, по-прежнему находящегося без сознания, небольшие порции энергии, которые бы раскатали и

расширили его каналы, но не пережгли их. В медицинском крыле Ка'Контарини нас уже ждали. Еще по дороге, коротко посоветовавшись, мы решили, что и с точки зрения медицины, и ради сохранения секретности, и для безопасности пациента это лучшее место. Джан-Баттиста связался с Пьетро, и за те двадцать минут, которые заняла у нас дорога, палата и приборы были подготовлены.

Медсестра поставила капельницу с питательным раствором, уже знакомый мне доктор Тедеска обсудил со мной режим, в котором нужны было добавлять энергию, и остался возле пациента. Тот все еще не пришел в себя, но пульс его стал более наполненным и четким. Похоже было, что обморок перешел в нормальный сон. Еще чуть подумав, я решила, что нелишним будет, если наш Пьеро проспит часов двенадцать, вот тогда уже можно будет привести его в чувство без риска для жизни, и доктор Тедеска пообещал добавить сонных чар, если пациент станет приходить в себя.

Джан-Баттиста, Лавиния и Нальи Сонтхи вместе с Пьетро Контарини ждали меня в зеленой гостиной за кофе и пирожными.

- Что скажет медицина? - нетерпеливо спросил Торнабуони, едва я сделала глоток кофе. - Когда можно будет с ним поговорить?

- Через двенадцать часов. Примерно столько он должен проспать, все это время находясь под капельницами. Думаю, что, придя в себя, наш незнакомец сможет разговаривать, - ответила я и тут же задала встречный вопрос: - А Лукани удалось найти?

- Да, - кивнул Пьетро. - Сейчас придет Джан-Марко и расскажет. Мы уже ввели мэтра Сонтхи в курс дела, поскольку тут многое переплетается с ее дисциплинами.

- Ох, вот ваши секретные материалы меня и вовсе не касаются, - махнула я рукой. - Удалить маску я, скорее всего, смогу, хотя мне и кажется, что тут она пробыла дольше и выросла сильнее, чем у Карло. Но остальное - не мое.

- Боюсь, что вам уже некуда деваться, Нора, - без улыбки ответил он. - Вы слишком многое узнали о самых тайных скелетах в некоторых шкафах, так что у вас лишь два пути - дать клятву как гражданке Серениссимы или провести остаток жизни, скажем, в монастыре. Или в дальнем поместье.

- Это шутка? - спросила я холодно.

- Ни в коем случае. Я серьезен, как катафалк. Правда, я забыл упомянуть, что как раз собирался вручить вам вот это, - жестом фокусника он вытянул из воздуха свиток невозможно официального вида, перевязанный красным шелковым шнуром, скрепленным тремя печатями - красной, коричневой и синей. - Прочтете сами?

Я стянула шнур и развернула свиток, потом посмотрела на Пьетро:

- Боюсь, что мой уровень старолатинского не так высок, чтобы читать на нем официальные документы.

- Позволь, я переведу? - Джан-Баттиста осторожно взял свиток из моих пальцев, пробежал глазами текст, удивленно вздернул брови и прочел вслух:

Решением Совета десяти, подтвержденным Советом судей и Советом магов Республики Венеция, признано право синьоры Элеоноры Аделаиды Франсуазы Хемилтон-Дайер на гражданство Республики, с подтверждением всех положенных гражданину прав и свобод, а равно с возможностью требования от указанной синьоры исполнения налагаемых обязательств. Подписано 18 марта 2184 года в Венеции.

Восемнадцатого марта. Три дня назад.

- Как я понимаю, это не совсем обычно? - спросила мэтр Сонгхи.

- Третий случай в истории Серениссимы, – любезно ответил Джан-Баттиста.

- Ну что же, – медленно проговорила я, – наверное, по такому поводу нужно открыть шампанское?

Через мгновение лакеи внесли поднос с бокалами-«флейтами», ведро со льдом и бутылки. Выстрелила пробка, и одновременно в дверях показались Карло Контарини и Джан-Марко Торнабуони.

- Что мы празднуем? – спросил Джан-Марко.

Вместо ответа я протянула ему свиток. Он прочел и, вернув его мне, только и сказал:

- Ого! Поздравляю!

«Как интересно, – подумала я, улыбаясь и чокаясь со всеми, – значит, Пьетро держал эту часть наших договоренностей ото всех в секрете? А зачем?»

Карло выглядел отлично. Правда, мимика пока была несколько затрудненной, но, по моему опыту, это вопрос полутора недель, потом все наладится. Он наклонился ко мне и сказал негромко:

- Беатриче просила меня узнать, можно ли ей навестить вас?

- Конечно, – улынулась я. – Буду рада ее видеть. Да хоть завтра. Пусть приезжает часов в пять, мы выпьем чаю по бритвальдскому обычаю.

- Итак, – сказал Джан-Марко, когда шампанское было допито и бокалы унесены, – мы нашли и допросили гондольера Антонио Лукани.

- Он сопротивлялся?

- Никоим образом, – Джан-Марко устало махнул рукой. – Бедняга бы не смог сопротивляться даже котенку. Наниматель поймал его на острый крючок, посадив на черный лотос.

- Погоди, он что – эльф? – удивилась я.

Пыльца черного лотоса, вызывающая у чистокровных людей сонливость и грезы наяву, эльфам давала стойкое мгновенное привыкание и, как рассказывают, неземное блаженство, от которого просто невозможно отказаться по собственной воле.

- На четверть, этого хватило.

- И что, Антонио не знал, к чему это приводит?

- Он даже не знал, что к его трубочному табаку подмешано зелье. А когда очнулся, было уже поздно, и без очередной дозы пыльцы его начинало ломать. Так что для нанимателя Лукани был готов на все.

- А имя нанимателя мы узнали? – спросил Пьетро.

- Узнали. Но это ничего нам не дает. Лукани знал его как Джованни Вестрелли.

- Вестрелли? Но...

- Да-да, я знаю, что Джованни Вестрелли умер полгода назад в сумасшедшем доме на Сан-Серволо, а до смерти больше десяти лет оттуда не выходил. Я же говорю, имя нам ничего не дает. Лукани всегда забирал своего патрона из дома в сестере Дорсодуро. Не дворец, не особняк – дом, где первый этаж занимает таверна, на втором живут ее хозяева, ну а третий, с отдельным входом с маленькой боковой *fondamenta*, они сдавали.

- Договор они, конечно, показали? – вмешался Джан-Баттиста.

- Конечно. Договор аренды подписан двенадцать лет назад трактирщиком Лукой

Падовани и синьором Джованни Вестрелли, гражданами Венеции. Он оплатил аренду сразу за два года, а потом ежегодно слуга приносил этому самому трактирщику наличные дукаты, и все были довольны. Падовани не лез на третий этаж, арендатор не спускался в таверну.

- Засаду оставили?

- Да ерунда это, там он больше не появится, - включилась в разговор госпожа Редфилд. - Скажи лучше, Джан-Марко, магические следы сняли?

- Да, госпожа профессор, - Джан-Марко поклонился.

- И?

- И установили параметры ауры. По характерным признакам, расположению и рисунку цветковых пятен, сетке Парацельсуса и прочему - это один из семьи Паски.

Я припомнила, что это имя уже всплывало, и не так давно. Ну, конечно - история с отравлением Марии Контарини-Боволо! Понятно, давние враги... Взглянув на Пьетро, я поразились тому, как закаменело его лицо.

- Паски, значит? - проговорил он очень тихо.

- Погоди-погоди, - Джан-Марко похлопал его по колену. - Дело в том, что один из младших сыновей Бонифацио Паски был изгнан больше четверти века назад, и семья от него официально отреклась. Говорили, что Аренелло Паски отправился на африканский континент, в джунгли Квазулу-Нгуни, к тамошним колдунам, поклявшись найти способ мести семье.

- Колдуны Квазулу-Нгуни... - сказала мэтр Сонтхи. - Да, у исангола он мог найти многое. И кстати, свихнуться окончательно.

Джан-Марко кивнул и продолжил:

- Я полагаю, что двенадцать лет назад он тайно вернулся в Венецию, каким-то образом сговорился с Джованни Вестрелли...

- Или попросту полностью расшатал его разум, и без того слабый, - дополнила Лавиния.

- Или так; и начал мстить. Вспомни, Пьетро, когда и с чего началось ослабление клана Паски?

- Со смерти старого Бонифацио, - вздохнул тот. - Да, апрель 2172 года. Потом в течение года за ним последовали четверо сыновей, и власть над кланом ушла к вдове старика, Антонелле. Внуки ее живы, но малы и вообще... не тянут. Кстати, вот отравить девочку Антонелла могла, она весьма серьезный алхимик и яды умеет подбирать.

- Это дает нам понимание, кто наш противник. Но мы пока не знаем, например, зачем этому Аренелло понадобилось зеркало или почему Карло год прожил без лица, - напомнила я. - Да и где искать нашего Джокера, тоже пока неясно.

- Джокера мы найдем, - небрежно отмахнулся Джан-Марко. - У нас есть параметры ауры, имя, которым он пользуется, место, где он должен появиться... Хорошо, что мы не стали выходить через развалины дома алхимика: про суету в Rimembranze он наверняка узнал, а вот нашли ли мы его логово - не знает.

- Возможно, завтра мы что-то узнаем от нашего Пьеро, - добавила Лавиния. - Он довольно долго мог наблюдать за фигурантом и какие-то его привычки, слабости, любимые словечки мог приметить. Нора, как ты считаешь, он придет в себя... э-э-э... нормальным?

- Откуда же я могу знать? - пожала я плечами. - Может, он никогда и не был нормальным? Может, Джокер его выкрал из той самой психиатрической лечебницы на Сан-Серволо? Меня гораздо больше заботят другие его жертвы...

- Будем искать, - меланхолично ответил Джан-Марко. - Поднимем дела о пропажах у

себя и у городской стражи, навестим родственников, поговорим, порасспрашиваем, пособираем слухи... Как ни крути, наша работа – это на девяносто процентов бумаги и разговоры, разговоры и бумаги. Только потом появляется великий сыщик и раскладывает все по полочкам. Ладно, отдохнули – и хватит!

Он хлопнул ладонью по столу и решительно поднялся.

– Лавиния, ты со мной? – спросила я, вставая.

– Нет, я вернусь поздно, мне нужно поработать в архивах СБ, раз уж я тут очутилась. Плыви одна, меня Джан-Марко отправит.

Я задумалась: плыви – это хорошо, вот только катер мой давным-давно ушел домой, в Ка'Виченте. Пешком пойти? Тут с полчаса ходу, если не заблужусь...

– Ты не будешь против того, чтобы воспользоваться моей гондолой? – спросил у меня за плечом Джан-Баттиста.

– О, отлично, спасибо! А то я как раз вспоминала, как заблудилась ровно по дороге отсюда к дому, когда шла в первый раз.

– Тогда идем, Франческо нас мигом доставит...

Не знаю уж, как так вышло, но к моменту, когда гондола мягко причалила к ступеням Ка'Виченте, Джан-Баттиста был приглашен поужинать со мной. Собственно, почему бы и нет? Я точно знаю, что Джузеппина готовила сегодня гамбо по-луизиански, можно надеяться, что и со вторым блюдом в грязь лицом мы не ударим...

Ну, хорошо, лукавить перед собой не буду: да, мне хотелось побыть наедине с Джан-Баттистой и понять, померещился ли мне тот поцелуй... те поцелуи под цветущими магнолиями, в маленьком дворике рядом с храмом Ниалы?

Мы поужинали, но розовое вино из Провенса успело нагреться, пока к нему вернулись. Нет, поцелуй мне не приснились. Джан-Баттиста уходил от меня уже под утро, и я упала в постель, еще хранившую тепло наших тел.

Пару часов мне удалось поспать, потом в сон ворвался звонок коммуникатора:

– Нора, доброе утро, это Пьетро!

– Угу, – мрачно ответила я. – Утро редко бывает добрым.

Мой тон он предпочел не заметить и продолжил все так же жизнерадостно:

– Наш Пьеро пришел в себя и даже вспомнил, кто он такой. Очень, знаешь ли, неожиданный поворот...

– И кто же? – невероятным усилием воли я затолкала внутрь зевок.

– Приезжай, все узнаешь! – хмыкнул мой мучитель и отключился.

Я упала на подушку и от души выругалась. Про себя, естественно... А ведь придется ехать. В голосе Пьетро звучали изумление, радость и злорадство, смешанные в равной пропорции и припорошенные явным желанием сорваться в пляс. Просто не прощу себе, если не узнаю как можно скорее все новости!

Интересно, а Лавиния здесь или тоже... хм... позволила себе приключения?

Госпожа Редфилд завтракала на кухне, обсуждая с Джузеппиной тонкости приготовления яблочного пирога с карамелью. Я украла с большого блюда жареную колбаску и села напротив.

– Ваш кофе, синьора! – кухарка уже протягивала мне чашку с кофе. Без сливок. Темный, как прошедшая ночь, такой же горячий и сладкий. Кажется, я покраснела, уткнувшись в чашку...

- Лавиния, звонил Пьетро, – сообщила я. – Нас ждут в Ка'Контарини.

- Отлично, – она отставила чашку и поднялась из-за стола. – Прежде чем мы поедем, загляни в мою спальню, пожалуйста.

Я чувствовала некоторую разбитость вкупе с усталостью и недосыпом. Ну, ничего удивительного в таком состоянии не было – после смерти Фрэнка у меня никого не было, а прошло ведь уже три года. Растренировалась, знаете ли...

Усадив меня на пуфик, магичка встала за моей спиной, положила мне ладони на лоб, и я почувствовала, как теплая волна пробежала по всему телу, смывая все неприятные ощущения, наполняя силой.

- Спасибо!

- Пожалуйста! – Она улыбнулась. – Ну вот, теперь ты и выглядишь поживее. Так что, поехали?

Массимо уже вывел катер из крытой стоянки под домом. На белом борту между двумя красными полосами было четко выведено темно-синими буквами: «Istiophorus». Я одобрительно кивнула: да, правильно, вот сейчас мы спешим.

В зеленой гостиной, так же, как и вчера, сидели Пьетро, мэтр Сонтхи и братья Торнабуони. Я остановилась в дверях, помахала им всем рукой и спросила:

- Ну что, идем расспрашивать?

- Идите вы с Лавинией и Джан-Марко, мы подождем здесь, – распорядился Пьетро. – Я-то уже поговорил с синьором... ну, он сам представится.

Что-то было в его ухмылке от козлоного сатира, подглядывающего за купающимися нимфами...

Маска Пьеро повернулась в нашу сторону, и мужчина, полусидящий на кровати, зашевелился, пытаясь сесть повыше. Сиделка помогла ему устроиться поудобнее, бросила суровый взгляд в нашу сторону и сказала, поджав губы:

- Десять минут, не больше!

Взяв стул, я села рядом с кроватью, взяла его запястье, проверила пульс и спросила:

- Расскажите, пожалуйста, как вы себя чувствуете?

- Гораздо лучше, чем мог бы предположить еще два дня назад. – Он неожиданно хмыкнул. – Это вы нашли меня?

- Мы все, да. Что вы помните?

- О! И много, и мало... Я хорошо помню, что вышел из своего дома утром двадцать шестого января две тысячи сто семьдесят девятого года. Меня кто-то окликнул, я начал поворачиваться... ну и собственно следующее, что я помню, – довольно жесткое ложе и оковы на руках и ногах. И эта личина...

Лавиния за моей спиной непочтительно присвистнула.

- То есть вы хотите сказать, что этот маньяк пять лет держал вас на цепи?

В горле у мужчины булькнуло, но он справился с собой. Белое лицо Пьеро исказилось в страшноватой улыбке:

- Пока мне не сказали, что прошло пять лет, я и не знал. Видимо, временами он усыплял меня, а иногда, наоборот, подолгу не давал спать... Маньяк, да... Боюсь, я теперь тоже не вполне нормален. Правда, Контарини сказал, что мой *corno ducale* еще не передали

новому дождю, но, как только я смогу стоять на ногах хотя бы пять минут подряд, непременно это исправлю.

Боги темные и светлые, так это пропавший дождь, Винченцо Лоредано!

Corno ducale... Так, а что было зажато в той ужасной отрубленной руке, которую нашли месяц назад на ступенях причала возле Дворца дождей? Я посмотрела на Джан-Марко, который стоял возле окна; тот многозначительно прикрыл веки, потом подошел к кровати так, чтобы пациенту удобно было его видеть, и спросил:

- Ваша светлость...

- Торнабуони, прошу вас! Я больше не правлю этим городом, не могу, и титул этот передам с радостью тому, кого нобили сочтут достойным.

На языке у меня повисло примерно сто вопросов, но я зажала рот руками и продолжала слушать.

- Хорошо... - Джан-Марко был в некотором затруднении, но справился с ним, - синьор Лоредано, а ваши атрибуты, что стало с ними?

- Не знаю. Мой... похититель довольно быстро справился с ними; он сильный маг, хотя использует странные формулы и артефакты. Где-то через месяц после моего пленения... о, тогда я еще пытался считать дни, надеялся, что смогу вырваться, - он всхлипнул и обессиленно сполз на подушках.

Оттолкнув в сторону Торнабуони, я подскочила к Лоредано, проверила пульс - вот тьма, почти не прощупывается! - и дернула за шнурок вызова медсестры.

- Кардиомонитор!

- Да, доктор, - оказывается, аппарат уже был приготовлен, и я одобрительно кивнула женщине.

- Вколите ему успокоительное в половинной дозе, камфору, потом поставите капельницу с глюкозой, двести миллилитров пятипроцентной. А, тьма, асистолия! Лавиния, нам нужно ввести эпинефрин в сердечную мышцу, ты сможешь его туда транслировать?

- Конечно, - госпожа Редфилд взяла у меня ампулу с чуть желтоватым раствором, надломив ее и сосредоточилась. Уровень жидкости в ампуле медленно начал понижаться, я кивнула и посмотрела на кардиомонитор.

Давление постепенно повышалось, сердечные сокращения уже достигли сорока восьми в минуту, дыхание восстанавливалось; кривые стали успокоительно-зелеными. Ну, кажется, коллапс нам сегодня не грозит... Да, явно Лоредано задышал ровнее. Надо же, как, оказывается, мешает невозможность видеть лицо пациента!

- Пожалуйста, когда докапаете глюкозу, - сказала я медсестре, - пустите так же капельницей двести хлорида натрия, и в него кокарбоксилазу сто миллилитров. Думаю, этого на сегодня хватит, но за монитором следите и, если что, вызывайте меня.

Я повернулась к Джан-Марко, который, кажется, не намеревался уходить.

- Даже не думай продолжать допрос сегодня!

- Я и не собирался! - Он соскочил с подоконника, чмокнул меня в щеку и сказал, видя мое ошарашенное лицо: - Я жду охрану! Пока возле двери не будет стоять пара надежных ребят из Службы, я тут сам посторожу!

- Разумно, - Лавиния бросила в корзину обломки ампулы. - А я, пожалуй, поставлю защиту на окна. Нора, если нужно, я могу влить ему немного энергии.

- Хм, - я задумалась. Там, в подземелье, у нас не было другого выхода, надо было поддержать организм, который перестал бороться. Но сейчас эта энергия, не усвоенная телом, может стать лишней, начнет сжигать его изнутри. - Нет, сейчас это будет лишним.

И раньше эта история не давала мне покоя, теперь же я не могла от нее отвязаться ни днем, ни ночью. Мне приснился сон, невыносимо реальный, и во сне я опять оказалась в той пещере-лаборатории-пыточной, где мы нашли Винченцо Лоредано. Я смотрела на все откуда-то сверху, будто висела под потолком. Внизу, подо мной, был алтарный камень с брошенными цепями, а возле него сидел на каменном полу Джокер. Он перебирал цепи, перекидывал их из ладони в ладонь, сжимал в кулаке и все время непрерывно что-то бормотал. Чуть снизившись, я подлетела поближе и прислушалась:

– Ну, согласись, это очень важный вопрос! Нет-нет, не возражай, сперва выслушай меня! Возможно, это прорыв, новое направление в науке, а ты тратишь время на споры... Как жаль, как мне жаль, что эксперимент не удалось довести до конца! Когда еще мне удастся найти экземпляр с такими необычными свойствами?.. И я никак не могу найти мою малышку, ты не знаешь, куда я поставил ее колыбельку в прошлый раз? Ее пора бы подкормить...

То, что Джокер говорил, вроде бы казалось связным, но я никак не могла понять, о чем он говорит? Вот примерно так же воспринимались мною разговоры молодых людей, которые приходили налаживать мой компьютер: вроде бы они говорят на таком же всеобщем языке, как и все вокруг, но ничего не понятно. Во сне меня несколько не удивляло мое умение летать, более того, я была уверена в своей невидимости и рискнула подлететь еще поближе. Но тут Джокер замолчал, поднял голову и посмотрел прямо на меня. Его глаза в прорезях маски оказались блекло-голубыми, совсем светлыми, почти белесыми, а зрачок сжался в крохотную точку.

– Это ты во всем виновата! – воскликнул он и, протянув руку в белой перчатке, схватил меня за левое предплечье.

Я вырвалась, отпрянула, взлетела к потолку и неожиданно оказалась втянутой в какую-то бесконечную вращающуюся трубу. Задыхаясь, сдирая ногти, хваталась за проносящиеся стенки, но какой-то поток тащил меня дальше и дальше. Вдруг со всего маху меня ударило о стенку этой трубы, правый локоть обожгло болью, и я оказалась в своей постели, замотанная в простыню. Это я с ней так отчаянно сражалась?

Выпутавшись из простыни, я ею же вытерла пот с лица. Да уж, всем кошмарам кошмар... Где-то между сердцем и желудком будто кусок льда застыл. Надо бы успокоить нервы, но я ж так сопьюсь. Или нет? Босиком я прокралась в кабинет, зажгла крохотный магический фонарик, налила первый попавшийся бокал до краев драгоценным пятидесятилетним келимасом и выпила его залпом. Вроде бы лед начал таять, я вернулась в спальню и нашла плед потеплее. Рукав моей шелковой пижамы задрался, и на левой руке проступили, наливаясь синевой, следы пальцев...

Глава 7. Volto

Мэтр Сонтхи отошла от окна моей гостиной, выходящего на Гранд-канал, и поставила на столик пустой бокал.

– Удивительное зрелище, – сказала она. – Что-то есть завораживающее в этих каменных дворцах, сияющих огнями, в разноцветных фонариках лодок, скользящих между домами, в постоянном плеске воды... У нас есть целые поселки на воде, хотя бы в дельте Меконга. Там их сотни, один переходит в другой, но это крохотные домики. Многие живут просто на лодках – спят, едят, рождаются и умирают. В тех поселках это не образ жизни и не элемент культуры, а просто бедность. А здесь... Невозможно привыкнуть.

– Я пока и не привыкла, – улыбнулась я. – Еще вина?

– Нет, спасибо. Мне нужна ясная голова, чтобы понять ваш сон.

– Может быть, все-таки это просто сон? Слишком много впечатлений за последние дни... – я и сама понимала, что цепляюсь за иллюзию, нежелание признать, что моя жизнь в Венеции вовсе не так безоблачна, как казалось мне до сих пор.

– Думаю, что это не просто сон, – покачала головой некромантка. – Я пока изучаю то, что известно о методиках исангола... Известно немного, но, в частности, они при помощи духов могут проникать в чужие сны и менять их. Это требует, разумеется, жертвоприношений, но, как мне показалось, нашего Джокера такие детали не должны смущать.

– Похоже на то... Это что же, мне и не спать теперь?

– О нет, почему же? У колдунов Квазулу-Нгуни свои методики, но у нас тоже кое-что найдется. В наведенный сон он проникнуть не сможет.

– Наведенный сон? То есть вы меня попросту усыпите, как больного перед операцией? – я была немало удивлена. Вот уж что-то, а навести магический сон даже я могу, это практически не забирает сил.

– Нет-нет, это совсем другая методика. – Мэтр Сонтхи задумалась, постукивая пальцами по своему колену в модных брюках. – Ну, наверное, можно сравнить ее с нахождением в магически укрепленном помещении. Ничто извне не может проникнуть туда, ничто плохое – но и медицинские заклинания, к примеру, тоже. Такой вот абсолютный щит. Им не стоит пользоваться слишком часто или очень долго, но, думаю, трех-четырех дней нам с коллегами хватит, чтобы Джокера... э-э-э... взять за хвост.

Увы, Лавиния отбыла в Лютецию почти сразу после попытки расспросить Лоредано, так что продемонстрировать полученные во сне синяки мне пришлось Нальи Сонтхи и Джан-Марко. Торнабуони-младший прошипел сквозь зубы что-то нелицеприятное в адрес Джокера, но мэтр Сонтхи с ним не согласилась. Вернее, не так: она согласилась с определениями, данными его моральному и физическому облику, нравам и привычкам, но отвергла все прочее.

– Дорогой господин Торнабуони, это ведь означает, что мы почти вытянули эту улитку из ее раковины! И что еще важно – наш оппонент пока не знает, что противником его является не одна только Нора Хемилтон-Дайер. При всех ее талантах она значительно менее сильный маг, чем вы или госпожа Редфилд.

– Вы хотите сказать, что он не знает обо мне или о вас? Или о Лавинии? – с сомнением покачал головой Джан-Марко.

– А откуда ему знать? В городе он бывает мало; сейчас не карнавал, и быть все время в маске как-то несподручно. А маску он явно по каким-то причинам не снимает совсем. Даже наедине с собой. Нору он знает, поскольку с ней столкнулся лично из-за зеркала...

– Минуточку, – глава СМБ перебил Нальи, но в пылу спора оба этого не заметили. – Он же тогда сказал какую-то фразу... что-то насчет правого крыла Контарини и левого

Торнабуони. Значит, о нашей поддержке-то он в курсе!

- Погоди-погоди, - вмешалась я. - Про то, что я пользуюсь вашей поддержкой, в Венеции знают даже голуби на площади Сан-Марко. И знают давно, уж с момента моего переезда сюда - точно. А это было еще во время карнавала, когда Джокер мог носить маску не снимая хоть круглосуточно. Кроме того, сейчас он лишен своего подручного, Лукани.

- Думаешь, у него нет других? - буркнул заядлый спорщик, не желая сразу соглашаться.

- Есть, наверное, - кивнула мэтр Сонтхи. - Но о моем приезде уж точно мало кто знает. Да и Лавиния не мелькала на балах и приемах. То есть предположить наличие охраны у Норы можно было, а вот сильную и не совсем обычную магическую команду - это вряд ли.

Сильная и не совсем обычная команда - это было хорошо сказано. Мне понравилось. Кто лучше меня знал, что для успеха операции нужны не только руки ведущего хирурга, но и слаженная команда - ассистент, операционные сестры, маг-анестезиолог! Тут меня уколола мысль, и я повернулась к некромантке:

- Мэтр Сонтхи, а вот тот осколок зеркала, который мы нашли в подземном ходе, что он собой представляет?

- Ну, вообще-то, когда зеркало раскололось, большая часть его магических свойств была утрачена. Следы остались, по ним можно предположить, что оно использовалось в ритуалах магии крови...

- Как же оно оказалось в этом пыльном коридоре? - удивилась я. - Хотя о чем я говорю; кто знает вообще, как давно оно там лежит...

- Не меньше пяти-шести лет, - ответила мэтр Сонтхи. - Остаточные следы сохранились только потому, что никто не пользовался этим проходом и их не сбили.

- Интересно, зачем ему так нужны зеркала? - задала я вопрос, ответа на который пока ни у кого не было.

Некромантка пожала плечами.

- Узнаем. Скажите, - она повернулась к Джан-Марко, - через неделю в семье ваших партнеров предполагается большой праздник, свадьба. Вы уже продумали защитные меры?

- Да, конечно! Правда, магам Ка'Контарини и Службы магбезопасности придется несладко. Приглашены все нобили Венецианской республики, а это, вместе с семьями, несколько сотен человек.

- Так-так... - подбодрила его мэтр Сонтхи, и я с трудом затолкала внутрь смехок: очень уж это было похоже на преподавателя, на экзамене подбадривающего студента.

- Во-первых, церемония в храме состоится накануне и приватно. Будут только члены семей Контарини и Торнабуони. Во-вторых, в день празднования внутрь бального зала и прилегающих помещений будут допускать исключительно приглашенных - никаких слуг, охранников, парикмахеров, визажистов и цветочниц. Более того, на всех дверях встанут маги со сканерами для проверки аур.

Он перевел дух, отпив глоток вина, и продолжил:

- Далее, молодые отбудут между первым тостом и вторым танцем, и то место, где они проведут медовый месяц, известно не более чем десятку человек. Ни один гость в маске допущен не будет, вне зависимости от того, кто он. Вы считаете, нужно что-то добавить?

- Я подумаю, - ответила мэтр Сонтхи. - Мне кажется, что тут никакие меры лишними не будут. Не тот случай, когда стоит расставлять ловушку.

- А я предлагаю ловушку все-таки устроить, - медленно сказала я. - Но не в Ка'Контарини, а здесь. Я ведь уже объявила свой первый прием в Ка'Виченте через десять дней после этой свадьбы. Сделаю в приглашениях маленькое дополнение: dress

code – обязательная маска. И если за ближайшие две недели стража и СБ не обнаружат Джокера, то уж на такую сочную наживку он сам должен пойти.

– Это ты себя называешь наживкой? – хмыкнул Джан-Марко. – Да мне братец голову оторвет, если я на такое соглашусь!

– А по-моему, идея неплоха... – ответила некромантка. – Гостей ведь будет гораздо меньше, чем на свадьбе, так, Нора?

– Конечно! Я сегодня целый день составляла список. Пока в него внесено восемьдесят шесть человек, и еще примерно два десятка я собираюсь добавить. Только вначале нужно обсудить кандидатуры с Франческой Контарини-Боволо.

– Ну вот. Отличный будет капкан, а мы с вами, дорогой господин Торнабуони, уж постараемся, чтобы в него попал крупный зверь.

– Главное, чтобы не вырвался! – буркнул Джан-Марко и встал. – Нора, ты завтра утром планируешь осматривать Лоредано? Мы сможем что-то еще у него выяснить?

– Да. В смысле – да, собираюсь и буду осматривать. Сегодня он был еще очень слаб, хотя и рвался поговорить. А вот завтра, надеюсь, можно будет продолжить беседу.

– Только, пожалуйста, не отправляйся одна!

Я вздохнула.

– В любом случае, я не одна, а с Массимо. Гондолой мы временно не пользуемся, только катером, а мой «Истиофорус» обгоняет любую лодку в этом городе, как стоячую!

– И тем не менее мне кажется, будет лучше, если я за тобой заеду.

Ненавижу, когда со мной говорят таким подчеркнуто спокойным тоном, словно с истеричным подростком!

– Хорошо. Ты за мной заедешь.

– В десять?

– Лучше в девять.

Несомненно, Винченцо Лоредано чувствовал себя куда лучше. И это было заметно не только по показаниям кардиомонитора, который, по моему настоянию, был подключен в постоянном режиме. Сегодня он легче двигался, шутил, свободнее разговаривал. Медсестра с не вполне натуральным возмущением пожаловалась, что пациент улучил момент и ущипнул ее за филейную часть. Украдкой я посмотрела на указанную часть: да, прямо просится в руки, могу понять Лоредано.

Мы сели рядом с его кроватью, и Джан-Марко задал первый вопрос:

– Синьор Лоредано, вы можете рассказать нам, что случилось с вашими атрибутами?

– Да, я помню, мы остановились на том, что примерно через месяц мой тюремщик пришел в мою комнату... тогда он держал меня в каком-то полуразвалившемся доме на поверхности, я хорошо помню, что во время дождя потолок протекал. Окно было забито досками, но оно было, и я слышал через него шум прибора.

Мы переглянулись с Джан-Марко, вспомнив о взорвавшемся доме сумасшедшего алхимика, а Лоредано отпил глоток воды и продолжил:

– Да, так вот, однажды Джокер пришел ко мне очень радостный и сказал, что он нашел способ забрать мой перстень. Я уверен был, что это невозможно, и посмеялся над ним... н-да... В общем, когда я пришел в себя, оказалось, что перстня на руке нет.

– То есть он у Джокера?

- Нет.

- Поясните, пожалуйста.

Я бросила обеспокоенный взгляд на кардиомонитор, потихоньку пнула Джан-Марко по ноге и прошипела:

- Полегче!

Он сверкнул на меня глазами, но тональность смягчил:

- Простите, синьор Лоредано, вы же понимаете, какой это важный вопрос!

- Понимаю и не сержусь, - в его голосе послышалась усмешка. - В ту минуту мне казалось, что вообще ничего нет более важного. Так вот, перстень просто исчез, и все. Он ушел от меня, но и Джокера хозяином не признал. Вообще, это создает серьезный юридический казус - новый дож традиционно вступает в должность с того момента, когда его признают атрибуты. Если их нет, то, значит, нет и дожа.

- Святая Бригита, как все сложно! - не выдержала я. - Атрибуты в какой-то момент были сделаны людьми...

- Гномами, - осторожно поправил меня Лоредано.

- Да хоть горными троллями! Они не с небес упали, их не принесли всемогущие боги. Когда-то Венецией управляли дожи, у которых не было негигиеничной и сильно поношенной шапки странной формы, - продолжала я бушевать. - И ничего - город построили, он стоит и, как и тогда, отражается в водах лагуны. Ну, не будет у нового дожа перстня с сапфиром. Пусть атрибутом станет браслет вроде обручального или цепь. Да хоть специальная табуретка! Символы для людей, а не наоборот!

Теперь уже переглянулись Джан-Марко и наш пациент. Мне стало неловко, я отошла к окну и буркнула:

- Извините.

- Нет-нет, это очень здравая мысль! - весело ответил Лоредано. - Дайте мне встать на ноги, и это будет первым законопроектом, который я внесу на рассмотрение Совета нобилей!

- Э-э-э... а вы ведь настаивали на том, что оставите свой пост? - спросила я.

- Но ведь нобилем я быть не перестану! Нас двести пятьдесят пять семей, число это не меняется уже больше восьмисот лет. Глава семьи является членом Совета нобилей, и любой из нас может внести предложение о принятии нового закона.

- Понятно... - протянула я. - Но простите, я отвлекла вас от рассказа. Итак, мы остановились на том, что перстень пропал...

Лоредано помолчал, собираясь с мыслями, потом вновь стал рассказывать:

- Перстень, да... Его я не видел больше. А вот *corno ducale* не исчезла. Время от времени у Джокера появлялся новый пленник. Там, в том доме, я иногда слышал голоса, порой кто-то кричал или плакал. Как вы понимаете, более всего меня волновала идея моего собственного освобождения. Я предлагал ему деньги, разумеется, должности, любые варианты, которые только могли прийти в голову. Иногда он смеялся, порой впадал в ярость, и тогда мне доставалось... От ударов энергетической плетью я приходил в себя по многу дней, тем более что кормил он своих пленников от случая к случаю.

- Энергетической плетью? - переспросил Джан-Марко.

- Да, ощущения примерно как от удара электрическим током вместе с ожогом под кожей.

- Хм... Огненные, водные, воздушные - знаю. А для энергетической нужно иметь чудовищный запас, никаких накопителей не хватит, - выражение лица главы СМБ стало глубоко задумчивым, даже рот слегка приоткрылся.

- Постепенно я разобрался в том, как он это делает. Да и в предназначении пленников тоже... на собственной шкуре, - на сей раз смешок Лоредано был горьким. - Однажды Джокер пришел ко мне - это было уже под землей - не то пьяным, не то обкурившимся и стал рассуждать вслух. Постепенно он забыл о моем присутствии, а я на всякий случай сделал вид, что потерял сознание. Джокер говорил с каким-то невидимым собеседником, спорил с ним, что-то ему доказывал... а я слушал. Я уже не просчитывал варианты, как смогу вырваться. Просто надеялся на счастливый случай, и запоминал все, что мог запомнить.

Я взглянула на кардиомонитор: пора было прервать разговор, хотя бы на короткое время.

- Синьор Лоредано, - мягко сказала я. - Давайте мы сделаем небольшой перерыв, вам принесут бульон, да и мы с Торнабуони перекусим.

- Бульон? - оживился бывший пленник. - Отлично! Я уж думал, мне до конца жизни питаться растворами через капельницу!

- Нет-нет, - я улыбнулась его энтузиазму. - С сегодняшнего дня постепенно начнете переходить на нормальное питание.

Мы с Джан-Марко дошли до одной из малых столовых Ка'Контарини, где в любое время суток можно было перекусить. Да, конечно, с моим скромным домом этот гигантский комплекс не сравнить: здесь только членов семьи живет больше тридцати, а уж сколько слуг, секретарей, помощников, охранников, магов и боги знают кого еще - и не счесть. В столовой сейчас почти никого не было, кроме пары охранников, наворачивавших пасту, и стайки молоденьких горничных, которые шушукались и хихикали. Попросив принести нам дежурное блюдо, Джан-Марко повернулся ко мне:

- Как ты считаешь, мы можем сегодня продолжать допрос?

- Допрос? - подняла я брови.

- О тьма! Прости, сорвалось с языка. Беседу мы сегодня сможем продолжить?

- Почему нет? Наш Пьеро передохнет, подкрепитесь... я велела дать ему не только бульон, но еще и немного вина с водой, так что еще примерно на час можем рассчитывать.

- Ну, надеюсь, он успеет рассказать, за каким Темным Джокеру понадобилось похищать не кого-нибудь, а дожа...

- Не жадничай, - сказала я назидательно, отнимая у Джан-Марко последний кусок пирожного. - Сколько успеет, столько и расскажет. Завтра тоже будет день.

- Будет, конечно, но вот, поверишь ли, я просто чувствую, как мне припекает филейную часть. Какие-то неприятности уже совсем близко...

- Хотелось бы надеяться, что свадьбу Карло и Беатриче они не испортят. Слушай, а может их подменить?

- Кем?

- Ну, найти пару актеров... или нет, это неправильно. Пару сотрудников твоей Службы безопасности, они-то присягали Венеции. Накинуть на них хорошо построенную иллюзию, и пусть изобразят наших молодых в течение двух-трех часов.

- Не пойдет, - с сожалением покачал он головой. - Мы уже обсуждали это с самим синьором Контарини и с Пьетро. Мы не знаем, какой магией владеет наш противник. Вполне возможно, что он видит сквозь иллюзии. И кроме того, я уверен, что у него есть какие-то помощники в городе. Информаторы, охрана, может быть, *bravi*... Нет уж, придется рисковать.

Вернувшись в палату, я вновь придирчиво проверила показания кардиомонитора; все

было в норме, глаза Лоредано под маской блестели, а картонные губы улыбались. И не спрашивайте меня, как это возможно, я не знаю! Опередив нас с Джан-Марко, мой пациент радостно сказал:

- Ну что же, я готов продолжать! На чем мы остановились?

- На том случае, когда Джокер пришел к вам в подземелье нетрезвым, - напомнил мой спутник.

- Ага, точно... Итак, я запоминал все, что мог запомнить. В тот раз он бормотал что-то о свойствах крови. Сколько я мог понять, у некоторых людей в крови есть особый компонент, позволяющий получать магическую энергию практически в неограниченном объеме...

- Минутку, - Джан-Марко остановил рассказчика.

- Но...

- Пожалуйста, минуту помолчите!

Он подошел к двери, прислушался и резко распахнул ее.

- Ага...

За руку была ухвачена одна из тех самых хохотушек-горничных, что мы только что видели в столовой. Я запомнила ее, потому что она уж очень активно строила глазки обедающему рядом охраннику.

- Здравствуйте, синьор, - она попыталась сделать реверанс.

- Подслушиваем? - ласково поинтересовался глава Службы магической безопасности.

- Нет, синьор, как можно! Меня отправили вытереть, там уронили... разлили...

- Подслушиваем. - Джан-Марко утвердительно кивнул и, не повышая голоса, позвал: - Начальника службы охраны сюда. Немедленно!

Старший охранник Ка'Контарини, невысокий, крепко сбитый мужчина со шрамом на щеке, возник в коридоре через несколько секунд. Вот просто только что не было, и опа - он возник рядом с девушкой. Посмотрел на ее пылающие уши, перевел взгляд на Джан-Марко:

- Синьор Торнабуони?

- Запереть, антимагические браслеты, тройную охрану, - отрывисто скомандовал тот. - Глаз не спускать! Закончу здесь, приду ее допрашивать. У этих дверей поставить двух магов, пропускать только меня, синьору Хемилтон-Дайер и медсестру, которую синьора укажет.

- Так точно, - мужчина отсалютовал и посмотрел на горничную. - Полетели, пташка.

Девчонка плюнула на пол, почти попав на ботинок Джан-Марко. И куда девалась сладкая мордашка и честные глаза?

Торнабуони вернулся в палату, поставил абсолютный защитный экран и сказал мрачно:

- Синьор Лоредано, вот о том, что при помощи магии крови можно получать энергию, вы больше никогда и никому не скажете.

Тот кивнул:

- Я вас понял.

- Вы сейчас дадите в этом клятву по полному кругу. Иначе я сам буду вынужден вас придушить. Нора, ты тоже.

Мы с Лоредано синхронно вздохнули. Магическая клятва по полному кругу, помимо ее

абсолютной, смертельной нерушимости, плоха еще и тем, что на сутки совершенно выматывает поклявшегося. Становишься слабее котенка. Но понять Джан-Марко я тоже могла: магические войны начинались и из-за меньших секретов.

– Простите меня, – повинился Лоредано. – Некоторая, знаете ли, эйфория от моего чудесного спасения. Язык летит впереди разума. Конечно, я дам клятву и буду молчать.

Отведя Джан-Марко в сторону, я спросила шепотом:

– Даже Пьетро?

Он кивнул в ответ. Да, разумно: Пьетро хороший человек, но он честолобив, а ему еще долго находиться в тени отца. Искушение может оказаться слишком сильным.

– А Лавиния? – снова задала я вопрос.

– Ей скажем, – подумав, ответил Джан-Марко. – Она могла бы уже десять раз стать королевой, императрицей, хоть владычицей морскою, если б захотела. Больше – никому.

И я поклялась.

Прежде чем мы оставили Лоредано в закрытой всеми возможными охранными заклинаниями палате, под присмотром лично знакомой Торнабуони медсестры, он тихо спросил у пациента:

– Синьор Лоредано, есть ли еще что-то, что мне нужно срочно знать?

– Нет, – ответил тот слабым голосом. – Не знаю... Не уверен.

– Я максимально постарался обезопасить вас, но, сами видите, иногда опасность возникает с неожиданной стороны. Окно закрыто огненным щитом, если кто-то попытается проникнуть через него, сгорит. Правда, выходит оно во внутренний двор Ка'Контарини, но мало ли... Возле двери я поставлю двух человек из Службы магбезопасности, плюс здесь будет находиться медсестра. Вот это, – Джан-Марко положил под одеяло возле левой руки Лоредано небольшой бархатный мешочек, – сигнал. Вам достаточно дважды сжать его рукой, и я открою сюда портал.

– Понял. Успокойтесь, молодой человек, я не золотой запас Серениссимы, чтобы меня так охранять, – мужчина на кровати храбро улыбнулся.

Джан-Марко пошел к двери, чтобы провести через охранную сетку медсестру, а я воспользовалась тем, что никто на нас не смотрит, и положила возле правой руки Лоредано узкий стилет, который с некоторых пор всегда носила с собой.

– Спасибо, – произнес он совсем тихо. – Вот это действительно нужная вещь.

Выйдя из Ка'Контарини, я села на ступеньки водного подъезда.

– Извини, дорогой друг, пешком не пойду. Что-то меня ноги не держат.

– Сейчас будет катер, – махнул он рукой. – Неужели ты думаешь, что я бы позволил тебе после клятвы пройти пешком даже сто метров? Поедем перекусить в одно хорошее место, потом я отвезу тебя домой и велю твоей экономке проследить, чтобы завтра ты спала до полудня.

– Не выйдет, – усмехнулась я. – Завтра в одиннадцать я встречаюсь с Маргарет Контарини и Франческой, они будут критиковать мой план приема.

– Н-да, пожалуй, даже я не рискнул бы позвонить Маргарет и перенести встречу на более позднее время...

– Ладно, я уже большая девочка, к тому же медик. Как-нибудь определю, достаточно ли восстановился мой организм... Я думаю, где-то в два смогу быть здесь, чтобы проверить

состояние синьора Лоредано и закончить разговор. Годится?

– Да. А вот и катер!

Хорошее место оказалось маленьким ресторанчиком на Бурано, в домике, раскрашенном в ярко-малиновый цвет с голубыми дверями и наличниками. В отличие от самой Венеции, склонной к светлым и приглушенным тонам в архитектуре, на Бурано не стеснялись использовать самые яркие краски, и набережная вдоль узенького, в одну гондолу, канала цвела, словно клумба с петуниями и виолами.

Мы успели только сесть за столик и раскрыть меню, как за моей спиной раздался голос, от которого сердце замерло, а потом застучало чаще.

– Привет, братец! Добрый вечер, Нора! Еще не заказывали? Я сегодня остался без обеда и голоден, как акула.

Джан-Баттиста сел со мной рядом, поцеловал мне руку, посмотрел внимательнее в лицо и вдруг спросил у брата:

– Опять твои штучки? – Тон его был холодным, как вчерашняя паста. – Знаешь, Марк, у меня возникает сильное желание предложить Норе уехать куда-нибудь на греческие острова на пару месяцев, пока все это не закончится.

– Что ты называешь «моими штучками», Тино? – столь же холодно поинтересовался Джан-Марко.

У-у-у, да тут, кажется, давнишние колючки выросли в отношениях между братьями, как бы не попасться... Я сидела тихонько, опустив глаза, и крутила в пальцах ножку бокала.

– Любому известно, что методы, применяемые безопасниками, к гуманизму отношения не имеют!

– А поконкретнее? – холода в голосе Джан-Марко еще прибавилось.

– Всю конкретику я вижу на лице Норы! Довольно было бы того, какая она бледная. Ты вымотал ее до последней стадии участием в допросах, на что не имел никакого права, Марк.

Пожалуй, пора прекращать эти петушинные бои, подумала я и примирительно положила ладонь на руку Джан-Баттисты.

– Налей мне еще вина, пожалуйста, и послушай минутку. Пожалуйста!

– Слушаю, – сердито сказал он.

– Во-первых, это не был допрос. Ты ведь знаешь, кого мы нашли в подземелье?

Джан-Баттиста кивнул, и я продолжила:

– Ты же понимаешь, я не могла допустить, чтобы с моим пациентом разговаривали без врачебного присмотра. А учитывая, что он рассказывал, посвящать в это еще одного медика было бы неразумно.

– А что именно он рассказывал?

– Я тебе потом изложу вкратце, – покачал головой Джан-Марко. – Не здесь.

– Договорились. Но это не объясняет, почему ты выглядишь как ундина какая-нибудь!

– Такая зеленая? – рассмеялась я. – Все нормально, это последствия магической клятвы. Все узнаешь от Марка. А теперь, если меня не накормят, я начну грызть причальный столбик!

Пожалуй, это был даже не ресторан, а небольшая таверна – четыре столика внутри и еще три – на улице, прямо на набережной. Я уже привыкла к такого рода венецианским заведениям, где готовит бабушка, на кассе сидит хозяйка, принимает заказы хозяин, а дочери с ним вместе подают еду клиентам и моют посуду. Впрочем, иногда готовил хозяин, а его громогласная неохватная супруга болтала с посетителями, перекидывалась местными шутками и сплетнями, наливала вино и могучей рукой усмиряла излишне горячих спорщиков.

Тут была именно такая хозяйка. Поглядев на меня, она покачала головой и, не слушая, что я говорю, притащила огромную тарелку с горой пасты с вонголе – красной от соуса, огненно-острой и безумно вкусной. Я уверена была, что в меня не влезет и половина этой чудовищной порции, но с удивлением поняла, что, кажется, доем и вон ту последнюю ракушку. Джан-Марко заказал Valpolicella, и красное вино отлично гасило пожар во рту после острого перца.

– Ну вот, – одобрительно сказала хозяйка, унося тарелки, – теперь хоть румянец на щечках появился!

Джан-Марко усмехнулся и подлил мне еще вина.

Похоже, это стало уже привычкой: я выключилась еще в катере, на плече Джан-Баттисты, и проснулась уже среди ночи в своей спальне. Комната была освещена только лунным светом, и в нем я увидела мужской силуэт у окна, в кресле. Сердце вознамерилось было упасть в пятки, но тут мой ночной гость щелкнул пальцами, зажигая магический фонарик, и я узнала Джан-Баттисту.

– Прости, милая, не решился оставить тебя одну, – сказал он. – Тебе что-то снилось, ты металась и вскрикивала во сне.

– Ну, хорошо, хоть не храпела... – ответила я с улыбкой. – Ничего не помню, что мне снилось, ну и неважно. Ты знаешь, мне кажется, что тебе будет гораздо удобнее охранять меня от плохих снов, если ты расположишься поближе. Тут вот и подушка вторая имеется...

Он попытался уйти еще до рассвета, чтобы не компрометировать меня в глазах слуг, но я только посмеялась над этой неуместной скромностью:

– Слушай, мне довольно много лет, и я была замужем. Никакой репутации, которую можно было бы испортить, у меня нет. И кроме того, я уверена, что Джузеппина уже поставила тесто для двойной порции булочек. В этом городе нет ничего, что можно было бы скрыть от живущих в доме!

Мы допивали в столовой по второй чашке капучино, когда в дверь вошла моя экономка. В руках у нее был конверт с черной окантовкой. Я вскрыла конверт, пробежала глазами несколько строчек и уронила письмо.

– Синьора Пальдини, как же так? Он ведь не был старым!

Джан-Баттиста подобрал листок и прочел:

С прискорбием извещаем... на шестьдесят пятом году жизни... синьор Доменико Лаварди... в среду, 2 апреля, в десять часов утра на кладбище Сан-Микеле.

– К сожалению, большое сердце передалось ему от матери. Ангелика тоже умерла рано... – синьора Пальдини вздохнула и спросила деловым тоном: – Вы пойдете, синьора?

– Конечно.

– Barca dei Morti отплывет от дома покойного в половине десятого... Нам нужно будет отправиться чуть пораньше, в девять. На Сан-Микеле всего один причал, а проститься с

Доменико придут многие.

Она вышла. Джан-Баттиста погладил мою руку.

– Я тоже знал его. Его все знали, вся Венеция. В известном смысле он был Венецией...

Мы помолчали, потом он со вздохом встал:

– Надо идти. У тебя через полчаса встреча, у меня совещание по размещению активов. Вечером мы увидимся?

– Знаешь, нет настроения куда-то идти... Приезжай сюда, поужинаем у меня.

Джан-Баттиста наклонился и поцеловал меня, и дыхание опять перехватило.

Франческа приехала ко мне в одиночестве, сказав, что у Маргарет прихватило сердце, когда она узнала о смерти синьора Лаварди. Они были хорошо знакомы с юности... Впрочем, синьора Контарини маг, ей положено выглядеть молодой. Обсуждение веселой вечеринки тоже как-то не задалось, так что мы просто поболтали ни о чем за чашкой кофе, и моя подруга отбыла. Я взглянула на часы: двенадцать, а Джан-Марко ждет меня к двум. Пойти прогуляться по городу? Но я обещала не выходить без охраны, пока Джокер не найден. Подняться на чердак? Хм, а это мысль. Надо забрать оттуда портрет Лауры, негоже ей пылиться на чердаке.

Не прошло и часа, как при активной помощи всех домочадцев картина была снесена вниз, очищена от пыли и осталось только выбрать место, где ее разместить. Хотя что тут думать – в будуаре, пусть висит над тем самым туалетным столиком, что на ней изображен!

Лоредано оправился от слабости, вызванной принесением магической клятвы, и готов был рассказывать дальше. Джан-Марко поставил щит от подслушивания и задал первый вопрос:

– Итак, мы остановились на судьбе ваших атрибутов. С перстнем понятно, а что же все-таки произошло с согпо?

– Как я уже говорил, иногда у Джокера появлялись другие пленники. По-видимому, он не может заранее определить, чья кровь ему подойдет... для того, о чем мы говорили.

– Или не всегда может... – возразила я.

– Поясни, пожалуйста, – попросил Джан-Марко.

– Ну, ведь вас, синьор Лоредано, он похитил прямо на улице, поздним утром, рискуя, что это увидят. Он знал, что это именно вы, ведь так?

– Да, я был без маски, а в городе меня знают в лицо... То есть знали, сейчас-то, наверное, уже забыли.

Мне понравилось то, как он об этом сказал – без горечи, без сожаления, без обиды, просто констатировал.

– То есть можно предположить: Джокер знал, что в вашей крови есть нужный ему элемент. Заранее знал, понимаете? Иначе он бы увез с улицы какого-нибудь пьяницу, нищего, забулдыгу, который пойдет куда угодно за обещанной бутылкой вина.

– Согласен. И что это нам дает?

– Сколько человек могли видеть ваш анализ крови? – спросила я, наклонившись к Лоредано.

Тот откинулся на подушки и задумался, потом начал перечислять:

– Ну, разумеется, мой личный врач и его ассистент. Далее, мои секретари, все бумаги в первую очередь попадали к ним. Совет десяти, поскольку именно его члены утверждают избрание на должность дожа. Плюс секретарь Совета. Все, пожалуй.

– Больше, чем хотелось бы, но меньше, чем я предполагал, – философски заметил Джан-Марко. – Будем проверять. Итак, мы говорили о других пленниках...

Как выяснилось из рассказа синьора Лоредано, второй атрибут дожа, особую шапочку, Джокер сумел подчинить и носил ее не снимая – то ли дразнил плененного правителя, то ли воображал себя им. Один из невольных соседей Лоредано по подземной тюрьме сумел не только сохранить разум, но и попытался бороться. Он ухитрился утащить один из стилетов мучителя и ударил того в бок. Увы, сил у него оставалось немного, и удар оказался слишком слабым, чтобы нанести серьезный вред. Разъяренный Джокер убил пленника этим же стилетом, но в схватке тот сорвал со своего противника *corno ducale* и так сильно зажал в кулаке, что и у мертвого ее невозможно было забрать.

– Ну, вот и нашлось объяснение тому подарочку, что вынесли волны у Дворца дожей, – сказала я, когда мы попрощались с изрядно утомленным пациентом и вышли.

– Да... боюсь, что имя этого храброго человека мы уже не узнаем, – Джан-Марко подал мне руку, помогая сесть в катер, и устроился на подушках напротив. – Тебя отвезти домой?

– Домой, – ответила я, бросив взгляд на часы. – Пока мы в дороге, расскажи мне, что дал допрос девчонки?

– Да ничего практически, – он с досадой махнул рукой. – К Джокеру она не имеет отношения, ей платили через посредника, конечно, но заказчиков интересовала информация о новых контрактах верфей Контарини: с кем подписано, платежи, имена...

– Конкуренты?

– Да. Кто, не вполне ясно, но это уже Стража будет рыть. Магических преступлений в этом нет. Да и, честно говоря, еще и это расследование я бы не потянул. Спасибо тебе, в Джокере и его подвигах закопался по самые уши. Теперь еще вокруг Лоредано всех проверять...

– Послушай, а почему мы решили, что необходимый Джокеру элемент определяется по анализу крови? – внезапно пришло мне в голову. – Скорее бы уж я предположила, что по элементам ауры. Или по какому-то магическому излучению, если такое существует...

– Излучение... – повторил за мной Джан-Марко, и взгляд его затуманился. – Что-то я такое слышал об излучениях применительно к опознанию личности... Где же это было?

Он задумался, прикрыв глаза, а я услышала сигнал коммуникатора. К моему удивлению, на экране я увидела лицо мэтра Сонтхи.

– Добрый день, – поприветствовала она меня. – Вам удобно говорить сейчас, Нора?

Я покосилась на Джан-Марко и коротко ответила:

– Через полчаса!

Глава Службы магбезопасности очнулся от своих размышлений. Потер лоб и пожаловался:

– Не могу вспомнить, кто мне об этом говорил. Почему-то в памяти разговор связывается с госпожой Редфилд, но, может быть, у меня по студенческой привычке решение всех проблем транслируется на профессора?

– Ну, так надо у нее спросить, – предложила я. – Долго ли?

Однако номер Лавинии не отвечал.

– Профессор, скорее всего, на занятиях, – сказал Джан-Марко, отключая сигнал. – Или на совещании в СБ, или в лаборатории. Или где-то еще. Три дня подожду, в субботу

вечером она собиралась прибыть сюда, на свадьбу.

Мэтр Сонтхи ждала моего вызова и ответила мгновенно:

– Нора, рада слышать! Со вчерашнего вечера вас вспоминаю! Мне нужен ваш совет, и, кроме того, я кое-что хочу вам показать.

– Мм... Вечер у меня занят, завтра с утра похороны синьора Лаварди...

– Может быть, завтра во второй половине дня? Тем более что показать вам я хочу одну книгу в библиотеке монастыря Великой Матери... Я буду там целый день, с утра до позднего вечера, может, и заночую у сестер.

– Хорошо, тогда сразу после церемонии я буду в монастыре. Меня туда хоть пустят?

– Пустят, конечно! – засмеялась женщина. – Я предупрежу привратницу.

Утром я проснулась рано, задолго до рассвета. Джан-Баттиста должен был отправиться на похороны вместе с семьей, поэтому не остался у меня. Да уж, не самая лучшая сегодня будет обстановка для знакомства с родителями... Хотя о чем я? Замуж выходить я не планирую, даже и разговора об этом у нас не было, так что старшим Торнабуони не должно быть до меня никакого дела.

Успокоенная этими рассуждениями, я отправилась в гардеробную: черное платье, шляпка с черной лентой, прочее... Синьора Флавиа, как всегда, оказалась на высоте, и подходящие вещи прислала мне практически мгновенно. Впрочем, ничего удивительного – ведь и с ней меня познакомил синьор Лаварди...

Заплаканная Джузеппина подала завтрак. Я попыталась ограничиться только чашкой кофе, вот не лез мне сегодня кусок в горло, но взгляд кухарки исполнился такой укоризны, что я сжевала пару булочек. Синьора Пальдини уже ждала меня на ступеньках водного подъезда Ка'Виченте; к фегго гондолы был привязан траурный бант. Да, положено плыть на традиционной лодке, катер в такой ситуации никак не годится. Усевшись на подушках, я задвинула шторы кабины и украдкой нащупала в сумочке рукоятку небольшого дамского револьвера.

Печальной вереницей тянулись гондолы к острову Сан-Микеле. Слегка отодвинув шторку, я наблюдала, как выгружаются из очередной лодки фигуры в черном, гондольер зажигает фонарь, подвешенный к фегго, и отплывает левее, к причальной стоянке. Контарини, Боволо, Градениго, Боттарди, Морозини, Торнабуони... Да, скромный синьор Лаварди собрал самое представительное общество на свой последний бенефис.

Наконец на колокольне церкви Святого Михаила пробило десять ударов, и сразу же вступил самый большой колокол, называемый Лука. Он выпевал густым басом похоронный перезвон, толпа слегка зашумела, и через плечо прижимающей платок к глазам Франчески я увидела медленно подплывающую *barca dei morti*. Ладья мертвых. Из распахнутых ворот кладбища появились носилки, накрытые темно-красным ковром; кто-то из магов подвел их к месту, где причалила *барга*, и мягко опустил на мраморные плиты. Четверо в белых плащах с черной оторочкой покинули лодку, гроб плавно поднялся над ней и опустился на носилки. Мужчины подняли их на плечи и двинулись к воротам. С трудом я удержала неприличный вздох облегчения: носильщики были без масок.

Низкий голос Луки, отдающийся в позвоночнике дрожью, все звучал над Сан-Микеле. Я увидела, как Джакомо Контарини подал руку Маргарет, далее Джакомо-младший, Пьетро... За кланом Контарини последовала графиня Боттарди, еще знакомые лица и еще...словно траурный полонез. Меня дернули за руку, и я повернулась – Джан-Баттиста протягивал руку мне:

– Идем! Семья Торнабуони ждет нас с тобой.

Безмолвно я положила ладонь на его предплечье. Не буду сейчас думать о том, что это

значит. Не буду.

Церковь этого островного кладбища была посвящена одному из святых культа Единого, но здесь отводилась отдельная капелла для почитателей каждого из богов, в которого верили венецианцы. Синьор Лаварди, неожиданно для меня, исповедовал культ Тунара, древнего бога грозы, коней и дубовых рощ.

Гроб поставили возле алтаря, украшенного дубовыми ветвями, и все присутствующие преклонили колени. Колокол умолк, его звуки уступили место хору двенадцати совсем юных девушек, нежными голосами певших на незнакомом мне языке. Священник в белом одеянии прочел короткую молитву, она тоже звучала странно для моего уха: «Ligean a scíth faoi dair, lig dó a bheith reborn chun saol nua...»

Зашуршал шелк, шаркнули чьи-то подошвы, и молчаливые венецианцы потянулись к выходу.

До острова Сан-Эразмо мы плыли не больше десяти минут, и все это время я сжимала в руке перламутровую рукоятку револьвера. Не знаю уж, чем бы он помог мне в холодной воде апрельской лагуны...

Массимо высадил меня возле монастырских ворот, дождался, пока сестра-привратница впустит меня, и отправился назад, к воротам кладбища: ему нужно было отвезти в Ка'Виченте синьору Пальдини и ждать сигнала, чтобы забрать меня отсюда на катере.

Я сунула мокрый комочек бумажной салфетки в карман и пошла за послушницей в черном, которая должна была проводить меня в библиотеку.

К резной деревянной двери вела недлинная аллея между высокими кипарисами. Двухэтажное здание библиотеки было выстроено в каком-то совсем не венецианском стиле: крупные блоки из розовато-серого камня, растительный орнамент вокруг арочных узких окон, невысокая круглая башенка в центре с конической черепичной крышей... Моя сопровождающая, видимо, догадалась, о чем я думаю, или этот вопрос был очень частым:

– Библиотеку строили наши друзья из Армении. Здесь много книг и несколько очень древних рукописей из тамошних горных монастырей.

– О, как необычно... Откуда?

– Когда-то здесь рядом, на острове Сан-Лаццаро, жил человек по имени Мхитар Себастиа... – улыбнулась послушница. – Вы наверняка слышали это имя.

– Себастиа... постойте-ка, это ведь он заложил основы всеобщего языка? Или это другой, однофамилец?

– Нет-нет, тот самый. Он был монахом – а еще писателем, переводчиком и книжником. Здешняя библиотека выросла из его собрания. И именно по его завещанию пользоваться книгами из этой библиотеки может любой разумный, не запятнавший себя ничем дурным. Иными словами, предоставивший рекомендации от двух уважаемых граждан Венеции. Сто двенадцать лет назад те, кто посейчас живет в его родном Севастии, приехали сюда, чтобы построить новое здание библиотеки.

– Спасибо...

Глубоко впечатленная, я перешагнула порог и вошла в здание. Короткий коридор, где в плохую погоду оставляли плащи и зонты, выходил в читальный зал, оказавшийся совсем не таким, как я себе его представляла. Во-первых, он был очень светлым: та самая башенка являла собой центральный фонарь, и загадочным образом даже сегодня, в пасмурный день, сквозь высокие окна лился солнечный свет. Во-вторых, часть книгохранилища располагалась именно в этом зале, и на сердце теплело от вида высоких

книжных шкафов, сверкающих стеклом. Зал был как бы двухэтажным, балкон обегал его весь, и там, на балконе, тоже видны были шкафы, стремянки, витрины, лампы и рабочие столы. И запах, запах книг!

До моего локтя кто-то дотронулся, и я почти подпрыгнула.

– Нора, добрый день! – улыбнулась мэтр Сонтхи.

– Нальи, здравствуйте! Я засмотрелась на эти богатства и даже не заметила, как вы подошли.

– Пойдемте, мне выделили здесь комнату для работы, и рукопись, которую я хотела вам показать, лежит там.

В дальнем конце читального зала виднелась дверь, ведущая в другой коридор с дверями справа и слева. Мэтр Сонтхи отперла одну из них, и мы вошли. Небольшой рабочий кабинет был оборудован идеально: большой письменный стол, журнальный столик, удобные кресла, настольная лампа вроде той, что я купила себе на Мурано. Нальи надела белые нитяные перчатки, развернула на поверхности стола шелковую салфетку и осторожно положила на нее кодекс – сшитые в книгу листы пергамента.

– Это «Фармакология» Галена Пергамского, рукописная копия десятого века. Очень редкая двуязычная копия, как видите – слева латинский текст, справа его перевод на парсийский, сделанный Хунайном ибн Исхаком ал-Ибади.

– Потрясающе! Я даже не слышала о такой! А еще одна пара перчаток есть?

– Конечно! Вот, возьмите!

Я тоже надела перчатки и с увлечением погрузилась в изучение рукописи, прожившей на этом свете более двенадцати столетий. Мэтр Сонтхи затруднялась в толковании некоторых названий ингредиентов, которые использовались для описанных в кодексе лекарств...

Когда мы оторвались от рукописи, за окном было совсем темно. Я посмотрела на часы: почти восемь. Но как же не хочется уходить! Еще бы чуть-чуть подышать ароматом пергаментных страниц, насмотреться на яркие миниатюры, предваряющие каждую главу, на буквицы, на изображения растений и животных... Нальи посмотрела на меня понимающе:

– Мне еще нужно будет поговорить с матерью-настоятельницей, это примерно на час. А потом можем вместе отправиться в город, барка монастыря нас доставит.

– Отлично! Тогда я посижу здесь, еще полюбуюсь на это чудо.

Я осторожно переворачивала страницы, для меня сейчас существовали только этот круг света от зеленой настольной лампы и шорох листов. Внезапно краем глаза я увидела справа от себя какое-то голубоватое свечение. На всякий случай, убрав пальцы от рукописи, повернулась в ту сторону и чуть не вскрикнула: на фоне стенной панели темного дерева все густел, набирая объем, силуэт девочки лет десяти в длинном голубом платье с кружевным воротником.

– Здравствуй! – сказала она.

– Э-э-э... Добрый вечер, – мне очень захотелось протереть глаза и убедиться, что я не сплю.

– Ты меня не помнишь? – девочка погрузилась и даже стала слегка прозрачнее, будто начала растворяться в вечернем воздухе.

– Помню, – возразила я. – Ты была на вечере у... у графини Боттарди, вот! И мы с тобой даже разговаривали... немного.

– Ну да, – она рассмеялась, мигом растеряв всю грусть. – Я обещала тебе помочь! Мне

показалось, ты такая... потерянная, все тебе чужие. Венеция ведь не всех принимает сразу.

- Я это заметила, - кивнула я, вспомнив Альму Хендерсон. - Но мне кажется, я здесь прижилась.

- Прижилась, да. Так что, наверное, напрасно я что-то обещала... Я хотела к тебе зайти, но твой дом под такой защитой, что мне страшно стало.

Пожав плечами, я промолчала. Меня не пугал некоторый сюрреализм ситуации - подумаешь, разговор с привидением! - но придумать тему для продолжения беседы не получалось. Маленький призрак снова понурился и стал потихоньку таять.

- Погоди! - окликнула я. - Как тебя зовут?

- Джулия Боттарди.

- То есть графиня твоя родственница?

- Сестра, - улыбнулась девочка.

- Скажи мне, а вообще в Венеции много таких... бестелесных сущностей?

- Ну, конечно! Очень старый город, магический насквозь. Когда-то здесь было так же легко умереть, как сегодня перейти через Гранд-канал по мосту Академии. Просто большинство этих, как ты выразилась, бестелесных сущностей не имеют ни голоса, ни разума. Так, кусок эктоплазмы...

- А другие? Какие они? Ты с ними разговариваешь?

- Ты что, представляешь это себе как некий клуб привидений? - Джулия фыркнула. - Нет, конечно. Каждый существует в своей... ну, я бы сказала, зоне. Я когда-то училась в школе при этом монастыре, поэтому осталась здесь. Джованна Барбьера, которую ты видела там же, на том вечере, привязана к дому, где она жила когда-то. На смотровой площадке Кампаниллы живет ее бывший звонарь: он оглох когда-то и умер от огорчения, что не может больше слышать колокола.

- А еще? - спросила я, совершенно зачарованная этим рассказом.

- Ну-у... На рыбном рынке возле Риальто часто появляется синьора Фальи, кухарка из Ка'Морозини. Она ищет редкую рыбу, которую больше не ловят. Если вдруг такую рыбу привезут на продажу, синьора Фальи сможет уйти. Мастерская Farfalla Argenta, что на calle Borgolosso, приютила старого мастера Касконе. Он не смог расстаться с масками, и теперь присматривает за нынешними мастерами, а иногда даже исправляет то, что они сделали неправильно. В старом порту, на Rimembranza, можно встретить трех капитанов. Когда-то они были лучшими друзьями и соперниками на море и в посмертии остаются рядом с тем местом, где когда-то стояли их галеоны.

Услышав про старый порт, я наострила уши.

- Знаешь, Джулия... А ведь, пожалуй, ты и в самом деле могла бы мне помочь!

- В чем?

- Вот слушай...

Рассказывая о Джокере и о наших находках в подземелье под старым портом, я посматривала на часы.

- Ты куда-то торопишься? - перебила меня девочка.

- Нет, просто сейчас уже должна вернуться мэтр Сонтхи.

- Сейчас проверим!

Невольно я открыла рот: привидение тонкой голубоватой струйкой втянулось в вентиляционное отверстие, чтобы через пару секунд вновь предстать передо мной

девочкой в голубом платье.

- Вот это да... - пробормотала я.

- В бесплотном существовании есть свои удобства, - хмыкнула она. - Немного, но есть. Пока что твоя знакомая разговаривает с настоятельницей, так что еще минут десять не появится. Так и что, вы не нашли, где теперь логово этого Джокера?

- Нет. Конечно, мы надеемся, что он вернется в свое подземелье, но, похоже, что-то его насторожило.

- Что-то! Да старый порт аж гудел от того, сколько там было магов из Службы безопасности. Понятное дело, твой враг об этом узнал сразу же.

- Ну... жаль. Это было бы проще всего. Еще мы решили попытаться выманить его в день приема в Ка'Виченте...

- Я поняла, - вновь перебила меня Джулия. - Ты хочешь, чтобы я попробовала поговорить с другими, кто живет в Серениссиме.

- Если это возможно, - осторожно подтвердила я.

Призрак покружился по комнате, стараясь не задевать рукопись, все еще лежащую на столе. Я вспомнила неприятное ощущение от прикосновения призрака: что-то холодное и влажное... Наконец девочка остановилась передо мной и торжественно произнесла:

- Попробую. Ничего не обещаю, потому что, видишь ли, вовсе не все бестелесные сущности хорошо относятся к живущим... Да и вообще - после смерти никто не становится умнее, добрее или талантливее. Он всего лишь узнает много нового, но во многом знании многие печали.

- Даже для призраков? - спросила я глупо.

- Особенно для нас... - Джулия пожала плечами. - Но тем не менее я попробую что-то узнать. Преступления, совершенные живыми, загрязняют ту среду, в которой существуем мы.

Мы помолчали.

- Вот только как мне с тобой связаться? - спросил призрак деловито. - Где ты точно будешь в ближайшее время?

- Завтра утром, к одиннадцати, поеду в Ка'Контарини...

- Это еще хуже! В твой дом мне просто невозможно проникнуть, а там развеет на подходе!

- Ну, давай я появлюсь где-то в городе. В храме Великой Матери?

- Да, это возможно... Знаешь, где находится госпиталь Заниполо? Там рядом собор Заниполо, ну, посвященный Джованни и Паоло. И еще замечательный конный памятник мессере Коллеоне...

- Поняла. Во сколько?

- А какая разница? - она рассмеялась. - Для нас не существует времени в вашем понимании! Ты приходи, и я появлюсь с тобой одновременно. О, твоя некромантка приближается, я исчезаю!

Дверь действительно отворилась, и на пороге показалась мэтр Сонтхи.

- Прошу прощения, я задержалась, - извинилась она. - А у вас, я смотрю, была... встреча?

- Да, - ответила я, снимая с рук забытые белые перчатки. - Одна моя юная знакомая заглядывала поздороваться.

В Ка'Контарини я не задержалась: синьор Лоредано чувствовал себя совсем хорошо и уже вполне мог съехать из больничной палаты, если бы... если бы кто-то мог гарантировать, что появление на публике для него безопасно. Услышав от Пьетро предложение провести еще пару недель под усиленной охраной, он только рассмеялся:

- По крайней мере, теперь у меня есть время, чтобы узнать, что же происходило в моем городе последние пять лет!

- Синьор Лоредано, - спросила я, - снять маску с Карло нам удалось без последствий. С вами она, если можно так выразиться, больше сроднилась.

- Естественно, - согласился он. - Я прожил с этой штукой на лице больше пяти лет! И тем не менее теперь хотел бы с ней расстаться. Вы возьметесь за операцию, моя дорогая?

- Почту за честь, - коротко ответила я.

- Вот и прекрасно! Как говорит доктор Тедеска, я полностью восстановлюсь примерно через три-четыре недели. Как вы смотрите на начало мая?

Интересно получается: это ведь я хирург, и я должна была бы вести разговор! Но не прошло и минуты, как опытный политик перехватил у меня весло, и лодка пошла по тому пути, который был интересен синьору Лоредано. Да, теперь я понимаю, он был хорошим правителем для Серениссимы...

Когда мы вышли, Пьетро спросил:

- У вас есть немного времени, Нора?

Я взглянула на часы: половина первого.

- Вообще-то у меня встреча рядом с госпиталем, и хотелось еще перекусить где-нибудь...

- Встреча! - неожиданно воскликнул он довольно громко. - Встреча! Мы с вами пятьдесят раз обсуждали меры безопасности, но вы отправляетесь на встречу в тьма знает какой район города, даже не подумав предупредить стражу или СМБ!

- А чем плохо это место? - удивилась я.

- Да там в двух шагах старые доходные дома, наполовину брошенные, наполовину заселенные неизвестно кем! Лоредано собирался очистить этот район. Как раз в тот день, когда он исчез, в Совете нобилей должны были голосовать за этот законопроект.

Тут он замолчал, и мы переглянулись.

- Так, может быть, там и нужно искать новое логово Джокера? - медленно произнесла я.

- Все может быть, - спокойно ответил Пьетро, уже справившийся со своей вспышкой. - Ну вот что. Пропустить встречу вы не можете?

- Могу перенести на более позднее время, - пожала я плечами, подумав, что призрачная Джулия не зря мне говорила о своем особом восприятии времени.

- Вот и хорошо. Тогда предлагаю сделать так: вы пообедаете с нами, потом я отвезу вас на вашу встречу и побуду в сторонке, пригляжу. До воскресенья вы постараетесь не выходить из Ка'Виченте без особой надобности, а во вторник мы сядем и попробуем все вместе сложить кусочки мозаики во что-то понятное.

- Лучше в понедельник.

- Почему?

- Потому, что какие-то детали этой самой картинки у госпожи Редфилд, а она вряд ли сможет остаться слишком надолго.

За обедом я встретила, наконец, с самим главой клана Контарини, мессере Джакомо. Конечно, я видела его раньше – на двух или трех балах во время карнавала, да и вчера на похоронах. Но вот разговаривала впервые. И разговор за обедом, как ни странно, пошел не о врагах или проблемах, а о живописи. Начал его Пьетро:

– Мы выяснили, кто был автором принадлежащего вам портрета Лауры Виченте, – сказал он, запивая ризотто с каракатицей белым Orvieto.

– И кто же?

– Практически неизвестный художник, Алессандро Цукарелли. Он был учеником Тьеполо – Джованни Баттисты, продолжателя традиций этой семьи. К сожалению, Алессандро очень недолго работал, хотя, как говорят, в жанре портрета он мог бы превзойти и Джованни Беллини, но...

– Но? Пьетро, вы уже достаточно сгустили интригу!

Рассказчик довольно рассмеялся и кивнул лакею, чтобы тот забрал тарелку.

– Да? Ладно, тогда я продолжаю. Цукарелли был не только живописцем, но и магом, как многие великие. Он уехал учиться в Лютецию, в тамошнюю Магическую академию, и погиб на дуэли с таким же студентом. Все, что осталось в мастерской школы Тьеполо, – несколько набросков к портретам венецианцев, жанровые сценки и две законченных работы. Портреты самого Тьеполо и неизвестной девушки в костюме рыбачки.

– То есть у меня третья его законченная работа?

– Получается так...

Нам принесли жареную мерлузу, и все замолчали, ожидая, пока мажордом в белых перчатках ловко отделит филе от костей и разложит по тарелкам. Вино также сменили, и рыбу сопровождало ароматное *Mardzemino*, плотное и чуть зеленоватое.

– Мне кажется несправедливым, когда столь талантливые люди так рано уходят, – грустно сказала Маргарет Контарини. – Думаю, руководству такого рода учебных заведений давно следовало бы поднять вопрос запрета магических дуэлей!

– Вы не правы, дорогая, – покачал головой мессере Джакомо. – Сейчас магические дуэли проводятся на специальных полигонах, под защитным куполом, с обязательным медицинским и магическим контролем. А если их официально запретить, то ведь драться не перестанут! Так ведь, Нора?

– Думаю, да. Запрет – это вообще признание собственной неспособности справиться с проблемой...

Мороженое со взбитой клубникой завершило обед, и мы с Пьетро отправились к храму, посвященному двум основателям церкви Великой Матери, святым Джованни и Паоло, Санти-Заниполо в произношении истинных венецианцев. В гондоле, задвинув занавески от невесты откуда взявшегося пронзительного ветра, мой спутник спросил:

– Так все-таки с кем вы хотите повидаться, Нора? К чему мне быть готовым?

– Всего лишь с одним маленьким призраком, – улыбнулась я. – Мы познакомились у графини Боттарди, а вчера встретились вновь. Может быть, Джулия расскажет нам что-то новое о нашем Джокере. Знаете, Пьетро, он мне просто до тьмы надоел!

– Джокер?

– Да! – меня прорвало. – Ну, просто неприлично для мужчины быть таким занудой! Он мстит, видите ли, своей семье и всем на свете. Месть нужна лишь глупцам и сумасшедшим, не понимающим ее последствий. Я поняла бы, если бы он был искателем приключений, пиратом, авантюристом, но месть – это так непродуктивно!

Под сводами храма было тихо и прохладно. Контарини осмотрелся и сказал негромко:

- До вечерней службы еще далеко, так что никого не должно быть. Но все-таки, мне кажется, нам лучше ждать в одной из боковых капелл... Да хоть вот там!

Он потянул меня вправо, и через мгновение мы уже устраивались на скамье в полутемной небольшой комнатке, где были, кроме трех рядов сидений, только мраморный алтарь да семисвечник.

- И что мы теперь делаем? - шепнул Пьетро мне прямо в ухо.

- Ждем, - ответила я.

В молчании мы ждали. Наконец моей левой руки коснулся влажный холод, и детский голос прозвучал в голове:

- Ты пришла не одна!

- Извини, - произнесла я, оглядываясь. - Это мой друг, Пьетро Контарини, познакомься, Джулия.

Слегка светящийся силуэт девочки появился рядом со мной, она чуть проплыла по воздуху и остановилась прямо перед Пьетро.

- Граф Контарини?

- Да, синьорина, - он поднялся со скамьи и слегка поклонился.

- И ты в самом деле друг Норы?

- Безусловно. Мы опасаемся, что на нее могут напасть или похитить. Поэтому даже на такую встречу я не отпустил ее одну.

- Понятно...

Судя по тону, она что-то обдумывала. Вот интересно, чем думает призрачная сущность? Мозгов-то у нее нет! Я поспешно прихлопнула эту мысль: не дай боги, что-то отразится на моей излишне выразительной физиономии!

- Хорошо, - решительно сказала Джулия. - Расскажу вам обоим, что же мне удалось узнать. Только...

Она оглянулась и внезапно исчезла. И неудивительно: со стороны главного нефа к нам подходил один из служителей храма, немолодой мужчина в темно-синем балахоне, подпоясанном веревкой.

- Доброго вам дня, дети! - доброжелательно сказал он.

- Доброго дня, - в один голос отозвались мы.

- Вы чего-то ищете здесь, в храме?

- Нет, брат, - Пьетро вновь встал. - Мы зашли, чтобы успокоить сердца короткой молитвой, и уже уходим.

Сделав несколько шагов к дверям, я тихо сказала:

- Джулия, мы ждем тебя у причала, в гондоле.

В кабине лодки призрак появился сразу же, стоило нам усесться. Она явно была недовольна:

- Я и забыла, какие эти святые братья любопытные! Вот попадись такому, свяжет заклинанием, и сиди у него в клетке, отвечай на вопросы!

- Ну, здесь-то безопасно?

– Да вроде бы... – она осмотрелась с подозрительным видом. – Только от причала не отходите, на текущей воде я долго держаться не смогу! Развеет!

– А как же ты сюда добиралась от Сан-Эразмо? – любопытствовала я.

– Ну, есть способы... – туманно ответила девочка.

Надо сказать, что я стала постепенно воспринимать Джулию почти как обычного ребенка, ну, просто несколько странной окраски и с нестандартными привычками. Так что допытываться не стала, а перешла к делу:

– Ну как, тебе удалось узнать что-нибудь от... других?

– Кое-что удалось, – таинственным голосом ответила она. – Как я тебе говорила, у меня есть знакомый, мастер Касконе из мастерской Farfalla Argenta... Вот он рассказал, что заметил странный, грязный отсвет над одним домом невдалеке от мастерской. Старик присматривал за подмастерьем, а тот шел, оглядывался, а потом выждал момент, когда никого рядом не было, и шмыгнул в дверь этого заброшенного здания. Мастер Касконе за ним не пошел, очень уж оттуда скверно тянуло, но стал дожидаться, что будет. Так вот, он видел, как на маленькую гю позади этого дома подошла гондола и туда сел мужчина в маске Джокера. Сейчас ведь не карнавал, мало кто носит маску просто так, среди дня...

– И что же тот подмастерье? – спросила я.

– Вот! Вот это почти самое главное! Подмастерье больше не появлялся в Farfalla Argenta, а его тетка приходила к хозяину и скандалила, что мальчишку не отпускают домой!

– Скажите, синьорина, ваш друг сможет показать этот дом?

– Вам – нет, он очень боится магов, – важно ответила девочка. – А мне покажет. Только, чур, чтобы никого больше не было!

– Только я, никого больше. Я даже не пойду внутрь, просто пойму, что это за здание.

– Договорились. Дальше рассказывать? – хитро прищурилась она.

– То есть это не все?

– Совсем нет! Еще я поговорила с серой монахиней, сестрой Терезой, которая живет на колокольне Санти-Заниполо. Она, конечно, очень напугана, этот противный старикашка, с которым вы там разговаривали, давно от нее хочет избавиться. И с вами встречаться отказалась наотрез. Но мне Терезита рассказала, что в квартале вокруг Calle Foscarini собирается всякий сброд...

– Ну, там никто другой никогда и не бывал! – перебил Пьетро.

– Э нет! Раньше там жили нищие, пара воровских кабаков была, перекупщики... а сейчас их никого нет, словно ветром сдуло! Терезита говорит, те, кто теперь в этом квартале обитает, пахнут темной магией и кровью.

– И много их там? – обманчиво-спокойным голосом Контарини можно было замораживать рыбу.

– Не знаю. Но они все чего-то ждут. И к ним часто приходит человек в маске Джокера.

– Ясно. Спасибо, Джулия. Это очень важная информация, – Пьетро посмотрел на меня, потом вновь спросил у девочки: – Скажи, есть ли что-то, что мы можем для тебя сделать?

Ее глаза внезапно заблестели, будто налили слезами.

– Что же ты можешь для меня сделать? Накормить мороженым? Подарить пони? Освободить от занятий алгеброй? – она покачала головой. – Ну, разве что скажи этому злобному старику, чтобы он перестал преследовать сестру Терезу.

Честно говоря, у меня перехватило горло, но я проглотила комок и спросила у

Контарини:

- А мы можем сделать так, чтобы Джулия могла приходить в Ка'Виченте?

Тот пожал плечами:

- Сегодня же внесу изменения в охранную сеть, не вопрос.

- Ну вот, - сказала я, обращаясь к призраку. - Жду тебя в гости.

Контарини попросил меня подождать еще минуту и снова пошел в храм; вернулся он довольно скоро и сказал маленькому призраку:

- Отец Чезаре и его причт обещали оставить в покое твою подругу.

- Спасибо! - в голосе девочки прозвучала признательность, и ее силуэт медленно растаял в воздухе.

Гондола закачалась на волнах, и я с законной гордостью спросила у Пьетро:

- Полезная информация, ведь так?

Он слегка поморщился, и я насторожилась: кажется, сейчас мне докажут, что я принесла бы куда больше пользы, сидя дома, не ища приключений и не отвлекая высокопоставленных нобилей от их важных занятий. Но Контарини сказал совсем другое:

- Полезная. Ты молодец. Конечно, Служба магбезопасности так или иначе пытается использовать неживые сущности для получения информации, но те не слишком настроены на сотрудничество...

Где-то на грани слышимости раздался детский смешок, но это ведь могло мне показаться?

- Только я советую тебе оставить защиту на спальне, - добавил Пьетро.

- Тогда и на кухне, потому что я не готова лишиться Джузеппины, а она, как мне кажется, женщина нервная... И на комнатах кухарки и синьоры Пальдини.

- Ну, в этом случае проще будет открыть доступ в кабинет и гостиную. И хватит. Так пойдет?

- Вполне. И что теперь? - поинтересовалась я, когда лодка вывернула из узкой боковой гю на простор Гранд-канала.

- В каком смысле? - не понял меня мой спутник.

- Будете сторожить тот дом рядом с Farfalla Argenta и очищать квартал, о котором рассказала Джулия?

- Я передам информацию Джан-Марко и его коллеге из городской стражи. Дальше уже их дело. Свадьба эта, конечно, добавляет нам веселья...

Глава 8. La maschera cade

Свадьба, как справедливо выразился Пьетро Контарини, добавила веселья и мне. Всю пятницу и утро субботы я убила на примерку туалетов, репетицию церемонии, написание речи и остальные, не менее удивительные действия. Соваться сейчас в Ка'Контарини было рискованно, меня бы смыло волной подготовки к Великому Событию. Поэтому я по коммуникатору связалась с доктором Тедеской и обсудила с ним состояние синьора Лоредано (стабильно улучшающееся), новые назначения препаратов (поддерживающие сердце и улучшающие кровоснабжение), диету (легкая и питательная, прием пищи шесть раз в день), и прочие животрепещущие подробности.

Джан-Баттиста появился у меня в пятницу вечером, выпил чашку кофе и уснул в моем кабинете, в кресле у камина... Посмотрев на его умиротворенное лицо, я принесла из гардеробной теплый плед и укрыла его. Потом села напротив с келимасом в бокале, вытянула ноги к огню и задумалась. Последние недели – да, собственно, с момента приезда сюда, в Венецию, – я плыла по течению. А вот сейчас поняла, что нужно решить, чего же я хочу дальше. Вроде бы вариантов много, но на самом деле – всего три. Первый – вернуться в Бостон. Там у меня есть клиника, работа, и, наверное, там меня ждет новый брак, устроенный матушкой и ее светскими знакомыми. Я представила себе эту жизнь и содрогнулась. Н-да, расслабилась я здесь, на воде...

Второй вариант – попутешествовать по королевствам Союза и осесть где-нибудь в хорошем месте. В Лютеции, например. Лавиния сосватает мне особняк на берегу Сены, и... И что? Не то чтобы я опасалась начинать все сначала, но смысла в этом нет никакого.

Наконец, третий вариант: остаться в Серениссиме и принять на долгое время этот образ жизни. Здесь у меня есть дом, клан и мужчина, и это очень много. Наверное, даже больше, чем было когда-либо в жизни... Джан-Баттиста пошевелился под пледом, попытался повернуться на бок и, естественно, проснулся. Не сдержавшись, я рассмеялась, глядя, как он моргает и протирает глаза.

– Вот тьма, так расслабился, что задремал. Ты на меня действуешь, словно крепкое спиртное!

– Так это же хорошо!

– Наверное. Но не сейчас. Вот когда треклятый Джокер будет найден и посажен в антимагическую камеру в Пьомби, тогда...

– Тогда немедленно найдется новая проблема, которую некому будет решать, кроме синьора юриста! Идем-ка, спать всяко удобнее в кровати.

– Нет, – он еще раз потер глаза. – Надо домой плыть. У меня примерно три сотни документов, которые я должен прочесть и дать по ним ответ не позднее понедельника. И я не говорю о брачном контракте, который дорогие молодожены должны подписать перед началом свадебной церемонии!

– А что, его тоже ты составляешь? – удивилась я. – Неужели у Контарини нет своего солиситора?

– Есть, – неохотно ответил Джан-Баттиста. – Конечно, у них целая небольшая армия юристов, но я лучше. Поэтому составленный ими брачный контракт я уже трижды возвращал на исправление со своими замечаниями. В четвертый раз я запихну его в глотку Гаспари, генералу этой армии.

– Бедный, бедный, – я сочувственно погладила его по плечу. – Хочешь глоток келимаса на дорожку?

– Давай! Все равно еще работать, так хоть какое-то удовольствие получу.

Подав ему бокал, я снова устроилась в кресле.

– Слушай, а какие, собственно говоря, могут быть проблемы с контрактом в данном случае? У Беатриче нет ничего, о чем бы стоило говорить...

– Вот именно! Поэтому в контракте должны быть строго обозначены ее вдовья доля в случае смерти Карло, повышение сумм по мере появления детей, условия расторжения брака... В общем, восемнадцать страниц мелким шрифтом.

– Что-то мне подсказывает, что они не станут этого читать...

В ответ Джан-Баттиста только фыркнул.

Лавинию в субботу днем привез на своем катере Джан-Марко. Высадил у водного подъезда Ка'Виченте, помахал мне рукой и умчался, не заходя.

Вид у госпожи Редфилд был, честно говоря, вымотанный: круги под глазами, бледность, взгляд слегка расфокусированный... Посмотрев на все это, я отправила ее отмокать в ванную, отнесла туда бокал просекко и попросила Джузеппину приготовить по-быстрому что-то полегче и посытней. Кухарка только хмыкнула оскорбленно. Когда Лавиния, кутаясь в длинный шелковый халат, появилась в моем будуаре, на столике под серебряным колпаком ее уже ждала телячья печень с изюмом и орешками. После ванны, еды и вина на лице женщины появились краски, и она, откладывая вилку, призналась:

– Пожалуй, ты спасла мне жизнь. Ну, или, как минимум, облегчила ее весьма существенно.

– Рада служить, – ответила я, салютуя бокалом.

– И знаешь, пожалуй, мне придется просить тебя выручить меня еще раз... – Лавиния выглядела несколько смущенной. – Я вдруг поняла, что мне решительно не в чем идти на эту свадьбу... Вчера у меня была минута, я перекопала свой гардероб и, представь себе, нашла всего два платья.

– Могу себе представить, – расхохоталась я. – Из них одно, наверное, академическая мантия, а другое ты заказывала, чтобы отправиться в королевский дворец на бал в честь Перелома года.

– Ну, почти что так, – поморщилась она. – В тот раз я получала из рук его величества орден Почетного легиона. Но в любом случае, они оба не для свадьбы. Конечно, моя роль тут никакая, и все же будет неловко...

– Пойдем посмотрим, что можно найти в моих закромах.

Перекопав гардеробную, мы несколько приуныли. Те несколько вечерних платьев, которые понравились Лавинии, решительно плохо на ней сидели.

– Ну ладно, – махнула она рукой. – Буду держаться в задних рядах, ничего страшного.

– Нет, погоди! Мы еще не пускали в ход тяжелую артиллерию, – я взяла коммуникатор и набрала знакомый номер. – Синьора Флавия? Здравствуйте...

В десять утра «Istiophorus» ждал нас внизу. Массимо, непривычно серьезный, помог нам обеим шагнуть в катер и стартовал. Через пару минут Лавиния сказала:

– Да, теперь я понимаю, почему ты все-таки купила катер.

– Ну, довольно долго я считала, что никогда больше не стану спешить, – ответила я. – Во всяком случае, пока живу в Венеции. Но знаешь, когда на тебя надвигается окованный железом нос чужой лодки, а твоя неспешная гондола уподобляется черепахе, это стимулирует.

– О да! Смотри-ка, какую глухую защиту наложили на Ка'Контарини! – воскликнула она, посмотрев в окно.

Включив магическое зрение, я последовала ее примеру и рассмотрела радужный колпак абсолютного щита, закрывающего водный подъезд клановой резиденции.

Маги на входе, хотя и знали нас в лицо, все же проверили слепки аур и лишь тогда пропустили внутрь. Мне показалось, что в доме подозрительно тихо, и продолжало казаться, пока мы не поднялись на три ступеньки по лестнице. На четвертой ступеньке на меня обрушился вихрь шелка, кружев, хохота и слез: Франческа, Чинция, Оливия...

– Идем скорее! – Франческа схватила меня за руку и потащила наверх. – Беатриче сидит в своей спальне и плачет, Маргарет в истерике, а если она разобьет мои любимые вазы, в истерику впаду уже я!

– Маргарет в истерике? – я беспомощно оглянулась на Лавинию.

Та рассмеялась и махнула рукой:

– Иди-иди, ты сегодня на женской половине. А я разыщу Джан-Марко, и мы еще раз просмотрим защиту.

Когда Чинция и Франческа привели меня в комнату невесты, та уже не плакала, а сосредоточенно рассматривала в зеркале кончик собственного носа.

– Мне кажется, или вот тут собирается вскочить прыщик? – спросила она задумчиво.

Женщина, сидевшая в углу на банкетке с чашкой кофе, возвела очи горе:

– Беатриче, дорогая! Я второй день занимаюсь исключительно твоим лицом и могу сказать определенно, что вот именно тут ничего вскакивать не будет. А сейчас мы закончим макияж, и прекраснее тебя не найдется невесты на территории Лация! О, вот госпожа Хемилтон-Дайер тебе скажет все о твоём лице.

Девушка в белом кружевном платье вскочила и бросилась мне на шею.

– Нора! Ну, наконец-то!

Негромкий стук в дверь прервал многоголосое щебетание; заглянула девочка лет пятнадцати, нашла меня глазами и таинственно поманила к двери:

– Синьора Хемилтон-Дайер, Карло хотел переговорить с вами до начала церемонии.

Я оглянулась на стайку женщин вокруг невесты: да, вполне могу выйти на несколько минут.

Карло ждал меня в одной из малых гостиных.

– Синьора Хемилтон-Дайер! – он изящно склонился к моей руке.

– Карло, покажись же!

Да, выглядел он отлично. Старинный камзол, темно-синий, шитый серебром, облегал стройную фигуру и широкие плечи, у горла и на манжетах пенились драгоценные кружева. Но главное – лицо! Оно было совсем живым, появились морщинки в углах глаз, и губы расплывались в улыбке.

– Ну, замечательно! – сказала я. – Выглядишь счастливым.

– Так и есть, – вновь улыбнулся он. – Но... я хотел рассказать. Сегодня утром... даже не знаю, проснулся я уже или это был еще сон, но я внезапно вспомнил одну вещь. Не уверен, что это важно, а вдруг? Я ведь уеду сегодня, а через двадцать минут дадут сигнал к началу, и уже ни на минуту меня не оставят одного.

– Рассказывай, – твердо сказала я. – Если это неважно, мы с тобой просто все забудем.

– Я... Ну, Пьетро рассказывал вам, я одно время несколько... пошел вразнос. Ну, приятели, выпивка, игра, всякое другое... У нас была компания, мы надевали кошачьи маски и шлялись по городу, задирая прохожих, туристов в особенности.

– «Иметь наглость н্যাги», да-да.

– Не сразу я понял, что шутки становятся все злее и опаснее для окружающих, – он вздохнул и потер лоб. – Тогда мы уже не столько пили, сколько... э-э-э...

– Принимали разные препараты, расширяющие сознание. Иначе говоря, дополнили круг веселья порошком черного лотоса, таблетками «пурпурное сердце» и пылью гевернии, – жестко уточнила я.

– Ну да. Так вот, однажды я неожиданно пришел в себя и понял, что сижу на скамье... мраморная скамья возле какого-то заброшенного дома. Рядом стоит мой приятель Франко, в его руках нож, а у ног лежит тело. Мертвая женщина, или умирающая, не знаю. А с другой стороны кривляется и хихикает высокий мужчина в маске Джокера и твердит: «Добей ее, мальчик, добей, попробуй, как это сладко!»

– Дальше!

– Дальше... я протрезвел, как-то вот сразу. Оттолкнул Джокера, попытался нащупать пульс у жертвы, но я не слишком это умею. Ну вот, а потом удар по голове... Снова я открыл глаза на той же скамье, только уже в одиночестве. Никаких следов произошедшего не было, да и тело исчезло. Я бы вообще подумал, что все это был какой-то сон, наркотическое видение, вот только утром обнаружил на рукаве своей рубашки пятно крови.

– А Франко?

– Я больше его не видел. Он не был из числа нобилей, кажется, даже и вообще не венецианец. Про себя я решил твердо, что с этой компанией должен порвать. И, словно в награду, через пару дней познакомился с Беатриче.

– Скажи, а через какое время ты получил маску?

– Через шестьдесят два дня, – ответил он мрачно. – Проснулся утром, а лица-то у меня и нет... Вы думаете, это был тот самый Джокер?

– Возможно... Очень даже возможно...

В глубокой задумчивости я простилась с Карло и вернулась к счастливой невесте.

Мне было известно, что сегодня все церемонии будут проходить здесь, в Ка'Контарини. В общем-то, это было весьма мудрое решение: пустая свадебная барка отправится в положенный путь по Гранд-каналу, все равно видеть невесту никому не положено до бракосочетания. И если Джокер решит напасть, то пострадает лишь скорлупка от ореха.

Не знаю, я не психиатр, но мне казалось, что в такой ситуации – среди бела дня, на Гранд-канале, на глазах у сотен и тысяч зевак, зная о неусыпном внимании безопасников, – может решиться действовать только полный идиот. А наш противник, несомненно, сумасшедший и весьма злонамерен, но в глупости его обвинить никак нельзя.

Тем не менее решение перенести все мероприятия, официальные, полуофициальные и вовсе даже частные, в крепость под названием Ка'Контарини я сочла мудрым. План был таков: вначале жених и невеста должны прочесть и подписать брачный контракт, затем церемония посвящения этого брака богам, испрашивание благословения и, наконец, прием. Примерно в середине приема молодожены исчезнут из бального зала, переоденутся и порталом отправятся туда, где будут проводить свой медовый месяц.

Со стороны Контарини подпись Карло заверил мессере Джакомо, сторону Беатриче представляла я. Происходило все это в библиотеке, и десять нобилей, по пять с каждой стороны, стояли за нашими спинами и внимательно следили за процессом. Когда подписи были поставлены, синьор Джакометти, секретарь Совета десяти, хорошо поставленным голосом провозгласил:

– Контракт подписан и заверен гражданами Светлейшей Республики Венеция, и любой,

кто посмеет оспорить или нарушить его, будет судим по законам Республики!

«Однако! Вовремя же мной было получено венецианское гражданство...» – пронеслось у меня в голове.

В молельне Ка'Контарини уже ждала жрица Ниалы – после некоторых споров Карло и Беатриче решили заключить брак под рукой этой богини. По традиции были подготовлены две отдельные комнаты, примыкающие к молельне, для того, чтобы жених и невеста могли еще раз подумать, взвесить и, может быть, высказать последние сомнения в компании самых близких людей. Беатриче сделала шаг к комнате справа, оглянулась и потянула за руку меня.

– Пойдем! – плотно закрыв за нами дверь, она прислонилась к створкам изнутри и какое-то время молчала.

– Ты... сомневаешься? – дрогнувшим голосом спросила я. – Ну, хочешь, мы все отменим, уедешь куда-нибудь...

– Нет, ну что вы! Как я могу сомневаться? Я бы за Карло все отдала! Просто я хочу почувствовать вот эти последние минуты старой жизни перед тем, как закрыть дверь. Понимаете?

– Понимаю.

Мы помолчали. Потом Беатриче аккуратно, чтобы не размазать макияж, промокнула слезинку, посмотрела на себя в небольшое зеркало на стене и поправила какой-то стебелек в букете.

– Ну... я готова.

Жрица прочитала положенные молитвы, обращенные к Ниале, попросив для новой семьи счастья и истинной любви. «И удачи, дай им удачи, светлая богиня, – добавила я мысленно. – Хватит уже приключений этим детям!» Венчальные браслеты заняли свое место на левой руке, и поцелуй завершил церемонию.

Когда Карло оторвался от губ своей жены, высокие своды молельни вдруг залило светом, который стянулся к сцепленным рукам и словно впитался в них. Проморгавшись, присутствующие обнаружили, что тонкие золотые браслеты исчезли, их место занял сияющий золотом сложный рисунок: виноградные ветви, перевитые цветущим вьюнком. В полном молчании мы смотрели, как рисунок этот медленно потускнел, погас, оставив только легкий контур на запястьях.

– Поздравляю вас! – раздался негромкий голос жрицы. – Вы получили истинное благословение Ниалы. Да осенит богиня ваш путь.

В огромном бальном зале уже толпились гости; к молодым потянулась вереница поздравляющих. Я взяла с подноса бокал с шампанским и отошла в сторонку, осматриваясь. Вон Лавиния рядом с Джан-Марко, они о чем-то тихо переговариваются, цепко оглядывая присутствующих. Впрочем, в такой толпе можно даже и не особо понижать голос, все равно, кроме твоего соседа, никто ничего не услышит... Увидев поблизости графиню Боттарди, я подошла поздороваться. Старая дама, к счастью, не поддавалась общей романтической лихорадке, и мы провели несколько приятных минут, потихоньку злословя о знакомых. Потом мою собеседницу отвлекли, а я взяла новый бокал взамен опустевшего, подумав мельком, что пора уже переходить на лимонад. Тут у себя за спиной я услышала мужской голос и чуть не подавилась. Неужели Джокер? Повернувшись, увидела фиолетовую мантию, обширный живот и веселые глаза и вздохнула с облегчением: монсиньор Паоло Гвискари, архиепископ Венеции, Фриули и Альто-Адижде.

– А вы ведь ждали увидеть кого-то другого, синьора Хемилтон-Дайер, – проницательно заметил прелат.

– Тем больше моя радость от встречи с вами, монсиньор! – ответила я искренне. – Хорошо, что вы здесь.

– Почему?

– Ну, это означает, что ваши разногласия с Контарини так или иначе решены. А я люблю, когда симпатичные мне люди пребывают в согласии.

– Да, действительно! – Тут он расхохотался, колыхнул чревом, наклонился ко мне поближе и прошептал: – Я гляжу на невесту и понимаю, почему мерзкая старуха хотела ее уморить. Мыслимое ли дело, каждый день видеть такую красоту, а потом смотреть в зеркало и обнаруживать там гадкую физиономию.

– И что, – поинтересовалась я с холодностью, – мерзкая старуха все еще морит остальных монахинь?

– О нет! Было проведено тщательное расследование, я лично выезжал в монастырь Святой Авеллии. – Тут он стал серьезен. – За неуставные действия, неподобающие лицу такого звания, бывшая настоятельница монастыря пожизненно отправлена в одиночную келью без права выхода. Она лишена магии, и на уста ее наложена печать молчания.

Он провел рукой по лицу, и суровый пастырь исчез, вновь сменившись весельчаком и гурманом:

– Честно говоря, последнее было вынужденной мерой! Когда Прокопия узнала, с какой целью я приехал... в общем, я узнал о себе много нового, а уж сколько неизвестных словосочетаний услышал!

Прием был в самом разгаре. Наступил тот момент, когда голоса начинают звучать все громче, глаза блестят, а улыбки становятся адресными. Иначе говоря, веселье достигло пика, и младшие члены клана Контарини, заменившие сегодня лакеев и хостесс, с улыбками стали разносить кофе, шоколад и пирожные. Очередная юная синьорита дотронулась до моего рукава:

– Синьора Хемилтон-Дайер, вас просят пройти в кабинет мессере Джакомо. Это в жилой части дома, вас проводить?

– Проводи, пожалуйста, – попросила я, отставляя бокал с лимонадом, которым я все-таки заменила шампанское. Не знаю уж, что заставляло меня даже здесь, в самом сердце клана, держаться настороженно.

Мы прошли по нескольким коридорам, остановились возле высокой двери темного дерева, и девочка постучала.

– Войдите! – раздался оттуда голос Пьетро.

Я открыла дверь и шагнула через порог.

Мессере Джакомо сидел за своим столом и улыбался чему-то, что говорила ему Маргарет, поглаживая руку супруга. Пьетро присел на край стола и, тыча пальцем в грудь Карло, давал ему какие-то наставления. Франческа и Чинция шептались с Беатриче, Витторе наливал вино в бокал Катерине, жене Пьетро. Джакомо-младший гладил пальцем книжные переплеты, что-то рассказывая стоящей рядом Лючии. Тесный семейный круг, все свои.

Хотелось бы мне знать, я теперь тоже член семьи?

– А, Нора! – Маргарет обогнула стол и быстро пошла мне навстречу. – Как хорошо, что девочки быстро нашли вас! Входите, прошу. Вина?

– Да, спасибо. Немного, мне кажется, я сегодня и так превысила дозу.

– Ну вот, все в сборе, – сказал мессере Джакомо, беря бокал. – Итак, здоровье молодых, и ждем вас домой после свадебного путешествия!

Карло и Беатриче, уже переодевшиеся в повседневные джинсы и куртки, подхватили небольшие сумки; глава клана повел рукой, и на месте стены засиял сиреневый овал портала.

- Ну, вперед! Медиоланум, Лютеция, Амстердам – и вы в Христиании.

Беатриче подбежала ко мне, поцеловала в щеку и последовала за Карло. Портал медленно погас.

- Интересно, куда отвезет их принц Хольгерд? – спросила Франческа.

- Думаю, у наследного принца Дании и Норсхольма есть пара-тройка загородных домов, – усмехнулся Пьетро.

Наши мини-совещания уже стали традицией.

Снова я сидела в кресле в малой гостиной Ка'Контарини с чашкой кофе на столике рядом со мной. Лавиния устроилась на подоконнике и глядела в окно, не знаю уж на что – окно выходило во внутренний двор этого огромного комплекса зданий, и любоваться там можно было разве что небольшой клумбой с тюльпанами.

Братья Торнабуони доедали вторую дюжину бутербродов, поскольку, по словам Джан-Марко, поесть им в прошлый раз удалось вчера утром.

- Итак, – сказал Пьетро, закрывая дверь гостиной и ставя звуконепроницаемый щит, – мы хотели обсудить нашего Джокера.

- Да уж, – кивнула госпожа Редфилд. – Признаться, мне он надоел. Все-таки злодеям не следует быть такими занудами.

Пьетро откашлялся:

- Надо же, практически то же слово в слово пару дней назад говорила мне Нора...

Лавиния усмехнулась, переглянувшись со мной, а Контарини продолжил:

- Итак, вчера попыток пройти наши щиты зафиксировано почти не было. Ну, журналистов мы ведь не считаем?

- С журналистами в нашем мире следует дружить, – сказала Лавиния.

- Они получили свой кусок мяса – всем были вручены магоснимки, описание платья невесты и адрес портнихи, которая его шила. Но им все равно очень хотелось попасть внутрь и заснять все самим.

- Ну а как же, – хмыкнула я. – Вдруг у невесты помада размажется или фата зацепится за что-нибудь? Ладно, Темный с ними, давайте о серьезном.

- Один раз, с самого утра, была попытка пробить щит, – сказал Контарини. – Вот здесь...

В воздухе возник план Ка'Контарини, и светящаяся точка указала на один из боковых входов с земли.

- Источник воздействия установить не удалось? – спросил Джан-Марко.

- Нет, – Пьетро покачал головой. – Потом, уже с основным потоком гостей, мужчина, вернее молодой человек, пытался пройти по фальшивому приглашению. Его допросили, но ничего внятного он не сказал. У меня лично возникло впечатление, что он под воздействием какого-то наркотика или серьезного ментального заклинания. Да вот, посмотрите запись допроса!

Совсем коротенькая, на пару минут, запись показала юношу с изжелта-серым лицом, который запинаясь, не мог вспомнить собственное имя и не понимал задаваемых ему вопросов.

- Менталисты его не смотрели? - спросил молчавший до этого Джан-Баттиста.

- Пока нет.

- Так, может быть, вы сможете, Лавиния?

- Хорошо, не вопрос. Рассказывайте дальше, Пьетро.

- А все, нечего больше рассказывать. Все мероприятие прошло настолько в штатном режиме, что от одного этого мне было не по себе. Молодые отбыли в Данию и Норсхольм, вернутся через месяц. Дворцовый маг короля Ингвара IV подтвердил, что все в порядке. Отчеты будут присылаться ежедневно в полдень и в полночь.

- Понятно. Ну что же, наш Джокер безумен, но в его безумии просматривается система, - задумчиво покивала Лавиния. - Он не стал соваться туда, где его ждала вся королевская рать. Отправил на проверку белую мышь, проследил, как она попала в когти кошке, и ушел.

- Ну, значит, будем ждать его на моем приеме? - вмешалась я. - Конечно, если Джан-Марко не найдет его раньше. Марк?

- Мы осмотрели тот дом на calle Borgolosso, о котором говорила твоя маленькая подружка, - принял эстафету младший Торнабуони. - И провели вместе с городской стражей две облавы в районе calle Foscari. Рассказываю сперва о доме: по бумагам он принадлежит вполне почтенному гражданину, синьору Донато Маркони. Дом много лет сдавался внаем по этажам: в первом была сапожная мастерская, во втором жили два семейства мелких лавочников с зеленого рынка, а третий занимал под мастерскую художник, там же он и жил. Как-то очень быстро, в течение двух или трех месяцев, дом опустел: сапожник запил и однажды исчез, лавочники разорились...

- Оба одновременно? - спросила я.

- Это как раз неудивительно, тот год вообще был тяжелым для мелкой торговли, - Джан-Марко заглянул в свой блокнот. - Удивительно другое: обе семьи уехали из Венеции, купив небольшие виноградники возле Монтальчино...

Пьетро присвистнул.

- Разорились, говоришь? - и пояснил Лавинии и мне, поскольку мы обе глядели на него вопросительно: - Земля в тех местах стоит дороже, чем на золотых приисках. Из тамошнего винограда делают потрясающие вина. Марк, а с ними разговаривали?

- Не успели еще. Я отправил туда двух сотрудников, но пока информации нет.

- Жаль... Хотя это сейчас не слишком существенно. Давай дальше.

- Дальше? У нас остался третий этаж. Художник оказался в Пьомби по подозрению в развращении несовершеннолетних. Через несколько дней он был найден мертвым в своей камере, дело закрыли, списав на самоубийство. А вот синьор Донато Маркони, представьте себе, отправился в кругосветное путешествие.

- С ума сошел? - вырвалось у меня.

- Вот и нам показалось, что для синьора восьмидесяти шести лет от роду, не являющегося магом, это какое-то слишком резкое движение. С другой стороны, может он всю жизнь об этом мечтал?

- В общем, дом опустел и допросить о том, что там происходит, некого, - резюмировал Пьетро.

- Ну, почему, - хитро улыбнулся Джан-Марко. - Я знаю, куда мог деться пропавший подмастерье из Farfalla Argenta. Это тот самый наркоман, который сидит у тебя под замком!

- Как ты это установил?

- В мастерской мне дали общий снимок всех сотрудников с какого-то празднования. Там

он, конечно, получше выглядит, но вполне узнаваем.

– Погоди минутку, – я прервала рассказчика. – А когда все это происходило – лавочники, смерть художника, отъезд в кругосветку?

– Хороший вопрос. Потому что сапожник исчез чуть больше года назад, сразу после праздника Перелома года, а художник умер через два месяца после этого.

– В феврале год назад?

– Да.

– Карло и его маска! – воскликнула я. – Вот теперь послушайте, что он рассказал мне вчера...

Выслушав мой рассказ о признании Карло, Пьетро досадливо щелкнул пальцами и поинтересовался:

– Интересно, почему он не рассказал этого мне?

– Во-первых, по словам твоего племянника, он только вчера припомнил этот случай, – ответила я. – Во-вторых, иногда человеку легче поговорить с кем-то... не самым близким. Мне, например, проще было признаться в проступке дядюшке, чем матери.

– Зато теперь мы понимаем, – вмешалась Лавиния, – почему именно Карло получил маску. Два месяца, ты сказала?

– Шестьдесят два дня.

– Я могу предположить, что маска растет примерно два месяца. А тот подмастерье, очевидно, делал для Джокера заготовки масок... Кстати, мои коллеги с кафедры химии и алхимии изучили состав, в котором была наша находка.

– И что там?

– Пептонный питательный субстрат на основе экстракта дубовой коры, сфагнума и водорослей Undaria, с большим содержанием азота. Плюс ряд алхимических компонентов, пока не все установили. В целом сходно по составу с субстратом для орхидей.

– Боюсь, это ничего нам не дает... – разочарованно произнес Джан-Марко. – Я, конечно, проверю венецианские общества любителей орхидей, но сомневаюсь, чтобы Джокер там регистрировался.

– А вот это зря, – неожиданно оживилась Лавиния. – Если допустить, что он именно из таких, то подумай, долго ли можно владеть чем-то уникальным и не похвастаться единомышленнику? Мы ведь кое-что про нашего Джокера знаем. Он самолюбив, считает себя гением, обожает раритеты и ценности – вспомните хотя бы его подземный кабинет!

– И что это нам дает? – с интересом спросил Джан-Баттиста.

– Значит, если он увлекается орхидеями, у него должно быть специально приспособленное помещение, это раз. И два, он непременно пожелал бы иметь что-то уникальное. А раз так, то кто-то должен об этом знать! Словом, это ниточка.

– Возможно, возможно... – глава СБ покачал головой. – Дам задание проверить.

– Дай. А что с тем районом, который твои люди должны были прочесать?

– Да пока ничего ценного. Задержали десятка полтора весьма сомнительных личностей. Городская стража ликует, поскольку все они, включая Деда Джованни, говорят безостановочно и отвечают на любые вопросы. Кроме тех, что касаются человека в маске джокера.

– Вряд ли они сообщат что-то, что помогло бы нам его найти, – Джан-Баттиста встал и

прошелся по комнате. – Если мы правильно предположили настоящее имя – Аренелло Паски, то у нашего фигуранта было двадцать пять лет, чтобы подготовиться. Думаю, вернувшись в Венецию, он первым делом оборудовал себе не одно и не два тайных убежища. Два мы знаем...

– Взорвавшийся дом алхимика и тот подземный ход, – кивнул Пьетро.

– Именно. Но их может быть еще несколько. Ты сам знаешь, где-нибудь в кварталах de ultra, в районе Дорсодуро или за старыми складами полным-полно заброшенных домов.

– Мы там чистим ежегодно, – поморщился Джан-Марко, – но через месяц все возвращается на круги своя.

Джан-Баттиста остановился возле окна, сунув руки в карманы, и сказал глухо:

– Мне не хотелось бы это признавать. Но похоже на то, что сейчас единственный способ быстро остановить Джокера – это воспользоваться предложением Норы, устроив ловушку на ее вечере Нового Света.

– Тино... – Джан-Марко начал говорить, но брат жестом остановил его, повернувшись ко мне:

– Нора, если у тебя есть хоть малейшее сомнение, откажись! Уезжай из Венеции, вернись в Новый Свет – туда Джокер точно не отправится.

Я покачала головой.

– Нет. И дело даже не в том, что ничто не помешает этому милому синьору попросту заплатить какому-нибудь наемному специалисту за мою смерть. Разве обязательно самому держать нож, который наносит удар? Просто... я не уеду. Значит, я в игре.

Вечером меня ждал урок танцев.

Не одну меня: Франческа и Чинция, разумеется, приняли самое горячее участие в подготовке к вечеринке, могли ли они пройти мимо тренировки в танго или пасодобле? Учителя нам порекомендовала Джулия Ди Майо, жена моего коллеги. Оказывается, в Медиолануме весьма популярны милонги, вечеринки с танго, и клуб Эухенио Нуньеса считается самым-самым. Синьор Эухенио милостиво согласился в течение десяти дней давать венецианцам уроки танцев в стиле латина, за совершенно несусветную плату.

Впрочем, к концу второго часа урока я поняла, что готова заплатить еще сто пятьдесят дукатов, чтобы упасть хотя бы на пол. А синьор Нуньес был неумолим. Он сменил третий музыкальный кристалл, подхватил Франческу, повелительным жестом отправил к нам с Чинцией фантомов и воскликнул:

– И-и-и... раз!

Наконец, танцор развеял фантомных партнеров, взял сумку с туфлями и учтиво попрощался с нами до среды. Лежа в кресле и обмахиваясь веером, Франческа простонала:

– Я уже триста раз пожалела, что ввязалась в эти уроки!

– Но танцует он, как бог! – мечтательно возразила ей Чинция. – Нора, а у тебя есть мороженое?

Конечно, нашлось и мороженое, и белые персики, чтобы сделать коктейль «Беллини», так что остаток вечера мы провели в dolce far niente.

Дни летели, стремительно перелистывая календарь. С пятницы, одиннадцатого апреля, мы с доктором Тедеской и его ассистентом Марко начали готовить синьора Лоредано к операции. Признаюсь, я волновалась не меньше, чем перед операцией Карло Контарини-Маффео: все-таки Лоредано намного старше, да и маска пробыла на его лице пять лет, а

не год. Еще один повод для беспокойства – мы не знали, как поведет себя pellis. Все-таки случается, что он не подходит для какого-то типа кожи, и слой геля так и остается слоем геля, не превращаясь в дерму, эпидермис и прочее. Обо всем этом я честно рассказала пациенту и получила совершенно спокойный ответ:

– Дорогая моя, все это совсем не кажется ужасным человеку, который прожил пять лет скованным, в непонятном подземелье, ежеминутно ожидая новых пыток... Очень долго я знал, что у меня нет никакого будущего, а вы открываете для меня целых два его варианта! Вот только, боюсь, мне негде найти снимок, показать вам, как я выглядел когда-то.

– Думаю, что это наименьшая из проблем, – улыbnулась я. – Вы забываете, что в наших рядах – глава Службы магбезопасности Венеции. Что-то мне подсказывает, что у него найдется на вас досье...

– Ну да, конечно! А в досье должен быть портрет. Спасибо, Нора! – он слегка сжал мою руку. – Значит, до понедельника?

Над операционным столом зажегся свет. Я помолилась Бригите, взяла скальпель и провела первый разрез... Все было точно так же, как и во время операции Карло, и совершенно по-другому. И, честно говоря, мне ужасно не хватало Лавинии: оказывается, в прошлый раз осознание ее присутствия за спиной придавало твердости моей руке. Мы с Тедеской воспользовались техникой, которую она показала на той операции, воздушными лезвиями, и процесс шел куда быстрее. Периодически я посматривала на портрет Лоредано, висающий на стене прямо передо мной. Что и говорить, красивый был мужчина. Хорошо бы было, если бы наш pellis не закапризничал и эту патрицианскую внешность удалось воссоздать...

На счет «три» мы в четыре руки удалили маску, и я стала наносить рассчитанные дозы препарата, проговаривая про себя те самые заклинания, которые должны превратить эту анатомическую модель в человеческое лицо. Собственно, эти заклинания и являлись главным достоянием доктора Хемилтон-Дайер, поскольку были полностью моей разработкой. Наконец все закончилось, и две сиделки повезли синьора Лоредано в ту же палату, где лежал после операции Карло. Я вымыла руки и пошла следом, чтобы проконтролировать, как будет поставлен абсолютный щит.

Пьетро поймал меня, когда я, дав сегодняшней сиделке окончательные инструкции и запугав ее, насколько было возможно, вывалилась из палаты в коридор.

– Спешешь? – спросил он, легко спрыгнув с подоконника.

– Не особенно, – я посмотрела на часы. – Собственно, на сегодня по плану у меня остался только урок танцев, а перед ним нужно будет отдохнуть.

– Тогда пойдем выпьем кофе. Сегодня наш мсье Гультрэ обещал паннакотту с земляникой, а?

Я только застонала: за десерты французского шеф-повара Ка'Контарини можно было продать душу.

В голубой малой гостиной я уже чувствовала себя практически как дома. Когда горничная принесла кофе и три порции паннакотты (две для меня, одну для Пьетро), хозяин, закрыв за ней дверь, привычным жестом поставил полог от подслушивания и спросил у меня серьезно:

– Ты думаешь, все получится?

– Ничего не могу сказать до среды, – ответила я. – Я говорила тебе тогда, в феврале, и говорю сейчас: все зависит от того, не произойдет ли отторжения препарата. С Карло все получилось идеально. Кстати, есть известия, как они там?

– Все отлично, ловят рыбу и гуляют по лесу, – он махнул рукой. – Предположим, все получилось. Как ты считаешь, стоит Лоредано появиться на твоём приеме?

– Почему нет? – ответила я вопросом на вопрос. – А что тебя так беспокоит?

– Дело в том... – он потер пальцем левую бровь. – Понимаешь, я хочу предложить Лоредано не покидать пост дождя.

– Однако... Вроде бы он сказал, что все решил и будет предлагать Совету десяти назначить новые выборы. Как ты сможешь его переубедить?

– Не знаю. Но сейчас для смены дождя исключительно неудачный момент. Если выборы будут объявлены, почти наверняка пост достанется Лодовико Дамиани. Для нашего дома это означает сокращение государственных заказов и отмену льгот, как минимум. С семьей Дамиани мы... не дружим. Давно.

Политика и деньги, конечно, в чем же еще может быть дело... Я поморщилась, но, видимо, слишком явно, потому что Пьетро, вспыхнув, стал объяснять мне, что это никакой не протекционизм... Покачав головой, я положила ладонь ему на руку.

– Не надо. Мне все равно, как вы получаете заказы и на каких условиях торгуете, все это честный бизнес. Я на вашей стороне, ты помнишь? Просто никто из нас не может знать, в каком состоянии, прости, у нашего Пьеро голова. Лично я на его месте сошла бы с ума задолго до конца первого года заключения. Так что давай подождем, посмотрим на результаты операции, подождем, пока он придет в себя... И только тогда ты станешь или не станешь что-то ему предлагать. Мне кажется, так будет правильнее.

Шесть вечера. До времени, обозначенного в приглашениях, остается еще два часа, а мне решительно нечем заняться. На кухне царит Джузеппина, командующая сегодня еще двумя поварами и пятью юными помощниками. Платье доставлено еще вчера, отглажено и ждет своего часа в гардеробной. Маска... Над маской я задумалась на какое-то время, потом решила не множить сущности без необходимости и достала из коробки Colombina, которую когда-то принес мне синьор Лаварди, черную с серебром и россыпью алмазной пыли. К серебристо-стальному платью с черным кружевом отлично подойдет.

Бальный зал должен был засиять огнями, освещая первую в Серениссиме милонгу, в гостиной стояли ломберные столики для тех, кто не пожелает скользить в танго или лететь в пасодобле. Счет за цветы для украшения столовой я подписывала, зажмурившись, – даже бостонские приемы моей матушки, отличавшиеся особым размахом, стоили меньше.

Половина седьмого. В кабинет пришла Лавиния, посмотрела на меня с некоторым сомнением и спросила:

– Слушай, ты вчера рассказывала что-то про Лоредано, но я была настолько уставшая, что ничего не помню! Он будет сегодня?

– Обещал быть. Приедет чуть позже Контарини, в маске Пьеро...

– Как это он согласился ее надеть после этих пяти лет?

– Ох, не знаю. Признаться, я для себя маску на сегодня выбирала с большим сомнением. Ну вот, кто-то из Контарини тоже будет Пьеро, так что у Джокера не должно возникнуть сомнений... если только он не читает ауры.

– Ага, – Лавиния достала из кармана жакета коробку и положила на стол. – Вчера я получила вот эти несколько экземпляров от Гильдии артефакторов Дании и Норсхольма.

Коробку я открывала с некоторым трепетом: мастера упомянутой Гильдии считались, и заслуженно, лучшими в мире. Внутри на подушке белого бархата лежали пять небольших кулонов из аметиста в оправе, свитой из трех металлов разного цвета. На мой вопросительный взгляд Лавиния пояснила:

– Последняя разработка. Они называли ее поглотителем ауры, но это не совсем верно. Скорее можно сказать, что этот амулет ауру нивелирует, скрывая все индивидуальные особенности. Ну, смотри: мы знаем, что основной фон у эльфа будет бледно-зеленым, у человека – белым, а у дракона, например, огненным. Но дальше на ауре человека

отражаются его наследственные признаки, личные способности, болезни, сиюминутные эмоции и прочее. Сейчас проведем эксперимент, посмотри на мою ауру!

Я послушно выполнила приказ и зажмурилась: да, поле вокруг нее было белым в своей основе, но его расцветивали такие пятна и сполохи, что впору было ослепнуть.

– Ого, – только и смогла произнести я.

– Ну вот, – усмехнулась госпожа Редфилд. – А теперь я надеваю амулет...

Вот теперь ее аура была спокойной и какой-то усредненной. Как на картинке в учебнике для второго курса.

– Я поняла. Значит, Джокер не сможет таким способом отличить синьора Лоредано, это отлично. Но ведь и у него самого может быть сходный амулет?

– В том-то и дело, что нет! Предыдущие разработки приглушали ауру, делали ее менее яркой, но не скрадывали индивидуальные признаки. А это закончено совсем недавно, и все, что было сделано в мастерских Гильдии, немедленно поступило в распоряжение Службы магической безопасности. Конечно, у Джокера могут быть какие-то свои методы, но никто и не говорил, что это будет безопасная прогулка по лугу. – Лавиния вновь убрала коробку с амулетами в карман и спросила у меня: – Ну что, теперь ты успокоилась?

– А ты знаешь, да! – с удивлением я поняла, что и в самом деле нервничала, а сейчас перестала. – Слушай, я хочу тебе показать одну штуку...

Вынув из сейфа связку ключей, я открыла один из шкафов, достала пару кубков, подаренных графиней Маргарет, и поставила их на стол, с некоторой торжественностью провозгласив:

– Кубки мессере Руджеро Контарини!

– Руджеро? – Лавиния склонилась над столом, изучая гравировку на рубиновом стекле. – Это сколько ж им лет?

– Больше шести сотен. Но главное даже не это... Видишь, леопарды разные? – дождавшись, пока она кивнула, я продолжила: – Так вот, если тебе подают красное вино или келимас, что ты делаешь с напитком?

– В смысле? Пью, разумеется!

– Ну, чаще всего ты вначале слегка согреешь его в ладонях, верно? Так вот, если вот эту чашу, – я указала на тот герб, где леопард обернулся назад, – немного погреть, то в напиток выделится яд.

– Вот как... Ты предполагаешь и такое развитие событий?

– Мы не можем знать, что придет в больную голову Джокера. Но вполне может статься, что он сочтет меня недостаточно сильным противником, понимаешь?

– Да, вполне. Считаешь, он может решить, что я больше подхожу ему по весовой категории? Тогда я бы хотела знать, где ты держишь келимас!

В бальном зале отзвучало второе танго, когда в дверях появился высокий человек в костюме и маске Джокера. Мое сердце будто бы пропустило удар, а потом забилось сильнее. Тьма его побери, это он! Я узнала того, кого видела фактически всего раз, в кабинете синьора Барузи, узнала, несмотря на то, что похожих масок шута в зале было две или три. Подойдя к музыкальному кристаллу, я сменила полосу записи. Зазвучал вальс, и я подала руку Джан-Марко, тихо сказав:

– Это он.

– Сейчас ребята сверят по записи ауры, – ответил глава венецианской Службы магбезопасности, крутя меня в особенно лихом повороте. – Ты, главное, не волнуйся.

- Даже и не думала, - соврала я. - Просто я знаю, что это - он.

Тем временем гость осмотрел бальный зал. Его светлые глаза, сквозь прорези кажущиеся почти белыми, уставились на меня, потом взгляд пополз дальше.

- Наш Пьеро в гостиной? - прошептал Джан-Марко.

- Да, играет в бридж с Маргарет, Пьетро и Катериной Морозини.

Вальс закончился, и я, обменявшись взглядами с Лавинией, прошла к играющим в карты. До ужина еще двадцать минут, потом снова танцы. В половине двенадцатого будет конкурсный танец, пасодобль, и получение приза выигравшей парой, а в полночь, по условиям игры, все снимают маски. Хотелось бы, чтобы Джокер не начал действовать раньше этого момента...

Краем глаза я увидела, как он, помедлив в дверях гостиной, вернулся в бальный зал и заскользил в танго с одной из юных дам. А ведь он хорошо танцует, этого не отнять. Интересно, когда и где отшельник и затворник сумел так освоить модные танцы? Джокер, ведущий в танго Анну Контарини, - в какой ненаучной фантастике можно отыскать такой сюжет?

«Светлая Ниала и Великая Матерь, - взмолилась я, - пусть все пройдет как должно, не дайте никому пострадать!»

Ужин был великолепен. Бразильский салат из омаров с авокадо и запеченный помэрилендски окорок сменились буйабесом из Нувель-Орлеана с устричными пирожками. После лаймового сорбе настала очередь жареной индейки с клюквенным соусом и артишоков drigante. И наконец, увенчался этот праздник языка и желудка грантом из черники и арбузом, залитым подслащенным шерри.

Когда-нибудь потом я попрошу Джузеппину повторить лично для меня эти кулинарные шедевры, потому что сегодня все перечисленное казалось мне приготовленным из одного и того же куска размоченного картона. Я имела прекрасную возможность наблюдать за Джокером, с моего места было видно все круглые столы, на десять гостей каждый. Над каждым из столов горел яркий цветной фонарь; стол, где виднелись ярко-зеленые «уши» с бубенцами, увенчивавшие его головной убор, освещался розовым. Довольно гадкий получался цветовой эффект, что и говорить...

Джан-Баттиста, сидевший от меня слева, взял меня за руку:

- Не пялься на него так неотрывно, дорогая, ты в нем дырку прожжешь, и он догадается, что у тебя на уме.

- Я не пялюсь, - ответила я. - Просто прокручиваю в голове, что он может сделать здесь, в толпе гостей.

- Вообще-то немного, ужасов не жди. Братец проверил - при нем нет взрывчатки, оружия, даже холодного, амулетов, артефактов...

- Ты хочешь сказать, что он пришел с пустыми руками?

- Получается, что так, - мой собеседник пожал плечами. - На всякий случай помни, что в зале двадцать четыре сотрудника СБ, не считая Джан-Марко и Лавинии.

- Я помню, кто сегодня разносит еду и убирает грязные тарелки, - ответила я немного обиженно.

Могла ли я забыть, если сама предложила вместо наемных слуг использовать оперативников?

Мне казалось, что будет неправильно, если я стану участвовать в конкурсном танце, но Джан-Баттиста протянул мне руку, и я не стала спорить. Быстрый ритм занял все мои

мысли, и я, полуприкрыв глаза, видела только партнера. Восьмерка, удары каблуком, восьмерка со сцепленными руками, снова удар каблуком, поворот в замке... Тьма его знает, как не заплелся в ногах длинный хвост моего платья, предназначенного больше для танго, чем для живого, энергичного пасодобля! Музыка закончилась, и наступила сперва тишина, а потом раздался взрыв аплодисментов. Вслед за другими танцовщицами, я присела в реверансе – кажется, не столько из соображений этикета, сколько оттого, что колени у меня подгибались. Очень вовремя рядом со мной возник молодой человек в ливрее, подал бокал ледяного шампанского и тихо сказал:

– Мы поймали очень сильный всплеск магической энергии рядом с фигурантом. Госпожа Редфилд сказала, что он считывал ауры.

– Значит, Лоредано он не нашел... – перевела я дух.

Но события летели вперед совсем не по тому пути, который мы все предполагали.

Собственно, план был таков: если Джокер появляется на вечере, за ним следят, в удобный момент тихо арестовывают, закатывают в наручники и ошейник из орихалка и дальше уже допрашивают в СБ.

Джокер появился, вечер близился к концу, и Лавиния успокаивающе мне улыбнулась под маской-gatto, а мне не давало покоя предвкушение моего грядущего личного боя.

Внезапно шум стих, и на пустое пространство в центре бального зала вышел человек в маске Пьеро.

– Он что, с ума сошел? – я вцепилась в руку Джан-Баттисты. Его брат за моим плечом тихо выругался.

А тот, на кого были обращены в эту минуту все взгляды, поднял руки и снял маску. Громкое слитное «Ах!» прокатилось по залу, потом полужнакомый мне женский голос вскрикнул пронзительно:

– Дож!

И гости зашумели, выкрикивая его имя, задавая один за другим вопросы... Я взглянула на Джокера: тот неотрывно глядел на человека, сбежавшего из его личной темницы, и сжимал в руке бокал с шампанским. Стекло вдруг хрустнуло и разлетелось, кровь потекла по белому кружеву манжеты.

Лоредано поднял руку, и гости затихли. «Да уж, о моей вечеринке долго будут говорить в Серениссиме!» – подумала я, нервно хихикнув про себя.

– Друзья мои, я понимаю, что у вас ко мне есть множество вопросов! – разнесся по бальному залу голос опытного оратора. – И я обещаю, что отвечу на все. Нет-нет, прошу вас, сейчас не время и не место. Завтра в полдень я готов встретиться с членами Большого совета. А сейчас давайте не будем портить праздник нашей прекрасной хозяйке. Я голосую за пару под номером двенадцать, вот мой билет!

Он демонстративно опустил специальный билетик в вазу, которую держал перед ним лакей. Остальные гости, возбужденные и озадаченные, оживленно переговариваясь, все же последовали его примеру.

– Ты что, договаривалась с ним, что он будет вести это... представление? – спросил у меня из-за спины Джан-Марко.

– Нет, конечно. Синьор Нуньес руководил всем вечером, должен был и конкурс проводить. Кстати, я его здесь вообще не вижу. Может, Пьетро что-то придумал?

– Ой, вряд ли. Что-то мне это не нравится. Пойду-ка я посмотрю, что делают мои посты. А ты, Нора, надень вот это, – в руку мне вложили какое-то украшение на цепочке. – Этот амулет будет тянуть из тебя силы, завтра будешь никакая, поэтому раньше и не давал. Но зато он защитит от ментального воздействия и даст дополнительный щит.

Тем временем все гости уже опустили свои билетки в большую крюшонницу синего стекла, и синьор Лоредано с двумя лакеями занялся подсчетом голосов. Шум усилился:

собравшиеся, разумеется, всю обсуждали неожиданное появление пропавшего так давно дожа, его связь со мной, роль во всем этом дома Контарини... А вот кто-то первый произнес слово «скандал», и оно запорхало по бальному залу. Я сжала зубы: похоже, что популярность моя приобретает неприятный оттенок...

– Итак, – голос Лоредано вновь перекрыл шум толпы, и все затихло, словно после магического пасса. – Итак, мы готовы объявить победителей! Прошу пару под объявленным номером выходить сюда и... снимать маску!

– Такое впечатление, что он полжизни проводил антикварные аукционы и детские праздники, – неприязненно пробормотала я. Джан-Баттиста не ответил, только сжал мне руку.

Первое место было отдано Чинции и ее жениху, Гаэтано Фоскари; второе получила совсем молоденькая Клара Боттарди, внучка той самой графини. Третье неожиданно перепало нам с моим партнером. Лоредано поднял ладонь, и в этот момент начали бить часы: полночь. С двенадцатым ударом зашелестели шелковые ленты, и гости начали освобождаться от масок, со смехом узнавая соседей.

– Посмотри, пожалуйста, что будет твориться здесь, в зале, – негромко сказала я, и Джан-Баттиста кивнул. – Я пойду гляну, что там за шум в коридоре.

– Подожди, – он попытался меня остановить, но в этот момент к нему обратился один из совсем старых нобилей, а я выскользнула за дверь. Двое сотрудников СБ в ливреях лакеев последовали за мной, повинаясь моему кивку.

Признаться, меня просто трясло от злости на всех: на себя, что ввязалась во всю эту историю, на Лоредано, который так лихо расправился с моей репутацией, на Пьетро, не договорившегося вовремя с треклятым дожем, а теперь и вовсе пропавшего куда-то... В коридоре было пусто, я прислонилась к прохладному шелку стены, закрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Перед глазами перестали плавать желтые кольца, и вот тут-то я услышала хорошо знакомый дребезжащий тенорок:

– Стойте смирно, прекрасная синьора! Впрочем, можете посмотреть на меня.

Я открыла глаза: прямо перед моим лицом, совсем близко, ухмылялись ярко-красные губы и съехавшиеся к носу глаза Джокера. Здравствуй, мой дорогой кошмар! А где мои охранники?

Ну, ясное дело, лежат кучкой возле стены. Обездвижить их для Джокера труда не составило...

– Добрый вечер, синьор Паски. Вы ведь Аренелло Паски, я не ошибаюсь?

– О, да вы не только хороши собой, но еще и осведомлены о многом, чего знать не следовало бы! – он довольно захихикал, и у меня по позвоночнику пробежала холодная дрожь.

Да где ж эта хваленая Служба безопасности, почему нет никого больше?

Джокер снова хихикнул:

– Нет-нет, не ждите, никто не появится. У вас свои хитрости, а у меня, знаете ли, свои, поэтому в ближайшее время из вашего прекра-а-асного бе-е-елого бального зала не выйдет ни один человек. Впрочем, мне хотелось бы присесть. Где-то тут был ваш кабинет, милая дама? Можете показать рукой, я разрешаю.

Я поняла, что и в самом деле могу пошевелиться только для того, чтобы поднять руку и показать на дверь кабинета в самом конце коридора. Что-то скрипнуло, Джокер повернул голову, и бубенчики зазвенели.

– Нет, показалось, – пробормотал он. – Ну же, идемте.

И он подтолкнул меня в спину.

Дверь была чуть приоткрыта. Я вошла первой, широко распахнув ее, и села в кресло. Почувствовав прижавшееся к ногам пушистое и горячее кошачье тело, я поняла, что под креслом Руди. Ага, это скрипели дверные петли, когда он проник в кабинет!

Тем временем Джокер захлопнул дверь, закрыл поворотом торчащего изнутри ключа, уселся в кресло напротив и удовлетворенно сказал, потеряв свои руки в белых перчатках:

– Ну вот, теперь можно и побеседовать. Разрешаю вам говорить и выполнять любые действия, не идущие мне во вред.

«Ну, и чего стоил твой амулет от ментального воздействия, Джан-Марко?» – подумала я, вслух же сказала без особой любезности:

– О чем же нам с вами говорить, синьор Паски? Не вижу общих тем.

– Ну как же, как же! А вот, например, откуда вы вытащили этого дохлого дожа? Неужели прятали под своей кроватью?

– Грубо и не смешно, – равнодушно ответила я. – И вообще, как-то неравно получается: я сняла маску, а вы – нет.

– Ну и что? Вы меняете маски, а я сроднился с этой!

Его руки ни минуты не были в покое: он то проводил пальцами по кромке стола, то выстукивал дробь по ручке кресла, то дотрагивался до своей щеки. Взгляд также блуждал по кабинету, цепляясь за золотого карпа на ширме или книжные корешки.

– Вот как... То есть у вас она приросла к лицу так же, как у Лоредано и Карло Контарини-Маффео?

– Нет! – взвизгнул он. – Это у них, у них так же, как у меня!

– И чего же вы хотите от меня? Чтобы я сделала вам такую же операцию? – я старалась говорить тихо и монотонно, мне казалось, что от любого резкого возражения или неожиданного звука Джокер впадет в буйство.

– Зачем мне эти ваши глупости? Ха! – он рассмеялся.

– Ну, хорошо, раз уж мы так мило беседуем, удовлетворите мое любопытство? – спросила я самым светским тоном. – Ваша магия... это ведь что-то совсем необычное? Я такого никогда не видела!

Надо подпустить побольше восхищения в голос. По-моему, тут пересолить невозможно: ему очень хочется похвастаться кому-то равному. Ведь не с отморозками же на Calle Foscarini разговаривать?

Мой собеседник хмыкнул.

– Тянете время, моя дорогая? А напрасно! Там, в зале, часы тикают медленно-медленно, пока мы говорим, для них прошла всего минута.

– То есть вы владеете еще и темпоральной магией? Или это что-то иное?

– Что-то иное, вот именно... – он рассыпал мелкий дробный смешок и потер руки в белых перчатках. – Братец Нгури, что скажешь? Покажем прекрасной синьоре, что мы умеем?

Я затаила дыхание, пытаюсь мысленно вознести молитвы всем светлым богам и путаясь в словах. Тем временем в темном углу возле книжного шкафа появилось какое-то желтовато-зеленое свечение, а внутри его нарисовался контур странной, несообразной фигуры получеловека-полуживотного. Огромная обезьяна или что-то вроде снежного человека?

Желтый контур налился силой, фигура уплотнилась и шагнула вперед. Длинные зубы оскалились в широкой пасти, и я поняла, что забыла, как дышать. Локи, бог магии и

обмана, повернись ко мне своей светлой стороной, не дай пропасть!

– Нет-нет, Нгури, оставайся там, где стоял, – Джокер немного нервно помахал в воздухе кистью. – Вот, синьора Хемилтон-Дайер, разрешите представить вам моего названного брата. Даже, наверное, не брата, а вторую мою половину.

– Он... что-то вроде духа Лоа в культе вуду?

Я честно старалась говорить заинтересованным голосом. Боги, да сколько же нужно времени, чтобы кто-нибудь меня хватился?

– Ну, можно сказать и так, – Джокер покосился в угол. – Но вообще-то он не любит этого определения, духи Лоа кажутся ему слишком мелкими. Так вот, именно благодаря Нгури я узнал многое, многое... Ну вот, например, научился выращивать мои прекрасные маски и заменять ими гадкие, несовершенные лица. Увы, увы, не каждому моя маска подходит. Иногда подопытный просто портится в процессе... Ну, зато тогда его плоть и кровь отлично подходят, чтобы насытить Нгури. Увы, вы отобрали мое зеркало, которое я с таким трудом нашел, а ведь оно помогло бы моему дорогому брату обрести собственную плоть!

Огромная сгорбленная фигура в углу качнулась в мою сторону, и я позорно взвизгнула.

Джокер довольно хихикнул:

– Бойтесь, синьора? Правильно делаете! Ну, хорошенького понемножку. Иди, Нгури, – и он пробормотал какую-то фразу на абсолютно незнакомом мне, чуждо звучащем языке. Жуткое существо медленно растаяло. – Вот так, синьора Хемилтон-Дайер, теперь вы знаете секрет моей особой магии. Даже и не придумаю, что бы от вас потребовать взамен? А угостите-ка меня, прекрасная синьора, каким-нибудь хорошим напитком. Вон я вижу в шкафу необычной формы бутылку, посмотрим, что же в ней. Да и себе налейте, чтобы не вздумали меня отравить! Вдруг там – хе-хе – средство от тараканов?

Я перевела дух: кажется, живьем меня есть не будут... Подойдя к шкафу, достала памятную бутылку и два кубка рубинового стекла и поставила их на стол.

– Тараканов, по-моему, уже и в природе не осталось, – сказала я, наливая понемногу в каждый из кубков. – Это пятидесятилетний келимас из Галлии, апелласьон Grand Champagne. Мне его подарил клиент после удачной операции. Прошу вас.

Джокер подождал, пока я возьму кубок и отопью глоток, потом с хихиканьем схватил мой кубок и заменил своим. Я пожала плечами и села поудобнее. К моим ногам снова прижалось горячее тело кота, и мне стало совсем спокойно. Обхватив кубок ладонями, я стала греть келимас, иногда поднося его к лицу и вдыхая аромат.

Мой незванный гость искоса посматривал на меня и ждал. Я сделала глоток, покачала головой и продолжала согреть напиток.

– Мой покойный муж, Фрэнсис Хемилтон-Дайер, был большим ценителем келимаса, – сообщила я равнодушно, будто мы беседовали на дипломатическом приеме. – Он считал, что напитки старше десяти лет нельзя пить несогретыми, пропадает практически все удовольствие. Вот попробуйте!

– У меня перчатки, – буркнул он.

– Ну так снимите!

– Мои руки... вас напугают. Шрамы.

– Милейший синьор Паски, вы забыли: я хирург. Мне доводилось видывать такие шрамы, которые вы себе даже и представить не можете!

Джокер поставил кубок на стол и стянул перчатки. Действительно, его руки покрывала сетка скверно заживших шрамов... Пока в ладонях нагревался келимас, я лихорадочно искала тему разговора, которая бы позволила потянуть время и не растревожила безумия сидящего напротив мужчины. О чем с ним говорить? О погоде, о здоровье, о танцах, о кошках? А еще я страшно боялась, что братья Торнабуони вырвутся из зала и

попытаются выломать дверь: любой шум сдвинет этот камень, и тот покатится с горы вниз, сминая меня в лепешку.

– Да, благодаря Фрэнку я тоже научилась ценить крепкие напитки... Вот недавно приятельница уговорила меня попробовать aqua vita с острова Айла, очень неожиданный получился опыт. – Я отхлебнула еще келимаса, и Джокер наконец-таки последовал моему примеру. Глоток, второй, третий...

– Вы правы, прекрасная синьора, вкус действительно меняется к лучшему...

Тут он захрипел, уронил кубок, изогнулся в кресле и попытался дотянуться до меня рукой, но я отскочила к двери. Руди вылетел из-под кресла, распушил хвост и изогнулся дугой, наблюдая за бьющимся в конвульсиях телом.

– Ты... ты меня все-таки отравила! Прокли... на... – кот ударил по маске лапой, когти проскрежетали по щеке, и Джокер уронил голову, не успев закончить проклятие. Со стоном я опустилась на пол и просидела, обняв кота, пока в коридоре не раздались громкие голоса. Только тогда у меня получилось дотянуться до ключа и повернуть его.

Первым в дверь ворвался Джан-Баттиста и остолбенел, увидев открывшуюся картину. Кот негромко зашипел, очевидно высказывая свое отношение к мужчинам, оставившим меня наедине с опасным сумасшедшим, вспрыгнул на стол и начал вылизываться. Пьетро подошел к телу, лежащему на ковре, послушал пульс и отпустил безвольно упавшую руку.

– Мертв. Но я бы на всякий случай упаковал его в орихалк.

– У твоей матушки очень качественный яд, Пьетро, – рассмеялась я. – Я обязана ей жизнью. Что же до орихалка... на мой взгляд, разумнее было бы лишить его чего-нибудь жизненно важного, головы например. Только не здесь, мне нравится мой ковер!

Джан-Баттиста подхватил меня на руки, сел в кресло, устроив меня на коленях, и сказал:

– Нора, любимая! Был момент, когда я подумал, что потерял тебя...

– Ну, это было очень близко, – я уткнулась лицом ему в плечо.

– Ты так спокойна...

– Это меня просто еще не достало, погоди! Тебе еще придется меня отпаивать и приводить в чувство.

Тем временем несколько молодых людей, руководимых Джан-Марко, надели на труп наручники и ошейник из орихалка, завернули его в какое-то полотно и осторожно вынесли из кабинета.

– Марк! – окликнула я и, когда он повернулся ко мне, сказала: – Было бы хорошо, если бы гости не заметили эту процессию.

– Там Лоредано их отвлекает, – махнул тот рукой.

– Боюсь спросить: чем?

– Играет на виолончели сюиту собственного сочинения. Он сообщил публике, что удалился от мира именно потому, что ощутил потребность в написании музыки. Недостоверно, но ничем не хуже любого другого объяснения.

Я рассмеялась и никак не могла остановиться, пока Руди не спрыгнул со стола и не укусил меня за указательный палец правой руки.

– Кот, ты чего? – спросила я, вытирая слезы. – Больно же!

– Всяко приятнее, чем пощечина, – заметил Пьетро, ставя на стол кубок, который он поднял с пола. – Тебе стоило бы вернуться в зал...

– Мне нужно десять минут, – я встала на ноги. – Можешь шепнуть Лоредано, чтобы сыграл еще что-то?

Контарини кивнул и вышел.

Джан-Марко проводил меня до двери моей спальни, но там я покачала головой:

– Извини. Пока я справлюсь сама. Ты же все равно не сможешь заново наложить мне макияж!

– А кота вот выпускаешь...

– Руди меня спас, – серьезно ответила я.

– Хорошо, как скажешь. Я буду ждать тебя в кабинете.

Вот возле раковины меня накрыла первая волна отходняка. Опустив руки в горячую воду, я тряслась и вонзала ногти в ладони, а по моему лицу катились слезы, окончательно смывая косметику. Слегка придя в себя, я умылась, нанесла особый крем, в который магически были вплетены заклинания, освежающие кожу и придающие ей сияние. Закрепила все это «амулетом свежести», разработкой все той же Гильдии артефакторов. Потом, сказав самой себе «Эврика!», вошла в гардеробную и переоделась во второе платье для танго, привезенное синьорой Флавиа, абрикосовое. Обновила макияж, посмотрелась в зеркало, подмигнула коту, который наблюдал за мной с одобрением, лежа на моей кровати и вылизывая лапу, и вышла из спальни.

Меня ждут гости, друзья, любимый мужчина и, наверное, какие-то новые приключения.

Не может же так быть, чтобы я ни во что больше не ввязалась?

Эпилог

Розы пахли совершенно одуряюще, и я попросила горничную отнести их пока в кабинет. Та сделала укоризненные глаза, но исполнила указание.

– Ну что, – спросила Чинция, которая сидела на пуфике и с интересом смотрела, как мне укладывают волосы в обманчиво простую прическу. – Идем одеваться?

– Ну, вряд ли мне стоит отправляться в храм в таком виде, – ответила я, глядя в зеркало. Там отражалась женщина в корсете и белых чулках.

Подруга фыркнула и распахнула двери гардеробной. Я втянула воздух и сделала шаг назад: прямо передо мной во всей своей красе сверкало надетое на манекен белое кружевное платье.

– Очень хочется кофе, – сказала я жалобно. – Давай ты сходишь на кухню и принесешь мне чашечку?

– Мне велели от тебя ни на шаг не отходить, – твердо ответила Чинция. – Но, если ты желаешь, меня может заменить твоя матушка. Конечно, Маргарет ее отвлекает светской беседой, но как скажешь!

– Нет уж, я воздержусь. Просто мне кажется, что, как только я надену это платье, ловушка захлопнется.

– Конечно, захлопнется! – бессердечно согласилась она. – Ты же сама ее построила, эту ловушку. Теперь бери и пользуйся. Там внутри полно вкусного сыра.

Да, свадебный наряд синьоре Флавиа удался, безусловно. Чинция подтвердила мое впечатление, сказав:

– Думаю, после этой свадьбы ей придется удвоить количество мастериц. Да что там, я и сама скоро пойду к ней с wybranymi моделями. Составишь мне компанию?

Июньское яркое солнце сверкало на волнах лагуны, на драгоценностях дам, пришедших на нашу свадьбу, на витражах крохотной церкви Ниялы, возле которой когда-то Джан-Баттиста впервые меня поцеловал. Внутрь едва поместились самые близкие – моя мама и ее муж, Арчибальд Ван дер Валлен, семья Торнабуони, семья Контарини, Лавиния, Лоредано...

Да, вот так закончилась история, начавшаяся с карнавала и закончившаяся смертью Аренелло Паски... То есть, прямо скажем, убийством, иначе это я назвать не могу, что бы ни говорил мне Джан-Баттиста о пределах необходимой самообороны. Но почему-то совесть меня не мучает.

Той же ночью, после бала, он сделал мне предложение, от которого я не смогла отказаться.

Джан-Марко вместе с городской стражей постепенно выловил всех сообщников Джокера. Без поддержки загадочной магии своего вожака они вновь стали тем, кем и были: люмпенами, обитателями городского дна, бандитами и убийцами.

Секрет этой магии раскрыть не удалось, несмотря на то, что мэтр Сонтхи задержалась в Венеции на два месяца. Лавиния на три недели передала своих студентов помощникам и вместе с ней проводила исследования, правда с переменным успехом. Впрочем, ученые дамы не отчаялись и руки не опускают. Нальи завязала переписку с одним из колдунов Квазулу-Нгуни и рассчитывает на некоторое сотрудничество.

Тело Джокера похоронили на Сан-Микеле после полного патологоанатомического исследования. Мозг Джокера, погруженный в стазис, отправился для исследований в лабораторию физиологии Университета Вероны. Как сказал доктор Тедеска, присутствовавший при вскрытии, все тело с головы до пят было покрыто незажившими

шрамами, как глубокими, так и совсем небольшими. Возможно, то же самое было и с лицом? Мы предположили, что именно поэтому он стал носить маску не снимая, и это неотвратно привело его к безумной и гениальной технологии. Как и для чего собирался сумасшедший маг использовать зеркало, канувшее в воды лагуны, осталось неизвестным. И слава всем богам! На мой взгляд, есть секреты, которые лучше не раскрывать.

Кстати, синьор Барузи приехал ко мне с извинениями за разбитое зеркало, потрясающей красоты набором бокалов в качестве утешения и, разумеется, чеком на восемь тысяч дукатов. Мы расстались лучшими друзьями, и на этой фабрике на острове Мурано меня всегда ожидают специальные цены.

Лоредано пока остается дожем, но музыку писать не перестал. По его словам, он начал придумывать мелодии, чтобы не сойти с ума в подземной камере, а теперь записывает их. Сюиту соль мажор для виолончели, которая исполнялась им впервые на том памятном вечере в Ка'Виченте, дож посвятил мне. Она пользуется особым успехом на концертах.

Сноски

Ахматова А.А. Кого когда-то называли люди... (Здесь и далее прим. авт.)

2

Панно, расположенное над дверью.

4

Сливки (фр.)

5

Маски сброшены (*ит.*).